

ГОРИЗОНТЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Том 13. Выпуск 2

2022

Свидетельство ПИ № ТУ74-01408
от 30.08.2019, Управление
Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
по Челябинской области

Учредитель:
ФГБОУ ВО «Челябинский
государственный университет»

Главный редактор *М. В. Загидуллина*
Заместитель главного редактора:
Т. В. Савельева
Редактор *А. Р. Медведева*
Компьютерная верстка *А. Р. Медведева*

Подписано в печать 22.08.22.
Выход в свет 08.09.2022.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 6,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 416.
Распространяется бесплатно

Отпечатно в издательстве
Челябинского государственного
университета
454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 57Б

16+

ISSN 2413-0125

Журнал включен в систему
РИНЦ и доступен на сайте
www.elibrary.ru

*Редколлегия может не разделять
точку зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание
статей и качество перевода
аннотаций несут авторы публикаций.*

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454084, Челябинская область,
Челябинск, пр-кт Победы, д. 162В,
каб. 408

Тел.: (351) 799-70-30
Сайт журнала: [http://nauka-jourcsu.ru/
horizonti](http://nauka-jourcsu.ru/horizonti)
Электронный адрес: [pmmis74hc@
gmail.com](mailto:pmmis74hc@gmail.com)

Содержание

Статьи

<i>Антошин А. В.</i> Изменчивость времени в мемуарах советских «перемещенных лиц»	4
<i>Глазкова С. Н.</i> Специфика таксономических категорий в надо-инфинитивной синтаксеме	14
<i>Загидуллина М. В.</i> Обратимость времени как объект художественного исследования	25
<i>Паэгле Н. М.</i> Время как историческая категория в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка, актуальных для XXI века	39
<i>Прокофьева В. Ю.</i> Временные игры с писателями в кино	49
<i>Сорочан А. Ю.</i> Пределы времени: «новые» категории в естественнонаучной и гуманитарной картине мира	59
<i>Стригин М. Б.</i> Негация вечности или ворота времени	68
<i>Федоров В. В., Корнеева М. А.</i> Пространственные образы вечности / «золотого века» в современной российской прозе как средство осмысления культурного распада	90
Мысли. Опыт. Мнения	
<i>Савельев Ю. В.</i> Добрососедство вчера, сегодня, завтра, как категория, характеризующая временно-пространственное состояние социума	103
К сведению авторов	112

СТАТЬИ

Горизонты цивилизации. 2022. Том 13. Вып. 2. С. 4–13.

ISSN 2413-0125 (print).

Gorizonty civilizacii. 2022; Vol. 13, Issue 2:4–13.

ISSN 2413-0125 (print).

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.47475/2413-0125-2022-10201

ИЗМЕНЧИВОСТЬ ВРЕМЕНИ В МЕМУАРАХ СОВЕТСКИХ «ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ»

Алексей Валерьевич Антошин

Уральский федеральный университет им. первого

Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия,

alexey.antoshin@urfu.ru

Аннотация. Статья посвящена осмыслению категории времени в эго-документах представителей «второй волны» эмиграции из СССР. Она основана на мемуарах Н. А. Троицкого, Д. В. Константинова, К. Ф. Штеппы, опубликованных в серии «Материалы к истории русской политической эмиграции», выходящей в 1990-е – начале 2000-х годов. Автор доказывает, что в данных произведениях представлено авторское противопоставление двух времен: Времени Российской империи и нового советского Времени, носившее ценностный характер.

Ключевые слова: время, «перемещенные лица», «вторая волна» эмиграции, Российская империя, Советский Союз.

Для цитирования: Антошин А. В. Изменчивость времени в мемуарах советских «перемещенных лиц» // Горизонты цивилизации. 2022. Том 13. Вып. 2. С. 4–13. doi: 10.47475/2413-0125-2022-10201.

Original article

VARIABILITY OF TIME IN THE MEMOIRS OF SOVIET “DISPLACED PERSONS”

Alexey V. Antoshin

Ural Federal University named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, alexey.antoshin@urfu.ru

Abstract. The article is devoted to understanding the category of time in the ego-documents of representatives of the “second wave” of emigration from the USSR. It is based on the memoirs of N. A. Troitsky, D. V. Konstantinov, K. F. Shtepa, published in the series “Materials on the History of Russian Political Emigration”, published in the 1990s. – early 2000s. The author proves that in these works the author’s opposition of two times is presented: the Time of the Russian Empire and the new Soviet Time, which was of a value nature.

Key words: time, “displaced persons”, “second wave” of emigration, Russian Empire, Soviet Union.

For citation: Antoshin A. V. Variability of Time in the memoirs of Soviet “displaced persons”. *Gorizonty civilizacii*. 2022; Vol. 13, Issue 2: 4–13. (In Russ.). doi: 10.47475/2413-0125-2022-10201.

Одной из наиболее заметных исследовательских тем, которые формировали водораздел между советским и постсоветским этапами в развитии отечественной гуманитаристики, является история эмиграции из России и Советского Союза. Данная проблематика часто воспринимается как одна из наиболее популярных в отечественной науке последних десятилетий: так, А. А. Прониным было выявлено 903 диссертации, защищенных в нашей стране по различным аспектам этой темы в 1980–2005 годы [4. С. 102].

Вместе с тем, давно замечено, что основной исследовательский интерес к данной тематике связан, прежде всего, с феноменом Русского зарубежья 1920–1930-х гг. Именно ему, в первую очередь, посвящены конференции и круглые столы, именно этому сюжету уделено основное внимание в экспозиции недавно открывшегося в Москве Музея Русского зарубежья.

Однако эмиграция из нашей страны – это феномен не только межвоенного периода. Уже в конце 1940-х – начале 1950-х гг. внимание западной общественности привлекли работы американского исследователя Дж. Фишера, который одним из первых заявил о «новой советской эмиграции» [6]. Именно он выделил те основные группы, из которых состоял этот феномен: военнопленные, «остарбайтеры», и, по его словам, «самая маленькая группа» – те, кто ушел вместе с

немцами после освобождения территории СССР частями Красной армии в 1944 г. Вышедшая в 1952 г., на пике холодной войны, книга Дж. Фишера «Советская оппозиция Сталину» фактически впервые обстоятельно рассказала американской общественности о феномене т.н. «власовцев» [7].

В нашей стране о «второй волне» эмиграции из СССР впервые активно стали писать после крушения коммунистического режима. Благодаря усилиям историка и архивиста А. В. Попова в 1990-е – 2000-е гг. выходила серия «Материалы к истории русской политической эмиграции», в рамках которой был опубликован сборник «В поисках истины: пути и судьбы второй эмиграции», быстро ставший библиографической редкостью [1]. А. В. Поповым были изданы также мемуары протоиерея Д. Константинова, К. Ф. Штепы, Н. А. Троицкого и других видных представителей послевоенной политической эмиграции из СССР [2; 3; 5]. Во второй половине 2000-х гг. издание серии «Материалы к истории русской политической эмиграции» было прекращено, однако опубликованные в ней эго-документы, на наш взгляд, нуждаются в том, чтобы являться объектом специального анализа.

Тема Времени неизбежно возникает на страницах этих произведений. Более того: очень часто именно размышления о Времени являются для авторов мемуаров побудительным мотивом для того, чтобы приняться за перо. Так, представитель политической элиты «второй волны» эмиграции – один из авторов т.н. Пражского манифеста 1944 г. Н. А. Троицкий (1903–2011) начинает свои мемуары так: «Теперь, на перевале веков, когда люди по привычке пытаются дать оценку содеянному за унесенное *рекой времен* (здесь и далее выделено Н. А. Троицким – прим. А. В. Антошина) столетие, пришла пора оглянуться и мне. На *мое* столетие. На *мой* двадцатый век» [5. С. 4]. Долгая жизнь, прожитая этим человеком, весь тот путь, который он прошел, как бы противостоит для него небытию, «тягостное предвидение» которого он ощущал в последние годы.

С чего начинается Время для этой группы мемуаристов? Для Н. А. Троицкого его истоки уходят в «глубины прошлого»: именно там находится «видовой опыт Homo Sapiens», «*родовой* опыт предков, пропитанный отличительными особенностями национального сознания, традиций, принадлежности к определенной социальной группе». Он подчеркивает, что именно данный опыт, «преломленный сквозь призму родительного, *семейного* воспитания, определяет соотношение посеянных в душу ребенка зерен человеколюбия и нравственности и плевел эгоизма и преступления Заповедей» [5. С. 4].

Характерное для автора выделение курсивом понятий, связанных с родом и семьей, в данном случае, конечно, очень показательно. Река Времени для Н. А. Троицкого течет из прошлого в будущее, и ее истоки связаны с родовыми, семейными, религиозными, национальными ценностями. Именно эти ценности формируют человека таким, какой он есть.

Для большинства советских «перемещенных лиц» время, когда закладывались эти ценности, когда формировался их фундамент как личностей – это эпоха предреволюционной России. Время их детства – это старая Россия, которую в конце жизни эти люди вспоминают с ностальгией. Находясь далеко в эмиграции, мыслями они возвращаются в их Время, в Россию начала XX в. «Как часто виделось мне, – пишет Н. А. Троицкий. – Вот поезд плавно отходит от дебаркадера Казанского вокзала – щусевскую постройку теперь, говорят, и не узнать. Мелькают за окном полузабытые названия станций и полустанков. Рязань. Сасово. Потьма. Рузаевка. Инза. Теперь уже совсем скоро! Дубенки. Юловка. Вот и Готовка...» [5. С. 8].

Н. А. Троицкий неслучайно возвращает из «полузабытья» эти названия городов и сел Центральной России. Они являются для него опорными точками при конструировании хронотопа, его Времени. В этом Времени по-прежнему существует имение Сипягиных-Родионовых, находившееся в родном для автора селе Вешкайма. Перечисляя все его элементы (13 тыс. десятин угодий, винокуренный завод, маслодельня, племенные коровы, лошади и т. д.), Н. А. Троицкий подчеркивает: «И все это огромное хозяйство бесперебойно работало и поддерживалось в идеальном порядке. Осенью весь убранный хлеб... обмолачивали на паровой молотилке на три-четыре дня... А коровнику можно было позавидовать и теперь...» [5. С. 11].

В этом Времени не только исправно работала молотилка и был идеальный порядок в коровнике. Существовало и нечто более важное, что подчеркивает Н. А. Троицкий: крепкие нравственные устои, семейные традиции. «Уклад семейной жизни не навязывался насильственно, – вспоминает он. – Криком, руганью, понуканием, и уж тем более телесными наказаниями. Он принимался как само собой разумеющееся. Не вызывал дискомфорта» [5. С. 16]. Именно в этой атмосфере воспитывались дети, в том числе и сам мемуарист. «Эта атмосфера с младенчества пропитывала душу, проникала в подсознание и лишь потом, много позже воспринималась рассудком. Вполне естественно, приводящие влияния и врожденные предрасположенности могли поначалу вызывать в детях не только внутреннее противление установленному в семье порядку, но

и видимые проявления неудовольствия. Такие проявления никогда не оставались без внимания и решительно пресекались. Но опять-таки без какого-либо надрыва» [Там же].

В этом Времени Н. А. Троицкого существовала сельская школа с неизменным законоучителем. При этом автор подчеркивает: «Не появлялись, не зарождались противоречия между верой и знанием. Вряд ли они возникали и впоследствии, когда я уже достаточно *вкусил от древа познания добра и зла*» [5. С. 32]. Для Н. А. Троицкого само течение Времени несло в себе отчетливый религиозный смысл, было проникнуто теми символами, которые были сформированы его Россией.

Несколько иначе текло Время для соратника Н. А. Троицкого, протоиерея Димитрия Константинова (1908–2006). Очевидно, неслучайно его мемуары начинаются с участия деда мемуариста в восстании декабристов 1825 г. Очевидно, в этом была и дань традиции, сформированной ленинской концепцией революционного движения: воспринимать события 14 декабря 1825 г. как прелюдию русской революции 1917 г. Принципиально отрицавший последнюю будущий власовец, однако, был согласен с тем, что в духовном плане декабристы (с их «вольтеровским вольномыслием») были предтечами большевиков. Вот где находились истоки советского Времени с его антирелигиозной политикой – именно эту мысль стремится в данном случае подчеркнуть Д. В. Константинов.

Однако собственное Время Д. В. Константинова, как и Н. А. Троицкого, было связано с предреволюционной Россией. И вновь мы видим опорные точки, которые формируют для мемуариста хронотоп эпохи: «Первые проблески сознания...Наша громадная квартира на Бассейной улице (в ленинградский период – улица Некрасова). Длинная анфилада комнат тянется через весь бельэтаж большого шестиэтажного дома. Дом угловой: он выходит на гремющую трамваями Бассейную и на тихую Баскову улицу, на которой по утрам часто обучаются солдаты лейб-гвардии Преображенского полка» [3. С. 13]. Его Время начинается в Петербурге – «оживленном и нарядном»: «звенели трамваи, гудели автомобильные сигналы, докали копыта лошадей» [3. С. 20].

Это Время – и крестьянская Россия Н. А. Троицкого, и блестящий столичный Петербург Д. В. Константинова – были разрушены вихрем великих потрясений. Революция и Гражданская война смели старую Россию, и на ее развалинах появилась новая, советская. В этом новом Времени происходило реальное взросление и становление как личностей Н. А. Троицкого и протоиерея Д. Константинова. Именно

здесь проходили их студенческие годы, здесь они встретили первую любовь, здесь достигли первых профессиональных успехов.

Однако ставшие убежденными антисоветчиками интеллигенты в своих мемуарах рисуют образ этого Времени, лишенный всяческой романтики и героики. Инженер Н. А. Троицкий сознательно не захотел называть главу своих мемуаров «На стройках социализма», подчеркивая: «Да нет, не думал я тогда ни о каком социализме. Хотелось реализовать себя и, что греха таить, заработать. Чтобы отъестся и помочь родителям» [5. С. 70]. Он сознательно полемизирует с тем образом эпохи первых пятилеток, который был сформирован в советской литературе и кинематографе. Для него сталинский СССР – это время, где люди боролись за выживание и решали свои личные проблемы. Н. А. Троицкий словно стремится подчеркнуть: в нравственном, духовном плане советское Время практически тотально противостоит тому Времени старой России, в котором прошло его детство.

Во многом схож с этим и образ советского Времени, созданный в мемуарах Д. В. Константинова: «голод, холод зимой, начинающийся полицейский сыск среди учащихся, для отыскания детей «кулаков», лишенцев, выходцев из «буржуазной среды», детей белогвардейцев...» [3. С. 87]. Как все это отличается от тех картин нарядного Петербурга, которые запомнились будущему протоиерею из Времени его детства!

Однако, и в этом новом, советском Времени жили разные люди. «Были ли в партии хорошие, порядочные люди? – задает вопрос Н. А. Троицкий. И сам же на него отвечает: - Конечно, были. Да еще какие – убежденные, верующие!». Но рядом с такими людьми были и другие, «хладнокровно отправлявшие в ссылки, тюрьмы, лагеря или прямо на тот свет вот этих самых честных тружеников» [5. С. 76].

Для Д. В. Константинова это советское Время оказывалось вообще расщепленным надвое. С одной стороны, была официальная реальность советского человека – работа в библиотеке НИИ книговедения. В ней были и светлые стороны: «Библиотека института была исключительно интересная и включала в себя немало редчайших книг. Я с удовольствием в ней работал» [3. С. 105]. Но главной для молодого интеллигента была другая реальность – служба в храме во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы. Эти реальности не существовали совершенно изолированно друг от друга: бытие Д. В. Константинова во второй, тайной реальности привело к тому, что ему пришлось уйти из Публичной библиотеки, работа в которой приносила немало радости. И все же, несмотря на все препятствия, запреты, угрозы со стороны властей, он продолжал заниматься общественной деятельностью

при храме вплоть до его закрытия в конце 1920-х гг. «Меня увлекло православное богослужение, – вспоминал Д. В. Константинов. – Я интуитивно чувствовал неизъяснимо светлую красоту, его своеобразную поэзию, его проникновенность в глубину человеческого «я». Я был как бы зачарован его могучей силой и правдой, возводящей человеческие души от земли к горнему миру. Мне стала понятной приверженность нашего народа к православию, и несомненно крепкая связь православия с народным патриотизмом, вкладывающим в последний духовное начало» [3. С. 64]. Находясь в этой церковной реальности, Д. В. Константинов словно бы возвращался в иное Время – в то, где прошло его детство.

Впрочем, и советская реальность оказывалась многослойной. Время расщеплялось, и в нем сосуществовали личные и профессиональные успехи, с одной стороны, и репрессии, с другой. В нем можно было сравнительно успешно жить даже бывшему дьякону. «Восьмилетие 1933–1941 гг. было для меня весьма благоприятно, – признает Д. В. Константинов. – Всякого рода «идеологические неприятности»... отошли, новых трудностей не возникало и моя жизнь, наполненная интересной и осмысленной деятельностью катилась по жизненным рельсам относительно нормально» [3. С. 117]. Конечно, о подлинно нормальной жизни в эпоху сталинского террора говорить не приходилось. Был арестован и расстрелян муж сестры Д. В. Константинова, бывший колчаковский офицер, а сама сестра была выслана в Оренбург. Но самого мемуариста репрессии все же миновали.

Вместе с тем, эпоха Большого террора, конечно, была столь важна для этого советского Времени, что игнорировать ее не удастся фактически ни одному из мемуаристов. Для политической элиты «второй волны» советской эмиграции эта эпоха, бесспорно, имела особое значение. Сталинский террор во многом служил оправданием антисоветской позиции, занятой этими людьми в годы Второй мировой войны, политически и морально обосновывал их участие во власовской акции.

Поэтому неслучайно, что видный деятель «второй волны» эмиграции, историк К. Ф. Штеппа (1896–1958) так и назвал свою главную книгу мемуаров – «Ежовщина». Образ Времени в ней формируется через понятия-символы: «чистки», «разоблачения», «классовая бдительность», «перерождение», «пособничество классовому врагу», «троцкизм», «извращение генеральной линии», «моральное разложение» и т. д. [2. С. 23]. Использование советского новояза в данном случае нацелено на то, чтобы создать мрачный и одновременно очень знакомый читателю образ сталинского Времени.

«Над страной навис тяжелый кошмар. Все жили в вечном страхе. Одни – больше, другие – меньше. Это зависело скорее от темперамента, чем от других причин. В полной безопасности себя никто не чувствовал... Каждую ночь, идя ко сну, советский гражданин спрашивал себя, где встретит его утро? Всякий гудок проезжающей машины отдавался в душе ужасом. Потолок дрожал над каждой головой. Это была «ежовщина!»» – восклицает К. Ф. Штеппа [2. С. 29].

Сама структура мемуаров К. Ф. Штеппа нацелена на то, чтобы сформировать у читателя целостный образ жуткой реальности сталинского Времени, в которой жили советские люди. Названия глав соответствуют «кругам Ада», этапам жизненного цикла в этом Времени: «Накануне»; «Начало»; «Круг замкнулся»; «Апостольство Иуды»; «В большой камере»; «В камере смертников»; «Слабость побежденных»; «Искушение коммунизмом»; «Последний путь»; «Грех Петра». Использование библейских реминисценций тоже, конечно, не является случайным: оно вновь отсылает читателя к дихотомии Времени православной старой России и нового советского Времени, которая характерна и для мемуаров Н. А. Троицкого и Д. В. Константинова.

Это противопоставление двух Времени еще более четко представлено в работе К. Ф. Штеппы «Сталинизм». Отмечая, что сталинизм представляет собой «последнее звено в длинной цепи развития большевизма от революционной диктатуры одной партии к тоталитарной деспотии одного человека», он при этом подчеркивал наличие в нем идеологической основы: «В прошлом это была религия. Теперь ее место заняла доктрина» [1. С. 155].

Советское Время закончилось для всех мемуаристов Второй мировой войной. Это был рубеж, решающий момент, определивший их судьбу. Конечно, каждый из авторов понимает необходимость обосновать перед читателем тот выбор, который в итоге привел его к решению выступить на стороне врага, а затем не возвращаться в Советский Союз. Не случайно Н. А. Троицкий называет главу, посвященную этому моменту в его жизни, «Перед придорожным камнем». Здесь автор как будто вновь обращается к истокам Времени, используя былинные мотивы: боец народного ополчения Н. А. Троицкий словно становится древнерусским богатырем, оказывается на распутье. По его словам, ему даже вспомнились строки И. А. Бунина:

На распутье в диком древнем поле
Черный ворон на кресте сидит.
Заросла бурьяном степь на воле,
И в траве заржавел старый щит...

Дремлет полдень. На тропах звериных
Глеют кости в травах. Три пути
Вижу я в желтеющих равнинах...
Но куда и как по ним идти?

В этот момент казалось, что для Н. А. Троицкого закончится не только советское, но и всякое другое Время: «Взгляд упал на тускло отсвечивающий ствол карабина. Три патрона. Мне хватит и одного... А что, в самом деле? Кому я нужен? Со всеми и со всем простился, теряя некого и нечего». Остановила, по его словам, вся та же духовная основа, которая заложена была в ином, несоветском, Времени старой России: «Да жизнь-то моя, я и волен ею распорядиться, коли деваться некуда. Но вот вправе ли? – Моя-то она моя, да только вот не мной сотворенная. Значит, и не мне ею вершить. Кто дал – Тот и отберет, когда назначенное время наступит» [5. С. 195].

В результате Н. А. Троицкий оказался в плену и в итоге связал свою судьбу с акцией генерала А. А. Власова. По тому же пути пошел Д. В. Константинов. При этом, по его словам, уже в момент пленения он твердо знал: «Обратно я не вернусь до тех пор, пока в России будет господствовать этот страшный режим» [3. С. 301]. К. Ф. Штеппа остался в оккупированном немцами Киеве и ушел с ними на Запад, став, так же, как и другие мемуаристы, не только «перемещенным лицом», но и известным деятелем «второй волны» советской эмиграции.

Все эти люди оказались «перемещенными лицами» не только в пространстве, но и во времени. Их жизнь к моменту эмиграции прошла в двух Временах, и каждое из них не только хронологически, но и нравственно противостояло другому. Время дореволюционной России во многом соответствовало для них библейскому Раю, эпохе, когда жизнь была основана на прочном религиозном фундаменте. Советское время, лишенное такого фундамента, именно поэтому и стало Адом, круги которого весьма четко охарактеризованы, в частности, в мемуарах К. Ф. Штеппы. Вторая мировая война закончила для них это Время и привела к тому, что они превратились в «перемещенных лиц», символов целой волны в истории эмиграции из Советского Союза.

Список источников

1. В поисках истины: пути и судьбы второй эмиграции / под общ. ред. А. В. Попова. Москва : РГГУ, 1997. 376 с.
2. XX век. История одной семьи / под ред. А. В. Попова. Москва : Изд-во «РУСАКИ», 2003. 272 с.

3. Константинов Д. Протоиерей. Через туннель XX столетия. Москва : ИАИ РГГУ, 1997. 592 с.
4. Пронин А. А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980-2005 гг. // Российская история. 2010. № 3. С. 101–109.
5. Троицкий Н. А. Ты, мое столетие... Москва : ИПВА, 2006. 496 с.
6. Fischer G. The New Soviet emigration // The Russian Review. 1949. Vol. 8. Num. 1. P. 6–19.
7. Fischer G. Soviet Opposition to Stalin: A Case Study in World War II. Cambridge, Mass., 1952. 230 p.

References

1. *V poiskah istiny: puti i sud'by vtoroj emigracii* (1997) [In search of truth: ways and fate of the second emigration], ed. by A. V. Popov. Moscow: RGGU Publ., 376 p. (In Russ.).
2. *XX vek. Istoriya odnoj sem'i* (2003) [XX century. History of one family], ed. by A. V. Popov. Moscow: «RUSAKI» Publ., 272 p. (In Russ.).
3. Konstantinov, D. (1997). *Protoierej. CHerez tunnel' XX stoletiya* [Archpriest. Through the tunnel of the twentieth century]. Moscow: RGGU Publ., 592 p. (In Russ.).
4. Pronin, A. A. (2010). Rossijskaya emigraciya v otechestvennyh dissertacionnyh issledovaniyah 1980–2005 gg. [Russian emigration in domestic dissertation research in 1980–2005]. *Rossijskaya istoriya* [Russian history], 3, 101–109. (In Russ.).
5. Troickij, N. A. (2006). *Ty, moe stoletie...* [You, my century...]. Moscow: IPVA Publ., 496 p. (In Russ.).
6. Fischer, G. (1949). The New Soviet emigration. *The Russian Review*, 1 (8), 6–19.
7. Fischer, G. (1952). *Soviet Opposition to Stalin: A Case Study in World War II*. Cambridge, Mass., 230 p.

Информация об авторе

А. В. Антошин – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры востоковедения.

Information about the author

Alexey V. Antoshin – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Studies.

Статья поступила в редакцию 21.02.2022; одобрена после рецензирования
29.03.2022; принята к публикации 29.03.2022.

The article was submitted 21.02.2022; approved after reviewing 29.03.2022;
accepted for publication 29.03.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

*Горизонты цивилизации. 2022. Том 13. Вып. 2. С. 14–24.
ISSN 2413-0125 (print).*
*Gorizonty civilizacii. 2022; Vol. 13, Issue 2:14–24.
ISSN 2413-0125 (print).*

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.47475/2413-0125-2022-10202

СПЕЦИФИКА ТАКСОНОМИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В НАДО-ИНФИНИТИВНОЙ СИНТАКСЕМЕ

Светлана Николаевна Глазкова

Миасский филиал Челябинского государственного
университета, Миасс, Россия, snglaz@rambler.ru

Аннотация. Синтаксема надо+инфинитив имеет особую модально-временную рамку. Представляется продуктивным рассмотреть ее в семантико-прагматическом аспекте. При анализе таксономических категорий установлено следующее. Время в синтаксеме амбивалентно: грамматическое и семантическое время не совпадает. Модус синкретичен: индикатив и ирреальное наклонение неразложимы. Надо (с)делать действие x (надо писать, надо написать) – в синтаксеме эксплицировано морфологическое настоящее время изъявительного наклонения. При этом очевидна семантическая ирреальная модальность необходимости-побуждения. Модальная рамка синтаксемы композитна: модусы долженствования, побуждения, оптативности, намерения, необходимости образуют сложное единство. Дифференциация модально-временных значений синтаксемы ведется с учетом прагматики и семантики.

Ключевые слова: надо+инфинитив, синтаксема, время, модальная рамка, наклонение.

Для цитирования: Глазкова С. Н. Специфика таксономических категорий в надо-инфинитивной синтаксеме // Горизонты цивилизации. 2022. Том 13. Вып. 2. С. 14–24. doi: 10.47475/2413-0125-2022-10202.

Original article

THE SPECIFICS OF TAXONOMIC CATEGORIES IN THE NEED-INFINITIVE SYNTAXE

Svetlana N. Glazkova

Miass Branch of Chelyabinsk State University, Miass, Russia,
snglaz@rambler.ru

Abstract. The syntaxeme «need + infinitive» has a special modal-time frame. It seems productive to consider it in a semantic-pragmatic aspect. When analyzing taxonomic categories, the following is established. Time in the syntaxe is ambivalent: grammatical and semantic time do not coincide. The mode is syncretic: the indicative and the unreal mood are indecomposable. It is necessary (with) to do the action *x* (it is necessary to write, it is necessary to write) – the morphological present tense of the indicative mood is explicated in the syntaxe. At the same time, the semantic unreal modality of necessity-motivation is obvious. The modal frame of the syntaxeme is composite: the modes of obligation, motivation, optativity, intention, necessity form a complex unity. The differentiation of the modal-temporal values of the syntaxeme is carried out taking into account pragmatics and semantics.

Key words: need+infinitive, syntaxeme, tense, modal frame, inclination.

For citation: Glazkova S. N. The specifics of taxonomic categories in the need-infinitive syntaxe. *Gorizonty civilizacii*. 2022; Vol. 13, Issue 2: 14–24. (In Russ.). doi: 10.47475/2413-0125-2022-10202.

Исследование посвящено уникальной синтаксеме, активно функционирующей в русском языке с древности. Это конструкция, состоящая из трех компонентов: отвлеченной связки *быть* в одной из грамматических форм (эксплицитной либо нулевой), предикатива *надо* и инфинитива. В общем виде она может быть представлена так: *надо (было, будет) сделать действие x* и соответствует минимальной структурной схеме $\text{InfCor}_r\text{Adj}_{\text{sn}}$. Будучи предикатом безличного предложения, синтаксема является при этом побудительной конструкцией. Особая грамматическая форма побудительности крайне интересна своей неоднозначностью.

Основой исследования стали материалы Национального корпуса русского языка. Приведем три ряда примеров, выявленных методом сплошной выборки. Дадим список примеров, отобранных из первых 5 тысяч примеров, в различных темпоральных формах. Дадим ниже список синтаксем в настоящем грамматическом времени:

[Надо (есть)] *делать, гнать, пожать, научиться, менять, платить, говорить, добавив, отдавать, возвращать, менять, перекавалифицироваться, сходить, вылезать, выносить, прочитать,*

смотреть, купить, сказать, бороться, ездить, обдумать, сварить, восполнить, орать, брать, увидеть, сказать, идти, съездить, собирать, делать, поставить, прыгнуть, подумать, быть, доотработать, рассказывать, ехать, учиться, наслаждаться, сделать, сказать, заметить, дышать, успеть, сосредоточиться, понять, почувствовать, создать, загадать, учиться, помнить, отметить, шевелить, заменить, использовать, сохраниться, играть, закончить, ставить, действовать, рассматривать, вырезать, резать, приготовить, щадить и др.

Дадим список синтаксем в прошедшем грамматическом времени:

[Надо было] *выносить, остановиться, приглашать, воскрешать, додуматься, устроить, видеть, крикнуть, видеть, застрелить, общаться, принимать, рожать, начинать, убивать, знать, продолжить, искать, снимать, убеждать, поехать, не развивать и др.*

Дадим список синтаксем в будущем грамматическом времени:

[Надо будет] *увольнять, посчитать, продавать, получать, бороться, подавать, курить, стать, бороться, согласиться, расцениваться, развить, помочь, курить, работать, слышать, читать, смотреть, уйти, добиться, получить, проработать, видеть, слышать, работать, готовить, делиться, определить, помогать, добавит, попробовать, править, убрать, есть, подождать, ждать, порезать, нарезать, отправить, делать, конфликтовать, учить, ходить, понять, погуливать, придирается, препираться, пожрать, припереть, подождать, терпеть, обокрасть, предложит.*

Анализ выявленных единиц показал следующее. Соотношение конструкций с инфинитивом совершенного вида по отношению к инфинитиву несовершенного вида – 2:3 в пользу второго фиксируется в настоящем и будущем времени и 1:2 – в прошедшем времени. Тем не менее количество примеров и тех, и других огромно: почти 119000 вхождений синтаксемы в настоящем времени, более 29000 – в прошедшем времени, около 9000 – в будущем времени.

Как видим, количественно преобладают синтаксемы в настоящем времени с нулевой связкой: они составляют 69% от общего числа примеров. Число синтаксем в будущем времени составляет 7%, в прошедшем – 24% от общего числа примеров. Таким образом, уверенно лидируют конструкции в настоящем времени.

При дескрипции примеров в исследовании мы опираемся на положения семантического синтаксиса, тезисы теории модальных рамок Г. А. Золотовой [5] и теории интерпретирующих модальных высказываний Н. Д. Арутюновой [1], на идеи Р. О. Якобсона [15], А. В. Бондарко [3; 13] в области таксономических изысканий. Специфика

модели в работе обосновывается лингвокультурными, национальными особенностями, рассматривается через призму функционального синтаксиса и грамматики. Время, наклонение, модальная рамка – вот категории, специфика проявления которых в исследуемой синтаксеме волнует автора.

С. А. Аскольдов сводит многообразие времени к трем типам: «время онтологическое, психологическое и физическое» [2. С. 81]. Л. Н. Михеева соотносит образ времени и языковую картину мира, называет оппозиционные пары, характеризующие свойства времени: динамичность – статичность, цикличность – линейность, гомогенность – гетерогенность времени [7. С. 70-72].

Особенностью модели назовем словами И. Пригожина синтез «бытия и становления», т.е. синтез статики и динамики [10. С. 18]. Отметим, что при этом отвлеченная связка полностью грамматикализована и становится формальным показателем времени, инфинитив является лексической репрезентацией действия, не соотнесенного с действительностью, а специфика семантического времени в модели порождается словом категории состояния «надо». Формальные модально-временные грамматические трансформации синтаксемы фактически не изменяют временной семантики, а лишь меняют точку отсчета с позиций наблюдателя. Семантика экзистенциально-потенциальной темпоральности, застывшей динамики остается неизменной, процессуальность противопоставлена акциональности. Это прагматическая константа синтаксемы – константа проживания ощущения необходимости действовать как состояния, некоего особого, вневременного динамического состояния. Это свойство ближе всего к итеративности. Специфика такого свойства рассматривалась крупнейшими лингвистами и философами, которые дифференцировали «осуществление-результат действия» [14. С. 74; 4. С. 65] «занятость субъекта действием» – действие [11. С. 24], «тематизацию процесса» и действие [8], «выполнение имплицитного действия» [6. С. 19-20; 16. С. 292]. Смена грамматического времени, по наблюдениям, не влияет на протекание события, так как самым важным в нем является процессуальность, которую Е. В. Падучева связывает с потенциальностью [8].

Действительно, время в синтаксеме неакциональное. Временная нелокализованность, по мнению А. В. Бондарко, представлена тремя типами: повторяемость, узальность, обобщенность («вневременность», «всевременность») [13. С. 217-218]. Описываемая нами синтаксема близка к последнему типу, но им не исчерпывается. Синтаксема репрезентует фрейм «волеизъявление», однако не традиционными грамматическими

средствами (иррациональное, следовательно, вневременное повелительное наклонение), а модальным компонентом – словом категории состояния – «надо» в форме настоящего, будущего, прошедшего времени.

Е. В. Падучева убеждена, что «понятие момента речи, которое обычно фигурирует как неразложимое, полезно понимать буквально: как момент (в точнее – интервал), занимаемый речевым действием». При этом она отмечает, что интервалы бывают сверхкраткими и сверхдолгими. В нашем случае этот интервал именно сверхдолгий, а момент речи затяжной, не мгновенный [10. С. 166, 168].

При этом синтаксема в форме настоящего времени семантически захватывает будущее и прошедшее. Значение синтаксемы становится «прогностичным и футуральным», если воспользоваться словами Е. В. Падучевой [Там же]. Подытожив, можно сказать, что время в синтаксеме носит черты итеративности, длительности, недискретности, потенциальности, устремленности вперед, к будущему, даже если что-то «*надо сделать немедленно, срочно, обязательно*». Грамматическое настоящее время читается как потенциальная экзистенция, тяготеющая к возможному действию, но ограничивающаяся динамическим состоянием. Такое понимание времени сближает нас с видением Ю. С. Степанова, который назвал три типа времени: цикличное (кольцевое), линейное и разом данное. О последнем, в частности, писал: «Мы обозначаем этим термином такое представление, когда «настоящее», «прошлое» и «будущее» мыслятся как бы разом, одновременно данными сознанию человека и одновременно присутствующими в определенной его действительности» [12. С. 124]

Представим наши размышления ниже в виде схемы на рис. 1 и рис.2 и дадим им пояснения.

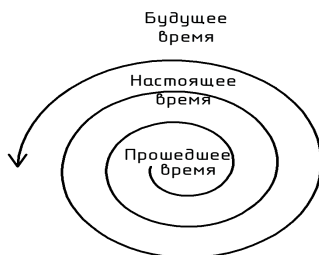

Рис. 1. Темпоральная потенциальность и экзистенциальность в надо-инфинитивной синтаксеме

В какой-то момент времени возникает ситуация, осмысляемая говорящим как необходимость. Точка отсчета, взгляд на ситуацию –

всегда семантическое прошедшее время, независимо от грамматической формы: настоящее (надо (с)делать действие x), прошедшее (надо было (с)делать действие x), будущее (надо будет (с)делать действие). Не случайно на самом высоком уровне грамматической абстракции минимальная структурная схема такого предложения одинакова – $\text{InfCop}_I\text{Adj}_{\text{sn}}$ для всех случаев: *надо было (по)звонить, надо (по)звонить, надо (будет) позвонить*). Точка отсчета всегда сопрягается с возникшей в прошлом ситуацией, независимо от грамматической формы синтаксемы, например, настоящего (и даже будущего) времени. Для формы прошедшего времени это можно интерпретировать как преждепрошедшее, или, в грамматических терминах, плюсквамперфектное время. Ситуация, таким образом, сохраняется на момент речи, если морфологическое время настоящее, какое-то время в прошлом или какое-то время в будущем. Ситуация возникла до констатируемого момента и отличается длительностью. Таким образом, точка отсчета событий всегда в прошлом. Рис.1 отражает поступательность и цикличность директивности по типу пульсации с нарастанием силы импульса. В схеме обозначено как бы раскачивание по типу: рывок – цикл, рывок – цикл. Результат предполагается, деяние отнесено в будущее, а момент говорения становится некоей точкой отсчета. Е. В. Падучева так интерпретирует точку отсчета: «Понятие точки отсчета, в частности, противопоставленной позиции наблюдателя <...> получает дальнейшее развитие: синхронная точка отсчета дает разный эффект в зависимости от того, в какой интервал помещен наблюдатель: во включенный или в объемлющий» [9. С. 166]. «Момент речи, даже будучи сверхдолгим, ведет себя как точка»: это свойство Е. В. Падучева называет «точечностью». В связи с различием точки отсчета Е. В. Падучева дифференцирует «актуальное», «предстоящее», «узואальное» настоящее время» [9. С. 170]. При исследовании времени в синтаксеме выяснено, что в нашем случае наблюдатель помещен во включенный сверхдолгий интервал, поэтому и время приобретает черты предстоящего настоящего.

Особенно любопытной оказывается семантика синтаксемы в будущем времени. Каузация необходимости, по наблюдениям, всегда лежит в прошлом. А направленность внутреннего волеизъявления – бесконечность, не имеет точки реализации. Предикативно-инфинитивная синтаксема видится раскручивающейся спиралью от точки к континууму. Такова ментально обусловленная сущность времени в синтаксеме – круговое время-спираль, направленное при этом линейно вперед. Это показано графически на Рис. 2.

Рис. 2. Этноспецифика времени в модальной предикативно-инфинитивной синтаксеме

Если использовать терминологию В. В. Гуревича, синтаксема является примером синтеза цикличности и линейности [4. С. 65]. Модальность накладывает временные ограничения, а время обесценивается, нейтрализуется, растворяясь в модальности. Н. Д. Арутюнова называет такой модус волитивным, а его подтип – модусом необходимости [1. С. 109].

Таким образом, мы имеем конструкцию с двойным противоречием: эксплицитная индикативная модальность противоречит имплицитной ирреальной модальности волеизъявления, а эксплицитное время не соответствует вневременным параметрам синтаксемы, семантизирующей вневременное, каузированное прошлым состояние. При этом волеизъявление носит внутренний характер, т. е. направлено говорящим внутрь, на скрытое волевое усилие. Амбивалентность грамматизма и надграмматизма объясняет особый тип волеизъявления-необходимости, сущностью которого является потенциальность-экзистенциальность. Внутренняя доминанта такого времени – неопределенность, цикличность, спиралевидность, потенциальность. Особенность синтаксемы объяснима только с позиций функциональной грамматики. Она обусловлена особенностями функционирования слов категории состояния в целом и слов со значением необходимости в частности.

Если рассматривать синтаксему как хронему с позиций семиотики, обозначающим будем считать категорию состояния с модальным значением необходимости, а означаемым – момент объективного времени, которое не тождественно грамматическому: это экзистенциальное время, для которого действие и состояние тождественны. Диалектическая сущность хронемы обеспечивает единство бесконечной потенциальности, бытийственности и конечной бессобытийности.

Время, выраженное в высказываниях названной выше модели, дуально, соединяет в себе антиномии: 1) диффузность и однонаправленность, 2) ускорение и притормаживание, 3) прогностичность и сиюминутность, 4) эксплицитность и имплицитность, 5) определенность и неопределенность, 6) прагматическое и грамматическое и др. Названные топологические свойства времени инвариантны, однако их сосуществование в рамках одной синтаксемы, как представляется, этноспецифично. Мы говорим о специфике синтаксемы через лингвокультурную призму: специфика такой русской части речи, как категория состояния (предикатив) многократно описывалась в лингвистической литературе. Темпоральная этноспецифика синтаксемы детерминруется морфологической спецификой слова *надо* и может быть определена как «единство исчезающего, пребывающего и появляющегося» [2. С. 80], направленная, устремленная бытийственность. Исследование выводит нас на такое категориальное свойство предикативов в целом, как нерезультативность, на такие черты ментальности русских, как процессуальность бытия, экзистенциальность мировосприятия, понимание необходимости как особого состояния.

Г. А. Золотова называет подобную модальную рамку волюнтаривной и приводит в качестве примеров ее реализации модальные английские глаголы и конструкции. Специфика же *надо*-инфинитивной синтаксемы в том, что модальная рамка очерчена предикативом, а не глаголом [5. С. 19]. Модально-временная рамка синтаксемы порождает следующие свойства: диффузность, пульсирование – спиралеобразность, процессуальность, длительность, континуальность, нерезультативность, непрерывность, экзистенциальность, бивалентность.

Мы выводим за рамки исследования специальный анализ соотношения вида и времени в русском языке. Их корреляции многократно описывались. В частности, подчеркивалось отличие европейская временной модели, имеющей количественно-пространственный характер, от славянской, имеющей за счет сформировавшегося вида качественный характер [7. С. 71–77]. Это порождает сложную по сравнению с европейскими языками семантику времени языке, так как время в русском языке отягощено выражением способа и направления действия через вид глагола.

При анализе таксономических категорий установлено следующее. Синтаксема *надо*+инфинитив имеет особую модально-временную рамку. Время в синтаксеме амбивалентно. Грамматическое и семантическое время не совпадают. Модус синкретичен: индикатив и ирреальное наклонение

неразложимы. В синтаксеме эксплицировано морфологическое настоящее время изъявительного наклонения. При этом очевидна семантическая ирреальная модальность необходимости – побуждения. Модальная рамка синтаксемы композитна: модусы долженствования, побуждения, оптативности, намерения, необходимости образуют сложное единство.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. Москва : Наука, 1988. 338 с.
2. Аскольдов С. А. Время и его преодоление // Мысль. 1922. № 3. С. 80–83.
3. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та, 1999. 260 с.
4. Гуревич В. В. Глагольный вид в аспекте актуального членения // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 3. Москва : Изд-во МГУ, 1997. С. 63–70.
5. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1998. 528 с.
6. Князев Ю. П., Арутюнова Н. Д. Речевые действия : их следствия и особенности обозначения // Логический анализ языка. Язык речевых действий. Москва : Наука, 1994. С. 17–22.
7. Михеева Л. Н. Измерение времени в русском языке: лингвокультурологический аспект // Филологические науки. 2004. № 2. С. 69–78.
8. Падучева Е. В. Модальность как сценарий // Труды международной конференции «Диалог 2005». URL: <http://www.dialog-21.ru> (дата обращения: 25.03.2022).
9. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. Москва : Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
10. Пригожин И. Р. От существующего к возникающему: время и сложность в физических науках. Москва : УРСС, 2002. С. 18.
11. Рассудова О. П. Употребление видов глагола в современном русском языке. Москва : МГУ, 1982. 140 с.
12. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва : Язык рус. культуры, 1997. С. 124.
13. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. Ленинград : «Наука», 1987. С. 210–233.

14. Шведова, Л. Н. К вопросу о конкуренции видов в современном русском языке // Русский язык за рубежом. 1978. № 3. С. 74–77.

15. Якобсон Р. О. О структуре русского глагола // Избр. работы. Москва : Прогресс, 1985. 460 с.

16. Chaput P. R. Temporal and semantic factors affecting Russian aspect choice in questions // Nils B. Thelin (ed.). Verbal aspect in discourse: contribution to the semantics of time and temporal perspective in Slavic and non-Slavic languages. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1990. P. 292.

References

1. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact], Moscow, 338 p. (In Russ.).

2. Askol'dov, S. A. (1922). *Vremya i ego preodolenie* [Time and its overcoming] in *Mysl'*, 3, 80–83. (In Russ.).

3. Bondarko, A. V. (1999). *Osnovy funkcional'noj grammatiki. Yazykovaya interpretaciya idei vremeni* [Fundamentals of functional grammar. Linguistic interpretation of the idea of time], Sankt-Peterburg, 260 p. (In Russ.).

4. Gurevich, V. V. (1997). Glagol'nyj vid v aspekte aktual'nogo chleneniya [Verb form in the aspect of actual articulation]. *Trudy aspektologicheskogo seminaru filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova* [Proceedings of the Aspectological Seminar of the Faculty of Philology of Moscow State University named after M. V. Lomonosov.], Vol. 3, Moscow, 63–70. (In Russ.).

5. Zolotova, G. A. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language], Moscow, 528 p. (In Russ.).

6. Knyazev, YU. P. (1994). Rechevye dejstviya : ih sledstviya i osobennosti oboznacheniya [Speech actions: their consequences and features of designation]. *Logicheskij analiz yazyka. Yazyk rechevyh dejstvij* [Logical analysis of language. Language of speech actions], Moscow, 17–22. (In Russ.).

7. Miheeva, L. N. (2004). Izmerenie vremeni v russkom yazyke: lingvokul'turologicheskij aspekt [Measurement of time in the Russian language: linguoculturological aspect]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 2, 69–78. (In Russ.).

8. Paducheva, E. V. (2005). Modal'nost' kak scenarij [Modality as a scenario]. *Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2005»* [Proceedings of the international conference “Dialogue 2005”], available at: <http://www.dialog-21.ru>, accessed 25.03.2022. (In Russ.).

9. Paducheva, E. V. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa* [Semantic research: Semantics of time and type in the Russian language; Semantics of narrative], Moscow, 480 p. (In Russ.).

10. Prigozhin, I. R. (2002). *Ot sushchestvuyushchego k voznikayushchemu: vremya i slozhnost' v fizicheskikh naukah* [From existing to emerging: time and complexity in the physical sciences], Moscow, p. 18. (In Russ.).

11. Rassudova, O. P. (1982). *Upotreblenie vidov glagola v sovremennom russkom yazyke* [The use of verb types in modern Russian], Moscow, 40 p. (In Russ.).

12. Stepanov, YU. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience], Moscow, p. 124. (In Russ.).
13. Bondarko, A. V. (1987). *Teoriya funkcional'noj grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taxis* [Theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporary localization. Taxis], Leningrad, 210–233. (In Russ.).
14. SHvedova, L. N. (1978). K voprosu o konkurencii vidov v sovremennom russkom yazyke [On the issue of species competition in the modern Russian language]. *Russkij yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 3, 74–77. (In Russ.).
15. YAkobson, R. O. (1985). *O strukture russkogo glagola* [On the structure of the Russian verb], Moscow, 460 p. (In Russ.).
16. Chaput, P. R. (1990). Temporal and semantic factors affecting Russian aspect choice in questions. *Verbal aspect in discourse: contribution to the semantics of time and temporal perspective in Slavic and non-Slavic languages*, Amsterdam, p. 292.

Информация об авторе

С. Н. Глазкова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии.

Information about the author

Svetlana N. Glazkova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philology.

Статья поступила в редакцию 15.04.2022; одобрена после рецензирования 29.05.2022; принята к публикации 29.05.2022.

The article was submitted 15.04.2022; approved after reviewing 29.05.2022; accepted for publication 29.05.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Горизонты цивилизации. 2022. Том 13. Вып. 2. С. 25–38.
ISSN 2413-0125 (print).
Gorizonty civilizacii. 2022; Vol. 13, Issue 2:25–38.
ISSN 2413-0125 (print).

Научная статья
УДК 115+7.01+070
doi: 10.47475/2413-0125-2022-10203

ОБРАТИМОСТЬ ВРЕМЕНИ КАК ОБЪЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Марина Викторовна Загидуллина

Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия, mvzagidullina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из аспектов проблемы «перевода в культуре» (в данном случае – трансферу физических и метафизических представлений в область искусства). На примере философского и физического «парадокса времени» (проблемы обратимости / необратимости времени) автор рассматривает особенности трансмедиальности этого концепта и его способности порождать художественные решения в области игрового кинематографа. Преимущественно материал статьи составил анализ сериала «Тьма» (“Dark”, режиссеры Баран бо Одар, Янтъе Фризе, 2017–2020), в то же время привлечены и другие киносюжеты, затрагивающие вопросы обратимости времени. Цель статьи – исследовать потенциал художественных воплощений естественнонаучных теорий и философских концептов в части придания этим идеям «меры человечности», их гуманизации и трансфера в область этики.

Ключевые слова: трансмедиальность, эстетика, этика, искусство кино, популяризация науки, языки культуры, обратимость времени, время, парадокс времени, стрела времени, сериал «Тьма».

Для цитирования: Загидуллина М. В. Обратимость времени как объект художественного исследования // Горизонты цивилизации. 2022. Том 13. Вып. 2. С. 25–38. doi: 10.47475/2413-0125-2022-10203.

Original article

THE REVERSIBILITY OF TIME AS AN OBJECT OF ARTISTIC RESEARCH

Marina V. Zagidullina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia,
mvzagidullina@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to one of the aspects of the problem of “translation in culture” (particularly, the transfer of physical and metaphysical ideas to the field of art). On the example of the philosophical and physical “paradox of time” (the problem of reversibility / irreversibility of time), the author considers the features of the transmedial nature of this concept and its ability to generate artistic solutions in the field of feature cinema. Mostly the material of the article contains of analysis of the series “Dark” (directed by Baran bo Odar, Jantje Friese, 2017–2020), at the same time, other film plots devoted to the reversibility of time are also involved. The purpose of the article is to explore the potential of artistic works which based on natural science theories and philosophical concepts in terms of giving these ideas a “measure of humanity”, their humanization and transfer to the field of ethics.

Key words: transmediality, aesthetics, ethics, art of cinema, popularization of science, languages of culture, reversibility of time, time, paradox of time, arrow of time, series “Dark”.

For citation: Zagidullina M. V. Time reversibility as an object of artistic research. *Gorizonty civilizacii*. 2022; Vol. 13, Issue 2: 25–38. (In Russ.). doi: 10.47475/2413-0125-2022-10203.

Прежде чем говорить о самом предмете статьи, следует сделать несколько вводных замечаний о более широкой области, к которой обычно относятся научные изыскания такого рода: это исследования научной популяризации в самых разных ее видах и форматах. Хотя научная популяризация как часть массовых коммуникаций изучается уже чуть ли не сто лет, а существует и того больше [13], она всегда развивалась как вертикальная модель: наука признается в общей «материи» культуры верхней частью, а журналистика и искусство – инструментами донесения ее до широких масс, не обладающих достаточными знаниями для «прямого» постижения научных открытий. Если в случае с журналистикой ситуация давно «уложена» в определенные рекомендации и даже алгоритмы (и в самом деле журналист выступает «переводчиком» с языка науки на язык широкой аудитории), то в случае с искусством вопрос остается открытым: ведь обе эти области рассматриваются как совершенно самостоятельные, во многом не пересекающиеся ни по методам познания мира, ни по особенностям творческого процесса, ни по «горизонту ожиданий» от их результатов.

Между тем существует и иной подход: искусство (прежде всего, нарративное – литература, кино) рассматривается как «социотехническое воображаемое» [11]: идеи, которые генерируются учеными в лабораториях, «пущены в ход» в этих «воображаемых мирах» и приносят свои социальные плоды – иногда весьма горькие (пусть и лишь спроектированные автором).

Хотя изучению взаимосвязей социального и техно-технологического посвящен отдельный активно развивающийся сегмент научного знания (STS), вопросы трансфера научной мысли в искусство и наоборот остаются «зыбкой» частью исследовательского поля. Между тем художественные формы не «упрощают» (или «популяризуют») научные интуиции и открытия, но именно воплощают их в воображаемую жизнь (в художественный мир), где эти интуиции обретают конкретные формы социальных акторов, влияющих на общественную жизнь.

Трансфер научных идей в сюжеты художественных произведений представляет собой значимый объект наблюдения: во-первых, выявляется социальная «зрелость» того или иного открытия, во-вторых, проблематизируются отдельные аспекты научных идей не «изнутри» научного знания, но со стороны «общественного организма», в-третьих, определяется *гуманистическое отношение* к данному научному концепту.

Обращаясь к концепту времени как существенной части физической картины мира, можно установить особенности «переживания» этого концепта в искусстве. Несомненно, тема «время в искусстве» не имеет берегов (см. некоторые перечни фильмов, связанных с этой темой, в исследовании [5]; анализ фильма «День сурка» в связи с широким кругом литературных и кино-источников XX века – в работе [6]); для настоящей статьи мы остановимся только на таком аспекте времени, как проблема его обратимости/необратимости. И. Р. Пригожин и И. Стенгерс начинают книгу «Время, хаос, квант» с заострения этой проблемы (в «острой» же метафоре «стрелы времени»), причем для авторов вопрос не/обратимости времени тоже переживается не только на языке формул и расчетов, но и почти на художественном уровне. Необратимость включается в физическую картину мира как существенный элемент, а обратимые («идеальные») конструкции классической физики оказываются «рабочими» только в очень ограниченном классе явлений [7. С. 4–5]. Книга Пригожина и Стенгерс позволяет посмотреть на проблему «стрелы времени» в историческом (эволюционном) разрезе: так, в одном из эпизодов книги авторы пересказывают историю о возмущении Эйнштейна, прочитавшего в сборнике, посвященном его

теории относительности, работу Курта Гёделя, который довел теорию до предельной ясности в вопросе обратимости времени. Гёдель не только обосновал, опираясь на идеи Эйнштейна, возможность путешествия в (свое собственное) прошлое, но и рассчитал, сколько понадобится топлива для такого турне. Однако Эйнштейн решительно возразил, что это абсурд, даже не заметив, как подчеркивают Пригожин и Стенгерс, что Гёдель лишь абсолютизировал его собственные, эйнштейновские, расчеты [7. С. 221–222]. Это столкновение феноменологии времени (того, как мы сами ощущаем время) и физической картины мира (как отмечают Пригожин и Стенгерс, драматически борющейся за устойчивость, стабильность, равновесность и тождественность Вселенной – что и есть суть обратимости, вечности, равенства прошлого и будущего) возникает здесь особенно остро. Необратимость очевидна – и в то же время «выламывается» из классической физики. История про возмущение Эйнштейна «зеркалом его идей» в работе Гёделя позволяет нам обратиться к миру искусства как такому же зеркалу, исследующему попытки «вторжения» в обратимость.

В качестве материала в статье мы остановились на веб-сериале «Тьма» (“Dark”, режиссеры Баран бо Одар, Янтге Фризе, 2017–2020; сериал снят в Германии, это первый немецкоязычный сериал на Netflix), который по жанру относят к научно-фантастическим: сутью сюжета становится сама возможность персонажей перемещаться во времени. При этом для абсолютного большинства героев такое перемещение становится вполне желанным и этически оправданным, поскольку герои движимы мыслью «Я все исправлю». Не вдаваясь сейчас в довольно обширное пространство книг и фильмов, оперирующих различными формами путешествий во времени (в том числе и с целью «все исправить», породившей целое самостоятельное пространство в искусстве, связанное с альтернативной историей), сосредоточимся на сюжете «Тьмы» как «полигоне» концепции обратимости времени, то есть представим сюжет как изощренную форму подтверждения концепции тождественной Вселенной. Такой анализ позволит нам выделить три основных блока «контраргументов»: всякое стремление улучшить настоящее изменением цепи событий прошлого ведет к еще более тяжелым последствиям (принцип негативного результата); прошлое, принимая «путешественника во времени», засасывает его, как болото, а будущее как пространство путешествия героя «из настоящего» заставляет его возвращаться в прошлое, «чтобы все исправить» (принцип ретроспективы); наконец, мир, подлежащий «исправлению», представляет собой ансамбли людей, а не предметов, и всякие

«вторжения» антропологичны, в том числе и в части нарушения строгой закономерности поколенного родства (принцип парадокса поколений, выступающий основным воплощением и принципа негативного результата, и принципа ретроспективы).

Все три блока, как видим, связаны друг с другом подобно Уроборосу – символу вечности в виде змеи, заглатывающей свой хвост. «Дурная бесконечность» событий сериала и становится самоцелью и художественным приемом: сама возможность возвращения в прошлое «для исправления настоящего» оказывается результатом того, что кто-то уже пытался исправить «свое» настоящее, и нет никаких шансов найти «конец веревочки». Однако мы рассмотрим эти блоки контраргументов именно с целью исследования возможностей «переживания» научной идеи в художественной форме.

1. *Принцип негативного результата.* Один из героев сериала теряет сына – тот просто исчезает во время прогулки в лесу. Будучи полицейским, Ульрих самостоятельно «раскручивает» ситуацию, поскольку в прошлом точно так же пропал его младший брат. Выяснив, что к таинственному исчезновению детей причастен один из жителей города и обнаружив «червоточину» (портал перехода во времени) в лесу возле атомной электростанции, Ульрих принимает решение убить этого жителя в прошлом (когда тот маленький мальчик) и реализует это намерение. В представлении героя, зверски обрушивающего камень на лицо беззащитного ребенка, убийство будущего убийцы приведет к одному-единственному возможному результату: все вернется на круги своя и в «его собственном» мире не будет тех ужасных событий, которые привели его к этому вынужденному убийству. Однако все идет не так: герой оказывается в психдиспансере на долгие годы, мальчик выживает, а пропавший сын Ульриха принимает решение остаться в прошлом и адаптируется к нему (чтобы, став отцом Йонаса – центрального персонажа картины – покончить жизнь самоубийством, кстати, вызванном именно его тайной – двойным бытием в двух разных временах). Когда Катарина, самоотверженная жена Ульриха, ведет свое собственное расследование ситуации и находит «червоточину», она отправляется в прошлое с целью «вытащить Ульриха» из психбольницы, для чего ей необходимо украсть ключи у собственной (молодой) матери. Но на берегу озера, где Катарина настигает мать, та видит в преследовательнице нерожденную ей дочь, первого ребенка, жертву аборта, о котором она безнадежно пытается забыть. Мать забивает свою дочь с яростью ненависти и отчаяния (и все то же орудие – камень, попавший под руку) и топит тело в озере. Ульрих остается в

психбольнице, а никакого «исправления» событий не происходит. Что бы ни делали герои, устремляясь в прошлое из будущего – они только ухудшают ситуацию. Сам портал, как выясняется по ходу сериала, был создан часовщиком-изобретателем по чертежам, которые ему доставили путешественники из будущего – хотя эти чертежи они раздобыли у него самого. Таким образом, события оказываются неподконтрольны людям, которые, вмешиваясь в ход прошлого, несомненно, влияют на будущее, однако влияние это носит исключительно негативный характер.

2. *Принцип ретроспективы.* Прошлое оказывается сильнее и властительнее и настоящего, и будущего. Такой «ретродисбаланс» кажется важной частью «контраргументации» (поскольку обратимость «ущемляется» как тождество). Именно прошлое для героев есть «исток» (одно из ключевых понятий сериала, точка в прошлом, которую хотят найти все герои с целью уничтожить, чтобы остановить дурную бесконечность). Казалось бы, прошлое должно быть именно пространством действий (уничтожения, разрыва, слома – с целью убрать причину бед в настоящем). С одной стороны, это действительно так (герои стремятся в прошлое именно для выполнения определенной миссии). Но с другой стороны обнаруживается власть прошлого над людьми из настоящего и будущего: так, в прошлом практически добровольно остается Микель (сын Ульриха), там же остается строить новую жизнь Ханна, мать Йонаса; прошлое 1888 года и еще более ранних «петель» оказывается настоящим «болотом», затягивающим путешественников, заставляющим их «укореняться» там, вступать в браки и рожать детей – своих собственных предков. Например, Ханна отправляется в прошлое с той же целью, что и Катарина, – найти Ульриха, своего любовника. Однако он в одном из драматических эпизодов отрекается от нее – и ей становится ясно, что его «страсть» была достаточно низменной, по-настоящему она ему никогда не была нужна. Это открытие делает Ханну «беженкой во времени»: она не хочет возвращаться в «свое настоящее», предпочитая остаться в случайно обретенном прошлом. Однако ее роман с женатым полицейским Эгоном упорно возвращает ее ко все тому же жизненному провалу и личной неудаче: узнав о беременности любовницы, Эгон вместо развода с женой предлагает Ханне деньги, чтобы та могла сделать аборт. В приемной гинеколога Ханна встречается с 12-летней девочкой, которую сначала принимает за дочь или родственницу гинеколога. Но эта девочка оказывается пациенткой – она тоже пришла делать аборт. Это Хелен, в будущем мать Катарини (и именно об этом нерожденном ребенке она вспомнит, когда ее будет преследовать взрослая Катарина в лесу).

Ханна покидает дом гинеколога, оставляет ребенка и отправляется в свое время, создавая «тьму» вокруг рождения Йонаса (был ли он сыном Микеля или все же Эгона). Принцип ретроспективы заставляет героев постоянно вспоминать, копаться в прошлом, собирать свидетельства о прошлом, исследовать фотографии, вырезки из газет, сопоставлять факты. Вместе с героями в «ретроработу» погружен и зритель, перед которым разворачивается полная драматизма жизнь персонажей сериала, блуждающих в свое прошлое все глубже и глубже – и неожиданно обнаруживая, что и будущее – это их прошлое.

3. *Принцип парадокса поколений.* Этот принцип можно считать центральным контраргументом сериала. Обратимость времени невозможна уже потому, что «путешественник во времени» нарушает барьер поколений, оказывается порождающим началом в линии тех, кто должен выполнять функции его генетических предков. Именно тема рождения детей становится основополагающей в драматизме повествования. Йонас с ужасом узнает, что его любимая девушка Марта – его родная тетья, поскольку он сын ее младшего (пропавшего) брата Микеля, переместившегося в прошлое. В то же время и эта догадка ставится под сомнение путешествием в прошлое его матери и ее романом с Эгоном Тидеманом. Весь эпизод 1888 года сообщает о том, как случайно оказавшиеся там друзья-подростки «увязают» в прошлом, давая жизнь детям – своим бабушкам и дедушкам. Вершиной парадокса поколений становится ветвь полицейской служащей Шарлотты: ее глухонемая дочь Элизабет и есть ее мать, отправившая свою дочь Шарлотту в прошлое на воспитание часовщику-изобретателю, создателю портала. «Петля», соединяющая мать и дочь подобно Уроборосу, становится ключевым открытием всего повествования: если допустить, что путешествие во времени возможно, то возможно, что мать есть дочь своей дочери, а дочь – мать своей матери. Парадокс поколений становится главной точкой ненависти героев к этому порядку, стремлением уничтожить любой ценой причины такого нарушения «естественного хода вещей». Это проявляется и в других отношениях детей и родителей: так, попавшая в будущее Клаудиа Тидеман читает в газетах, что ее отец умер при невыясненных обстоятельствах. Она навещает его накануне этой предсказанной смерти, пытается увести к себе, чтобы спасти от судьбы. Он сопротивляется, она неосторожно применяет силу и убивает отца. С одной стороны, можно было бы говорить о тезисе «неотвратимости» судьбы. Однако в контексте сюжета, скорее, возникает тема напряженного противостояния детей и родителей, которые – независимо от парадокса поколений – действуют на смежное поколение

разрушительно и губительно. То, что в мире «Тьмы» вся система отношений одновременно глубоко лирична, человечна и совершенно жестока, может рассматриваться как наиболее сильная художественная сторона сериала. Парадокс поколений есть воплощение и принципа негативного результата, и принципа ретроспективы. Поэтому вполне органично зритель движется к теме «Адама и Евы» (так именованы Йонас и Марта в бесконечных кругах Sic Mundus – тайного общества, исповедующего обратимость времени и вечность круга, по которому движутся герои, как бы они ни старались «все исправить»). Убийство зачатого Йонасом и Мартой ребенка в утробе матери становится надеждой на «разрыв круга» – но оказывается такой же «тьмой», как и другие действия героев: обратимость работает, детерминизм смертей и бед неизбежно ведет ко все той же катастрофе-апокалипсису.

Развязка сериала в третьем сезоне представляет собой единственный, с точки зрения авторов этого произведения, выход из запутанного клубка событий: дело не в мифическом «исток», а в самом *допущении обратимости*. Время не может быть обратимым, какие бы альтернативы ни реализовывались в нем, они просто не могут влиять на то, что уже реализовано ранее. Поэтому развязкой становится не уничтожение самого портала, а уничтожение условия, которое привело к его созданию. Часовщик-изобретатель Таннхаус теряет сына, невестку и внука, погибших в результате автокатастрофы на мосту. Перед этим событием они с сыном поссорились, и сам факт этой ссоры не дает Таннхаусу покоя. Он изобретает портал с целью войти в контакт с сыном, сказать ему самое важное – что любит его. И поэтому для развязки всей истории нужно только одно «правильное» вторжение: в момент, когда Таннхаус запускает портал, есть несколько мгновений, когда все миры сошлись в одной точке и не успели еще начать центробежное движение, порождающее «дурную бесконечность». Этот эпизод решен в сериале трогательно и сильно: Марта и Йонас, оказавшись в искривленном пространстве перекрестка, неожиданно видят друг друга маленькими, трех-четырёхлетними детьми, увидевшими что-то странное: Йонас заглядывает в подвал и говорит отцу, что видит «девочку, она грустная». А маленькая Марта смотрит в глубину платяного шкафа и тоже говорит маме, что «там мальчик». Эти эпизоды Марта и Йонас помнят, но теперь они и есть те самые «грустные мальчик и девочка», которых «перекрестно» видели в своем детстве. И это тоже «парадокс поколений», который должен быть разрушен. Герои знают, что их миссия – не допустить смерти семьи Таннхаусов. Портал-перекресток выталкивает их на шоссе почти под

колеса автомобиля раздраженного сына Таннхауса, покинувшего дом отца из-за ссоры: «Вы что, ангелы?» – кричит он им, выскакивая из машины, которую ему удалось остановить, не сбив их. Разумеется, он не знает, как он близок к истине, когда «обзывает» подростков «ангелами». Йонас и Марта говорят ему, что мост закрыт, «там авария», и молодая семья возвращается в дом отца, заглаживая ссору и мириться. Теперь у часовщика нет причины создавать портал. И Йонас и Марта исчезают, успев повторить, что они всегда были созданы друг для друга (их исчезновение не противоречит глубине их признания – они уходят в небытие вместе, любящими). Лиризм развязки (уничтожение самой петли времени, любые порождения которой – «химеры», как бы они ни были прекрасны) подчеркивает возможности искусства вступать в научную дискуссию со своим арсеналом средств.

Художественная аргументация сериала «Тьма» далека от прямолинейности и простоты. Не случайно критики сериала отмечали, что следовало бы ввести новую маркировку сериалов вслед за «возрастной» – по требованиям к уровню IQ зрителей (характерный заголовок одной из рецензий: «Это не сериал, который ты смотришь. Это сериал, который ты решаешь» – Emily VanDerWerff, “Netflix’s Dark Isn’t a Show You Watch. It’s a Show You Solve” // The Vox. September 6, 2019, [https:// www.vox.com/culture/2019/9/6/20850336/dark-netflix-review-season-2](https://www.vox.com/culture/2019/9/6/20850336/dark-netflix-review-season-2)). Хотя в отзывах и рецензиях можно найти множество размышлений о «непредотвратимости», «предопределенности», «цикличности» как главных темах сериала, его магистральная сюжетная линия (включая апокалипсис – взрыв на атомной электростанции и последовавшую за тем дегуманизацию и тотальную милитаризацию мира) исследует именно «стрелу времени» в «пост-эйнштейновском» понимании: организация судеб людей как раз и представляет собой пример «порядка из хаоса»: каждый делает сотни судьбоносных выборов за свою жизнь, приближая конкретную конфигурацию «настоящего» к полной непредсказуемости, но все же при этом внося свой вклад в подтверждение мысли о том, что у любого выбора есть ясные и внятные причины. И. Пригожин и И. Стенгерс назвали понимание мира «узкой тропинкой» между концепциями полного детерминизма и абсолютной случайности: хаос тоже имеет свои законы и подчиняется им, важно понять, как эти законы устроены. Но одно остается непреложным: сделав выбор, актер общего социального действия включает совершенно неизвестную цепочку событий, а другую цепочку (столь же неизвестную) отключает. И то, что выбор сделан, есть работа «стрелы времени», направленной от прошлого к

будущему, необратимой и не позволяющей «вернуться и все исправить». По мнению Льва Толстого, принцип невозвратимости и вплетения многих тысяч «свободных волей» в общий вектор исторического процесса основан на двойственности места человека в обществе и истории: «Есть две стороны жизни в каждом человеке: жизнь личная, которая тем более свободна, чем отвлеченнее ее интересы, и жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы. Человек сознательно живет для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических, общечеловеческих целей. Совершенный поступок невозвратим, и действие его, совпадая во времени с миллионами действий других людей, получает историческое значение» (Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 11. Война и мир. Том третий. Москва : ГИХЛ, 1940. С. 6).

Решая вопрос о времени, Г. Гегель «вечностью» назвал настоящее: «Настоящее представляет собой это отрицательное единство. Небытие бытия, место которого заняло “теперь”, является прошедшим, бытие небытия, содержащееся в настоящем, является будущим. В положительном смысле можно поэтому о времени сказать так: лишь настоящее существует, предшествующего же и последующего не существует. Но конкретное настоящее есть результат прошедшего, и оно чревато будущим. Истинным настоящим, таким образом, является вечность» [1. С. 59]. Продолжая мысль Гегеля, Жиль Делёз, анализируя роман Пруста «В поисках утраченного времени», конституирует вечность как время, остановленное в рамках художественного произведения: «Художественная сущность открывает нам первичное время, превосходящее темпоральные ряды и измерения. Это – “сложное” время сущности как таковой, оно тождественно вечности. Так, когда мы говорим об “обретенном” времени произведения искусства, речь идет о первичном времени, которое противопоставляется времени развернутому и разворачивающемуся, то есть последовательно проходящему времени, времени, которое вообще утрачивается» [2. С. 90].

В то же время «стрела времени», как отметил Эддингтон, который и предложил это понятие, с точки зрения физики проявляется как путь среди «большого и меньшего числа случайностей»: «Без всякого мистического обращения к сознанию можно найти направление времени на четырехмерной карте путем изучения организации. Нарисуем стрелку произвольно. Если, следуя по стрелке, мы находим все больше и больше случайного элемента в состоянии мира, то стрела указывает на будущее; если случайный элемент уменьшается, стрелка указывает в прошлое. Это единственное различие, известное физике» [9. Р. 34]. Таким образом,

физическая картина мира формирует запрос на критерий случайности как количественный показатель направления стрелы времени, при этом вопрос о «настоящем» становится эквивалентом вопроса о «еще не сделанном выборе». Возвращаясь к сериалу «Тьма», мы можем заметить, что предположение о том, что это повествование о фатальной предопределенности и непредотвратимости предначертанного, оказывается опрометчивым. Так, один из рецензентов сериала в своей, несомненно, положительной и даже восторженной рецензии указывает: «Как и многие истории о путешествиях во времени, “Тьма” борется с идеей свободы воли. Действительно ли мы свободны выбирать свой собственный путь, или мы все невольно следуем фиксированному пути, который мы не можем изменить? Это особенно важный вопрос для повествования о путешествиях во времени, поскольку возникают такие проблемы, как парадокс начальной загрузки или парадокс бабушки, когда персонажи вмешиваются в прошлые события. Сериал решает эти проблемы, предполагая, что у персонажей *нет* свободы воли, и их действия в конечном итоге не влияют на установленную серию событий, которые происходят вокруг них» (Daniel A. ‘Dark’ Netflix Series Analysis: Crafting Linear Circularity // Scriptophile. August 23, 2021, <https://scriptophile551675913.wordpress.com/2021/08/23/dark-netflix-series-analysis-crafting-linear-circularity/>). Также и в исследовательских статьях, посвященных сериалу, авторы сосредоточены именно на «дурной бесконечности» и мастерстве воплощения идей «червоточины» как пространственно-временного моста (см., например, [12]).

Однако обращение к теме времени как научной задаче объяснения физического мира в сериале намного глубже, чем утверждение неизбежности предначертанного. Сериал именно отрицает обратимость времени, утверждая «вечность настоящего» (иначе говоря – его ценность). В этом смысле «социотехническое воображаемое» выполняет функцию «гуманитарной проверки» концепции обратимости времени – и вовсе не за счет «перевода» научной проблемы в ранг «антиутопии» (в этом определенная новизна «социотехнического воображаемого» – хотя о недостатке новизны самого концепта пишут рецензенты книги Шейлы Джазанофф и Сан-Юн Ким, см., например, [3]). Как отмечают авторы сборника философских статей «Наука и искусство», нет никакой иерархии в способах познания мира: и наука, и искусство есть «равночастные стороны универсальной гармонии, заключенной в мире и человеке» [4. С. 3]. Концепцию времени создатели сериала разворачивают в неразрывной связи с концепцией человечности, которая и становится «мерилом времени». Тотальный негативизм «обратимого

времени» предстает как триггер к поиску выхода (исхода) из замкнутой «восьмерки» бесконечности. Разрывом оказывается не «исток», но сам подъем над идеей возможности путешествий во времени: «стрела времени» побеждает «червоточину»; «социотехническое воображаемое» работает как лаборатория физической концепции.

Список источников

1. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы / отв. ред. Е. П. Ситковский. Москва : Мысль, 1975. 695 с.
2. Делез Ж. Марсель Пруст и знаки / пер. Е. Г. Соколова. Санкт-Петербург : Алетейя, 1999. 186 с.
3. Кейдия А. В. «Вся власть (социотехническому) воображению». Рецензия на книгу: Sheila Jasanoff and Sang-Hyun Kim (eds.) (2015). *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*, Chicago University Press // Социология науки и технологий. 2020. № 11 (3). С. 206–212. doi:10.24411/2079-0910-2020-13013.
4. Наука и искусство : сборник статей / Российская акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. А. Н. Павленко. Москва : ИФ РАН, 2005. 204 с.
5. Николаева Е. В. Постнеклассическая картина мира в экранной реальности цифровой эпохи // Обсерватория культуры. 2015. № 4. С. 4–12.
6. Погорельская Е. Ю., Чернов Л. С. К вопросу о вечном возвращении: дело Фила Коннора // Вестник Гуманитарного университета. 2017. № 3 (18). С. 94–108.
7. Пригожин И. Р., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / пер. с англ.; изд. 5-е. Москва : Едиториал УРСС, 2003. 240 с.
8. Batori A. “Everything is Connected”. *Narratives of Temporal and Spatial Transgression in Dark* // VIEW. Journal of European Television History and Culture. 2021. № 10 (19). P. 112–124.
9. Eddington A. S. *The nature of the physical world*. Cambridge : Cambridge University Press, 1948. 367 p. Cit. from: Reprint 2008, ed. Richard Conn Henry. 184 p.
10. Fraunhofer H. *Spatiotemporality in the Anthropocene: Deleuzoguattarian Philosophy, Quantum Physics, and the German Netflix Series Dark* // *KronoScope*. 2021. № 21 (1). P. 28–44.
11. Jasanoff S., Kim Sang-Hyun (eds.) *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*. Chicago : Chicago University Press, 2015. 360 p.

12. Paladines Paredes L. V. (2019). The Eternal return: analysis of the temporal conception in the Dark series of Netflix // PAAKAT: revista de tecnología y sociedad. 2019. № 9 (16). P. 3–8.

13. Papanelopoulos F., Nieto-Galan A. (eds). Popularizing Science and Technology in the European Periphery, 1800–2000 / 1st ed. London ; New York : Routledge, 2009. 304 p. <https://doi.org/10.4324/9781315601472>.

References

1. Hegel, G. (1975). *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 2. Filosofiya prirody* [Encyclopedia of Philosophical Sciences. T. 2. Philosophy of nature], ed. by E. P. Sitkovsky. Moscow : Mysl' Publ., 695 p. (In Russ.).

2. Deleuze, J. (1999). *Marsel' Prust I znaki* [Marcel Proust and signs], tr. E. G. Sokolov. St. Petersburg : Aletyya, 186 p. (In Russ.).

3. Keydiya, A. V. (2020). “Vsya vlast' (sotsiotekhnicheskomu) vobrazheniyu”. Retsenziya na knigu [All Power to the (Sociotechnical) Imagination. Book Review]: Sheila Jasanoff and Sang-Hyun Kim (eds.) (2015). *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*, Chicago University Press. *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy* [Sociology of Science and Technology], 11 (3), 206–212. doi:10.24411/2079-0910-2020-13013. (In Russ.).

4. *Nauka i iskusstvo* [Science and Art] (2005). Ed. A. N. Pavlenko. Moscow : Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences Publ., 204 p. (In Russ.).

5. Nikolaeva, E. V. (2015). Postneklassicheskaya kartina mira v ekrannoy real'nosti tsifrovoy epokhi [Post-non-classical world view in the on-screen reality of the digital epoch]. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 4, 4–12. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2015-0-4-4-12>. (In Russ.).

6. Pogorel'skaya, Ye. YU. & Chernov, L. S. (2017). K voprosu o vechnom vozvrashchenii: delo Fila Konnorsa [On the issue of eternal return: the case of Phil Connors]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Humanitarian University], 3 (18), 94–108.

7. Prigozhin, I. R. & Stengers, I. (2003). *Vremya, kaos, kvant. K resheniyu paradoksa vremeni* [Time, chaos, quantum. To the solution of the paradox of time], transl. from English; ed. 5th. Moscow : Editorial URSS, 240 p. (In Russ.).

8. Batori, A. (2021). “Everything is Connected”. Narratives of Temporal and Spatial Transgression in Dark. *VIEW. Journal of European Television History and Culture*, 10 (19), 112–124.

9. Eddington, A. S. (1948). *The nature of the physical world*. Cambridge : Cambridge University Press, 367 p. Cit. from: Reprint 2008, ed. Richard Conn Henry. 184 p.

10. Fraunhofer, H. (2021). Spatiotemporality in the Anthropocene: Deleuzoguattarian Philosophy, Quantum Physics, and the German Netflix Series Dark. *KronoScope*, 21 (1), 28–44.

11. Jasanoff, S. & Kim, Sang-Hyun (eds.) (2015). *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*. Chicago : Chicago University Press, 360 p.

12. Paladines Paredes, L. V. (2019). The Eternal return: analysis of the temporal conception in the Dark series of Netflix. *PAAKAT: revista de tecnología y sociedad*, 9 (16), 3–8. (In Spanish).

13. Papanelopoulou, F. & Nieto-Galan, A. (eds) (2009). *Popularizing Science and Technology in the European Periphery, 1800–2000* (1st ed.). London : Routledge, 304 p. <https://doi.org/10.4324/9781315601472>.

Информация об авторе

М. В. Загидуллина – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций.

Information about the author

Marina V. Zagidullina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Journalism and Mass Communications.

Статья поступила в редакцию 15.01.2022; одобрена после рецензирования 05.03.2022; принята к публикации 05.03.2022.

The article was submitted 15.01.2022; approved after reviewing 05.03.2022; accepted for publication 05.03.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Горизонты цивилизации. 2022. Том 13. Вып. 2. С. 39–48.
ISSN 2413-0125 (print).
Gorizonty civilizacii. 2022; Vol. 13, Issue 2:39–48.
ISSN 2413-0125 (print).

Научная статья
УДК 433
doi: 10.47475/2413-0125-2022-10204

ВРЕМЯ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, АКТУАЛЬНЫХ ДЛЯ XXI ВЕКА

Наталья Михайловна Паэгле

Союз журналистов России, Союз писателей России,
Екатеринбург, Россия, yabloneka@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие «историческое время» в контексте произведений российского классика – писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка. В каждом своем произведении Дмитрий Наркисович выступает как историк: он отражает время и эпоху, в частности, переходный период после отмены крепостного права и наступление капитализма в России в конце XIX века. Социально-экономические процессы XIX века аналогичны процессам становления капитализма в России XX и XXI веков.

Ключевые слова: историческое время, эпоха, период, философия, капитализм, Мамин-Сибиряк, идея, человеческие страсти, актуальность.

Для цитирования: Паэгле Н. М. Время как историческая категория в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка, актуальных для XXI века // Горизонты цивилизации. 2022. Том 13. Вып. 2. С. 39–48. doi: 10.47475/2413-0125-2022-10204.

Original article

**TIME AS A HISTORICAL CATEGORY
IN THE WORKS OF D. N. MAMIN-SIBIRYAK,
RELEVANT FOR THE XXI CENTURY**

Natalia M. Paegle

member of the Union of Journalists of Russia,
member of the Union of Writers of Russia, Yekaterinburg, Russia,
yabloneka@yandex.ru

Abstract. The article discusses the concept of “historical time” in the context of the works of the Russian classic writer D. N. Mamin–Sibiryak. In each of his works, Dmitry Narkisovich acts as a historian. It reflects time and epoch. In particular, the transition period after the abolition of serfdom and the onset of capitalism in Russia at the end of the XIX century. The socio-economic processes of the XIX century are similar to the processes of the formation of capitalism in Russia of the XX and XXI centuries.

Key words: historical time, era, period, philosophy, capitalism, Mamin-Sibiryak, idea, human passions, relevance.

For citation: Paegle N. M. Time as a historical category in the works of D. N. Mamin-Sibiryak, relevant for the XXI century. *Gorizonty civilizacii*. 2022; Vol. 13, Issue 2: 39–48. (In Russ.). doi: 10.47475/2413-0125-2022-10204.

В 2022 году исполняется 170-лет со дня рождения Д. Н. Мамина-Сибиряка – российского писателя уральского происхождения. В связи с этой датой Губернатор Свердловской области Евгений Куйвашев объявил 2022-й год Годом Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка.

В 2017 году в издательстве «Сократ» (Екатеринбург), в серии «Жизнь замечательных уральцев» вышла моя книга «Дмитрий Мамин-Сибиряк». В течение последующих пяти лет я не оставляла исследования жизни и творчества писателя, на мой взгляд, особо актуального для новейшей истории.

Посыл об актуальности творчества Мамина-Сибиряка стал основным и в авторском проекте, реализуемом совместно с Муниципальным объединением библиотек города Екатеринбурга под названием «Д. Н. Мамин-Сибиряк – писатель XXI века», что подчеркивает значение произведений писателя для современного читателя.

Обозначив в первых абзацах статьи исторические даты, мы можем смело переходить к определению исторического времени.

Понятие «историческое время» существует в философии и истории. В статье «Историческое время» [1] авторы В. Д. Гавриш и П. А. Заклинский ссылаются на немецкого философа XVIII–XIX веков Гегеля, который заложил теорию о структуре исторического времени,

указав, что в нее обязательно входят два элемента: идея и человеческие страсти. Первый элемент составляет основу исторического времени. Если с этой точки зрения посмотреть на исторические события наиболее к нам близкого XX века, то можно согласиться с утверждением Гегеля. Например, в основе революционных событий 1917 года лежала идея о смене государственного строя и смене социально-экономической формации. Вокруг этой идеи, как нам известно, кипело много человеческих страстей. Аналогично этим событиям можно рассматривать и Вторую Мировую войну, когда у одного человека возникла идея расширить границы своего государства за счет военных действий в Европе. О том, сколько человеческих страстей было реализовано вокруг этой трагедии, мы знаем из исторических источников и художественных произведений.

Если рассматривать, исходя из этих понятий, произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка, то в каждом его романе, повести или рассказе заложена определенная идея, вокруг которой разворачиваются самые горячие человеческие страсти.

Но давайте от философии перейдем к понятию историческому. В уже названной статье авторы утверждают, что «историческое время» представляет комплекс знаний, в которое входит не только настоящее, но и прошлое». И указывают на то, что особенностью социально-исторического времени является то, что процесс развития, дающий ему содержание, совершается посредством человеческой деятельности. И это, на наш взгляд, представляется самым важным. Историческое время – не абстрактная величина. Его можно рассматривать только в контексте событий, к которым причастен человек. Ведь не случайно все время до появления на земле человека называется «доисторическим», а «историческое» начинается с появлением человека, которому была свойственна вначале самая примитивная деятельность, и насчитывает около 40 000 лет.

Интересно, что доктор исторических наук Г. И. Герасимов утверждает, что историки используют «историческое время» для создания образа прошлого. «Его особенности определяются объектом истории – прошлым, а также теоретическими особенностями построения образа прошлого в конкретную мировоззренческую эпоху» [2].

В какую эпоху творил Д. Н. Мамин-Сибиряк, какое «прошлое» отражал в своих произведениях? На его долю выпало пореформенное время, характерное для России после отмены крепостного права и наступления капитализма. Этому периоду посвящены все крупные

романы писателя «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Три конца», «Дикое счастье», более поздние «Золото» и «Хлеб».

С категорией «историческое время» тесно связаны понятия эпохи и периода, определенных промежутков в прошлом, которые отличаются от других интервалов своим качеством. В своих эпических полотнах Мамин-Сибиряк наравне с исторической эпохой отражает и массу человеческих страстей, которые свойственно переживать людям, попавшим на перелом эпох, что можно рассмотреть на примере конкретного произведения.

Главная тема романа «Горное гнездо» – наступление капитализма в российской промышленности, пришедшего на смену крепостному праву, взята писателем из жизни. Более того, капитализм на уральских заводах имел свои особенности именно в силу горнозаводского уклада, когда рабочий завода или фабрики, как правило, имел свой дом и обрабатываемый надел земли и был в этом плане близок к крестьянину. Уральский рабочий середины и конца XIX века сочетал в себе качества пролетария и крестьянина, тем самым резко отличаясь от рабочего класса столичного Санкт-Петербурга.

С сочувствием относясь к труду фабричного рабочего, автор, однако, не рассматривает никаких положений, улучшающих его место в системе завода. Тем более, не разоблачает заводовладельца, относясь к нему, скорее, со злой иронией. Объяснение тому кроется в социально-экономическом положении Урала, изначально развивающегося как горнозаводской край.

В отражаемой Маминым-Сибиряком эпохе действуют типажи, выписанные им с особой яркостью и тщательностью. К их числу относится собирательный образ фабричного рабочего, знакомый писателю с детских лет в поселке Висим и представленный в «Горном гнезде»: «Фабрика рядом поколений выработала совершенно особый тип заводского фабричного, который в состоянии вынести нечеловеческий труд. Эти жилистые, могучие руки, эти красные затылки, согнутые спины и крепкая уверенная поступь были точно созданы для заводской работы. Каждая фигура была сколочена из одних костей и мускулов и дышала чисто заводской силой» [4. С. 107].

Известный критик XIX века Елена Колтоновская, отмечая «Горное гнездо» как один из лучших романов Мамин-Сибиряка, сравнивает его автора с Достоевским. «Как романист Мамин имеет кое-что общее с Достоевским. У него та же напряженность действия и острота анализа, порой доходящая до жестокости, захватывающая и увлекающая. Только предметы анализа у них разные, поэтому и сходство их не

бросается в глаза... Когда Мамин с нервной торопливостью раскрывает надломленную, больную психику своих мужицких героев, стоящих на рубеже между старой и новой жизнью, он по силе проникновенности не уступает Достоевскому» [3]. Это как раз о тех страстях, о которых писал Гегель.

В 1884 году параллельно с публикацией «Горного гнезда» в журнале «Отечественные записки», в «Вестнике Европы» выходит роман «Дикое счастье», который первоначально назывался «Жилка». Это произведение относится к произведениям Мамина-Сибиряка о золоте. В основе сюжета – события в Белоглинском заводе, жизнь староверческой семьи Брагиных, которая держит небольшую лавку, оставшуюся семье в наследство от ее основателя Евстрата Брагина. Его вдова – Татьяна Власьевна и сын Гордей, тоже рано овдовевший, ведут хозяйство и содержат семью – двух сыновей Гордея со снохами и внуками, а также его младшую дочь Нюшу, следуя всем законам домостроя. Кроме этого, в доме живут старший сын Власьевны – Зотушка, блаженный пьяница, и стряпка Маланья – свой человек, служившая семье четвертый десяток. К тому же Брагины постоянно кормили пять-шесть старушек-нищенок и давали им кров. Весь порядок в доме держался на Татьяне Власьевне, требующей неукоснительного подчинения младшего старшему. «Издали эта крепкая купеческая семья могла умилить самого завязатого поклонника патриархальных нравов» [5. С. 9], – резюмирует автор в самом начале повествования. Волнение в доме начинается однажды утром, когда Гордей Евстратыч, «замечательный домосед», ездивший только по санному пути на ярмарку в Ирбит, да в Верхотурье к сестре Алене, слякотным летним днем отправляется куда-то верхом. «Куда-то» оказывается прииском Полдневской, где его ждет умирающий старатель Маркушка, передавший накануне Гордею кусочек кварца с золотой жилкой и наказ приехать к нему лично. По дороге в Полдневскую, раздумывая о золоте и богатстве, Гордей Евстратыч резонно размышляет: «От этого богатства просто один грех, точно люди всякого ума решаются. Но ведь это другие, а уж он, Гордей Евстратыч, никогда бы так не сделал» [5. С. 9]. В этой простой формуле заложено глубокое философское содержание – каждый, даже нравственно чистый, внутренне сильный человек, подвергнувшись испытанию золотом, уверен в том, что он-то обязательно справится с его губительным искушением. И после не отдает себе отчет в том, как медленно, но неотвратимо под действием этого золотого искушения происходит разложение личности и падение в пропасть полной безнравственности, что и случилось с Гордеем Брагиным и его семьей.

Казалось бы, и повод к раскрытию тайны жилки был самый благочестивый – Маркушка, некогда убивший штегеря, «стоявшего» теперь у его предсмертного изголовья, хотел, чтобы его грех всю оставшуюся жизнь отмаливала Татьяна Власьевна, ибо, по мнению Маркушки, молитва такой святой старушки дойдет до Бога быстрее всего. И Гордей сначала нехотя, не доверяя отъявленному старателю, как-то исподволь вдруг соглашается с его предложением, уверенный в том, что разработка жилки будет вестись им с самыми благими намерениями. При этом он не желает отдавать себе отчета в том, что цена жилки – убийство человека – может предопределить и его будущее. Поддается на уговоры сына и благочестивая Татьяна Власьевна. Сколько бы ни боролись в ее душе противоположные мысли и чувства, но жилка «победила». Как ни странно, самую трезвую мысль на этот счет высказывает брату и матери пьяница Зотушка: «Жили, слава богу, и без жилки, проживем и теперь... От этого золота один грех...» [5. С. 45]. Но его не понимают и изгоняют с семейного совета. Все дальнейшее, что происходит с еще недавно духовно крепкой семьей, автор романа выражает так: «...бес наживы мучил Гордея Евстратыча, не давая ему покоя ни днем, ни ночью. Брагину все было мало; его жадность росла вместе с приливавшим богатством» [5. С. 105].

Происходит нравственное перерождение и Татьяны Власьевны, еще в недавнем прошлом «значительной величины» в кругу староверов. Теперь же под влиянием свалившегося на голову богатства она находит оправдание и грехам:

«...Старческий холодный эгоизм закрадывался к ней в душу так же незаметно, шаг за шагом, как одно время года сменяется другим» [5. С. 106]. В конце романа внутреннее разложение главных членов семьи приводит к ее полному распаду, к смерти Гордея Евстратыча и сумасшествию Татьяны Власьевны, к пьянству и блуду сыновей Гордея, а за этим и к побегу из дома невесток. Остаются не тронутыми золотой ржавчиной только души Зотушки и Ньюши, и на их стороне все симпатии автора.

Эпоха и период неразрывно связаны с социально-экономическим строем. В каждом своем произведении, даже самом коротком рассказе, Мамин-Сибиряк выступает как историк. Он отражает историческое время, эпоху, как мы уже выяснили, переходного периода после отмены крепостного права и наступления капитализма в России в конце XIX века. Интересно, что капитализм того времени мало отличался от капитализма XX–XXI века. Изменились только декорации, а социально-экономические процессы тождественны.

В этом плане особенно показателен роман «Хлеб». Он завершает эпопею больших произведений Мамина-Сибиряка о наступлении капитализма в России, о его особенностях в условиях Зауралья. Действие романа происходит в городе Заполье, прототипом которого является Шадринск, центр хлебной торговли в 60-х годах XIX века. Заполье было не только главным хлебным рынком, но и посредником между степью и собственно Россией. В центре повествования староверческая семья Колобовых во главе с Михеем Зотычем и тремя его сыновьями. Все они – невольные участники быстро вторгающегося капитализма в лице крупной хлебной торговли, винокуров и банков. В романе самым скрупулезным образом показано, как происходит разорение мелких крестьянских владений банковскими воротилами, в виде кучки ярко обрисованных хищников. Один из них, немец Карл Карлович, рассуждая о том, как дать оборот богатствам края, переполненного сырьем, выстраивает расчет с полным хладнокровием и чисто математической выкладкой. И, убеждая Галактиона Колобова, любимого и самого благонаправленного сына Михея Зотыча, в преимуществах капитализма и создании банка, говорит: «Дело громадное и будет зависеть от тысячи случайностей, начиная с самой жестокой конкуренции, какая существует только в нашем водочном деле. Не правда ли? Возьмите всякое другое коммерческое дело – везде риск, везде опасность, везде сомнения. А есть такое дело, которое ничего не боится, скажу больше: ему все на пользу – и урожай и неурожай, и разорение, и богатство, и даже конкуренция» [7. С. 90]

Дальше о том, как банковский капитал пожирает мельничные хозяйства. Особенно преуспели в захвате Зауралья иностранцы. Одна из самых колоритных фигур, выведенных в романе – поляк-предприниматель Стабровский. От его расчетливости Галактион приходил в ужас. «Этот богатый пан знал, кажется, решительно все и вперед сосчитал каждое зерно у мужика и каждую копейку выгоды, какую можно было получить... Это уж совсем не походило на тот авось, с каким русские купцы вели свои дела» [7. С. 199]. Прообразом этого героя послужил известный на Урале заводчик и предприниматель Альфонс Фомич Поклевский-Козел.

На фоне эпических событий развития капитализма показаны самые невероятные коллизии в человеческих судьбах: страстная любовь, измена, судьба больной девочки, жизнь староверов и запольских купцов. Сплав эпохи, человеческой деятельности и страстей. Особенно показательно перерождение Галактиона из человека богобоязненного в расчетливого бизнесмена, наживающегося на разорении своих

сограждан, которое, по мнению автора, возможно только при капитализме: «Вдруг ему сделалось жаль этого маленького городка, жившего до сих пор тихо и мирно. Что с ним будет через несколько лет? Надвигалась какая-то страшная сила, которая ломала на своем пути все, как прорвавшая плотину вода. И он являлся покорным слугой этой силы с первого раза» [7. С. 200]. Как человек Галактион мучительно «умирал» на глазах любимой женщины, теряя разницу между «промышленным добром и промышленным злом», в соответствии с философией крупных капиталистов – «мир создан специально для них и для их же пользы существуют другие людишки».

Современный читатель легко проведет аналогии между событиями XIX века, описанными в произведениях Мамина-Сибиряка, и наступлением капитализма в XX веке. Особенно это касается развития уральской промышленности в XIX веке и очередного этапа становления промышленных предприятий Урала после передела собственности в XX веке.

Одной из значительных работ Мамина-Сибиряка, посвященных горному и железному делу, является цикл «Кризис уральской горнопромышленности», опубликованный в 1886 году в газете «Екатеринбургская неделя». Промышленный кризис в русском железном производстве случился в 1885 году. И вот как его охарактеризовал писатель: «Нарушается органическая связь предприятия с общим ходом основных экономических процессов в государстве». А дальше анализирует причины и следствия кризиса.

В настоящее время очерк является не только ценным историческим источником, но и актуальным пособием, что подтверждает только одна цитата из очерка «Кризис уральской горнопромышленности».

«Дело в том, что наше время есть время самых сложных и грандиозных комбинаций взаимодействующих сил. Не только органически связанных между собой явления внутренней жизни одного государства, но жизнь всех государств находится под давлением известных железных законов. Нельзя так, вдруг, за здорово живешь, прийти, увидеть и победить. Это особенно ясно можно проследить на явлениях экономического порядка, того международного сцепления известных роковых сил, ворочающих всем... этот маховик – капитал. Европейские капиталисты давно «гадят» русской промышленности и никак не дают «лупить по пути» прогресса...» [6].

Таким образом, художественные и публицистические произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка служат яркой иллюстрацией того, насколько сходными могут быть процессы разных периодов «исторического

времени». Выведенные в них образы оказываются типичными как для России периода становления капитализма в конце XIX – начале XX веков, так и для современного отрезка истории.

Список источников

1. Гавриш В. Д., Заклинский П. А. Историческое время // Социально-гуманитарные знания. 2018. С. 155–161.
2. Герасимов Г. И. Историческое время // Философия и культура. 2018. № 4. С. 28–38. DOI: 10.7256/2454-0757.2018.4.24924.
3. Колтоновская Е. В стороне от главного русла. Д. Н. Мамин-Сибиряк // Вестник Европы. 1913. Кн. 2 (февр.). С. 198–220.
4. Мамин-Сибиряк Д. Н. Горное гнездо. Роман. В горах. Очерк. Екатеринбург : Издательский дом «Сократ», 2002. 480 с.
5. Мамин-Сибиряк Д. Н. Дикое счастье. Свердловск: Средне-Уральск. книжное изд-во, 1984. 512 с.
6. Мамин-Сибиряк Д. Н. Кризис уральской горнопромышленности // Екатеринбургская неделя. 1886. № 29–31.
7. Мамин-Сибиряк Д. Н. Хлеб. Свердловск : Средне-Уральск. книжное изд-во, 1984. 434 с.

References

1. Gavrish, V. D. & Zaklinskij, P. A. (2018). Istoricheskoe vremya [Historical time]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 155–161. (In Russ.).
2. Gerasimov, G. I. (2018). Istoricheskoe vremya [Historical time]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture], 4, 28–38. DOI: 10.7256/2454-0757.2018.4.24924. (In Russ.).
3. Koltonovskaya, E. V. (1913). V storone ot glavnogo rusla. D. N. Mamin-Sibiryak [Away from the main channel. D. N. Mamin-Sibiryak]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], Book 2 (febr.), 198–220. (In Russ.).
4. Mamin-Sibiryak, D. N. (2002). *Gornoe gnezdo. Roman. V gorah. Ocherk* [Mountain nest. Novel. In the mountains. Feature article]. Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Sokrat», 480 p. (In Russ.).
5. Mamin-Sibiryak, D. N. (1984). *Dikoe schast'e* [Wild happiness]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'sk. knizhnoe izd-vo, 512 p. (In Russ.).
6. Mamin-Sibiryak, D. N. (1886). *Krizis ural'skoj gornopromyshlennosti* [Crisis of the Ural mining industry]. *Ekaterinburgskaya nedelya* [Yekaterinburg week], 29–31. (In Russ.).
7. Mamin-Sibiryak, D. N. (1984). *Hleb* [Bread]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'sk. knizhnoe izd-vo, 434 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. М. Паэгле – член союза журналистов России, член союза писателей России.

Information about the author

Natalia M. Paegle – member of the Union of Journalists of Russia, member of the Union of Writers of Russia.

Статья поступила в редакцию 13.02.2022; одобрена после рецензирования 05.03.2022; принята к публикации 05.03.2022.

The article was submitted 13.02.2022; approved after reviewing 05.03.2022; accepted for publication 05.03.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Горизонты цивилизации. 2022. Том 13. Вып. 2. С. 49–58.
ISSN 2413-0125 (print).
Gorizonty civilizacii. 2022; Vol. 13, Issue 2:49–58.
ISSN 2413-0125 (print).

Научная статья
УДК 778.5
doi: 10.47475/2413-0125-2022-10205

ВРЕМЕННЫЕ ИГРЫ С ПИСАТЕЛЯМИ В КИНО

Виктория Юрьевна Прокофьева

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения,
Санкт-Петербург, Россия, vicproc1999@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются художественные фильмы, сюжет которых основан на перемещении во времени известных писателей. Такие временные игры с историческими персонажами сопрягаются с популярными в кино и литературе приемом попаданчества и жанром альтернативной истории. В зарубежном кинематографе писателем-попаданцем становится Г. Уэллс, использующий машину времени собственного изобретения, в российском же выбираются писатели XIX века, включенные в школьную программу по литературе – Пушкин, Достоевский и т. д. Подобное вольное обращение с историей выявляет и обобщает культурные смыслы, связанные с мифологизацией реальных личностей прошлого, их бытованием в массовом сознании. Закрепившееся в культуре представление известного писателя при перемещении в наше время делает его узнаваемым во всем, от визуального облика до гипотетических реплик и действий – эдаким памятником самому себе, стертой метафорой, клише, анекдотом, мемом.

Ключевые слова: кино, писатель-классик, попаданчество, перемещение во времени, альтернативная история.

Для цитирования: Прокофьева В. Ю. Временные игры с писателями в кино // Горизонты цивилизации. 2022. Том 13. Вып. 2. С. 49–58. doi: 10.47475/2413-0125-2022-10205.

TIME GAMES WITH WRITERS IN MOVIES

Viktoriya Yu. Prokofeva

St. Petersburg State University of Film and Television,
St. Petersburg, Russia, vicproc1999@gmail.com

Abstract. Modern cinema has accumulated many films that include such a plot move as time travel. As a rule, it is fictional characters who travel, but there are films in which we can see characters based on real personalities as time travelers, including famous writers (there are more such films in Russian cinema). Foreign cinema refers primarily to the writer who invented the time machine, G. Wells (“Time After Time”, USA, 1979 film and 2017 TV series), suggesting that he invented the time travel vehicle not only on paper, but also tested for a journey into the future, in the year of the release of the film product. Or the accidental travel appears, sending a modern writer to the 1920s for “professional” communication with young F. S. Fitzgerald, E. Hemingway and the approval of the manuscript by G. Stein herself (“Midnight in Paris”, 2011, dir. V. Allen). Domestic cinema chooses the classics of Russian literature as time travelers: A.S. Pushkin (“Save Pushkin”, 2017), F. M. Dostoevsky (“Alibi”, series, 2021) and some others. Here the classic writers find themselves, voluntarily or involuntarily, falling into another temporary reality, and begin to act in it in accordance with the circumstances. Such a movement of writers “from the school curriculum” is associated with the accepted semiotics of their images, mass and well-known to everyone, and at the same time, with the desire to bring them closer to today’s reality, modernize, make them live and interact with subsequent generations (“Direct Heiress”, 1982, directed by S. Solovyov, episodes 9, 179, 249, 274 of Yeralash), and sometimes even turn them into superheroes saving the world (“Dostoevsky enters the entrance”, animated clip by V. Butusov, 2020). Another way of time playing with the classics on the screen is to imagine that they did not go to another world in the year indicated by encyclopedias and textbooks, but continued to live and create a little longer than the facts accepted in the history of culture. Arthouse film “Duel. Pushkin-Lermontov” (2014) presents Pushkin, Lermontov, Griboyedov and others in 1857 and makes one wonder how the classics of Russian literature, fanned by fame and financial well-being, experienced aging, creative crisis and were burdened by everyday routine. The analysis of such temporary movie games with images of famous writers correlates with such topical art themes as accidental travel, alternative history and historical memory, helps to identify and generalize cultural meanings associated with the mythologization of real personalities of the past (especially writers, who in Russia, as you know, are more than writers), their existence in the mass consciousness and our understanding of the variable course of history. The semiotic representation of a writer known to everyone since childhood, entrenched in popular culture, when transferred to our time on the movie screen, makes him recognizable in everything, from visual appearance to hypothetical replicas and actions, understandable and quite modern - a kind of monument to himself, an erased metaphor, cliché, anecdote, meme.

Key words: cinema, classic writer, accidental travel, time travel, alternative history.

For citation: Prokofeva V. Yu. Time games with writers in movies. *Gorizonty civilizacii*. 2022; Vol. 13, Issue 2: 49–58. (In Russ.). doi: 10.47475/2413-0125-2022-10205.

Время – объект познания в науках и объект воображения в искусстве, осмыслением его человечество занимается с начала своего существования. С появлением кино рефлексии времени стали разворачиваться на экране, представляя прошлое и воображая будущее, ибо «сама ткань кинематографа позволяет играть образами времени, воплощать их сообразно фантазии автора-философа <...>, благодаря техническим возможностям время оказывается поймано в ловушку, приручено, оно послушно выполняет трюки, то замедляясь, то убыстряясь по воле режиссера, то и вовсе разворачиваясь вспять [3. С. 43]. Таких игр со временем в мировом кинематографе накопилось немало, отметим среди них такой сюжетный ход, как перемещение во времени персонажей. В теории литературы уже сложились названия для таких приемов в фантастике – попаданчество, хронофантастика (альтернативная история) – и это уже большой пласт как литературных, так и кинотекстов, популярность которого объясняется во многом тем, что это направление, «как и вся фантастика, дает возможность уйти от скучной повседневности, от проблем и забот в увлекательные миры, полные приключений. А «попаданцы» особенно близки читателю из-за того, что он зачастую представляет себя на месте такого путешественника» [4. С. 208]. Перемещаются во времени, как правило, вымышленные персонажи, но есть киноленты, в которых мы можем увидеть в качестве путешественников во времени реальных личностей, в том числе известных писателей (таких фильмов больше в отечественном кинематографе).

Зарубежный кинематограф обращается в первую очередь к писателю, придумавшему машину времени, – Г. Уэллсу («Эпоха за эпохой», США, фильм 1979 и сериал 2017), предположив, что средство передвижения во времени изобретено им не только на бумаге, но и опробовано для путешествия в будущее, в год выхода кинопродукта. Второе название и фильма, и сериала – «Путешествие в машине времени» – отсылает к роману Г. Уэллса «Машина времени», а сами кинопродукты имеют литературную основу – роман американского писателя К. Александра «Эпоха за эпохой. Путешествие в машине времени» (1979), после первой экранизации переведенный на многие языки, в том числе русский, и не раз переиздававшийся. Главный герой кинолент – молодой писатель Герберт Уэллс, изобретатель машины времени, во время ее демонстрации научному сообществу обнаруживает, что маньяк Джек Потрошитель – человек его круга, который, будучи разоблаченным, первым опробует изобретение писателя, убегая в Америку XX века (1979 год в фильме, 2017 год – в сериале). Сюжет

фильма и сериала построен на необходимости догнать преступника, возратить в свое время и предъявить обвинение. Естественно, повествование не обходится без женского персонажа, помогающего Уэлсу в преследовании. Столкновение с будущим приносит писателю некоторое разочарование, ибо оно не утопическое. Процесс его познания усиливается создателями приемом остранения, который по закону жанра помогает зрителю увидеть современный мир глазами только что попавшему в него человека. И если в фильме действие динамично и восприятие обостряется игрой М. Макдауэлла, для которого это, пожалуй, единственная положительная роль в его фильмографии, то сериал, несмотря на персонажей голливудской внешности, присутствие в кадрах предметов высоких технологий и дополнение побочными линиями, был принят сдержанно и после первого сезона закрылся по причине низких рейтингов.

Кроме известного писателя-попаданца, зарубежный кинематограф представляет и обратный вектор временных перемещений: не из того времени в наше, а из нашего времени в прошлое. Таков сюжет фильма Вуди Аллена «Полночь в Париже» (2011): современный писатель, вынашивающий очередное произведение, становится попаданцем в Париж 1920-х, где профессионально общается с молодыми Фицджеральдом, Хемингуэем и получает одобрение рукописи от самой Гертруды Стайн. Эта комедия идеализирует прошлое и рекламирует Париж прекрасными видами, вызывающими желание вслед за персонажем совершить туда путешествие. Идеализация прошлой литературной жизни выражается в доброжелательном отношении великих к незнакомцу, подсказывающему им сюжеты будущих произведений и предлагающему почитать свою рукопись, это фильм о возможности творчества и насыщенной жизни в любую эпоху.

Отечественный кинематограф в качестве путешественников во времени выбирает классиков русской литературы, первым в списке которых, безусловно, А. С. Пушкин.

Художественных фильмов и телесериалов, в которых Пушкин становится главным или второстепенным персонажем, в истории российского кино уже не один десяток, нами была проделана работа в осмыслении их задач [6]. Как правило, эти киноленты носят биографический характер, но в фантастической интерпретации известной личности на экране обращение с биографией весьма условно. Впервые «небиографический» Пушкин появляется в фильме «Наследница по прямой» (1982), рассказывающем о девочке, прячущейся от подростковых невзгод в стихотворения Пушкина. Слова поэта кажутся ей настолько

проникновенными, что она подозревает родственные связи с ним. В финале, когда ее материальное и душевное благополучие рушатся на наших глазах, она, как за соломинку, хватается за томик стихов великого поэта – и он неожиданно оказывается рядом, садится с ней в молчаливом единении, скорее не как живой человек, а как автор книги – «А. С. Пушкин», символ внутренней свободы девочки. К попаданцам этот образ отнести нельзя: это не поэт переместился во времени, это культура носит его в себе, а человек материализует «своего Пушкина».

Пушкин-попаданец появился в российском кинематографе через много лет, когда попаданчество как направление фантастики уже сложилось в искусстве и зритель оказался подготовленным к такого рода сюжетам. Фильм 2017 года «Спасти Пушкина» показывает, как московские подростки случайно «выдергивают» поэта из события дуэли при помощи старинных часов, принесенных школьником в класс. Как видим, избалованный фантастами, работающими с временными структурами, предмет оказывается машиной времени. В нашем настоящем Пушкин-попаданец начинает ориентироваться сразу: легко манипулирует гаджетами, садится в автомобиль, находит общий язык с подростками, учителями, прохожими. Его чудесное спасение никак не отражается на будущем: энциклопедии и справочники так же определяют его как великого русского поэта, школьные учебники отводят ему должные страницы, разве что добавляется фраза, что, кроме стихов, он еще подарил русской литературе жанр детектива (в нашем настоящем Пушкин ознакомился к книжной полкой одного из персонажей) и стал министром культуры во время правления Александра III. Так попаданчество соединяется в финале фильма с альтернативной историей. В таком кинопредставлении Пушкина критики заметили не личность поэта, а всю ту же его знаковую, клишированную в массовом сознании: «простая, в общем-то, идея обернулась парадоксом: Пушкин в роли анекдота — это единственная сегодня возможность что-то сказать о поэте всерьез. И о нас самих. Подлинный Пушкин, окажись он в нашем времени, вынужден был бы быть не собой, а памятником себе» [1].

Второй по частоте киновоплощений русский писатель-классик XIX века – Ф. М. Достоевский, интерес к которому проявляют не только российские режиссеры [5]. Обычно фильмы с Достоевским-персонажем носят исключительно биографический характер, но в 2021 году вышел российский телесериал «Алиби», главный герой которого, несмотря на основную деятельность, считает себя писателем и претерпевает положенные муки творчества при создании сценария по «Преступлению и наказанию». Во сне главному герою является Достоевский с критикой,

точнее, в первой части сериала ежесерийно главный герой оказывается попаданцем в мир Достоевского, обнаруживая себя рядом с играющим в казино писателем. Достоевский (Т. Трибунцев) ворчит на него, поучает, упрекает, даже оскорбляет, не давая своего благословения на создание сценария по своему произведению: «Чтобы стать настоящим писателем, надо быть бедным и страдать». – «Знаете, Федор Михайлович, а идите вы в...». – «Там занято. Там ты». Из этого идейного противостояния рождаются остроумные диалоги, во второй части сериала роли меняются: Достоевский становится попаданцем в мир главного героя, являясь ему уже не во сне, а во вполне реальной жизни и продолжая давать советы и оценивать его действия, уже не связанные с литературой. И этот Достоевский тоже не столько писатель XIX века, сколько совесть главного героя, вышедшая из глубин бессознательного (сны) в осознанную реальность. А воплощение голоса совести в облики Достоевского вполне оправданно в глаза всех россиян, по умолчанию уважающих фигуру этого писателя-мыслителя со школьных времен и встретивших его 200-летие в 2021 году.

Сатирическую сторону временных игр с писателями-классиками видим в нескольких номерах детского киножурнала «Ералаш». В выпуске 9 (1976) реализуется популярная фраза в устной речи «А кто за тебя будет делать? Пушкин?»: бабушка просит внука почистить картошку, но он перекладывает ответственность на Пушкина, добавляя, что Гоголь посуду помое, а Лев Толстой пропылесосит, и уходит гулять. Возвращаясь, он видит нарисованную им картину: перечисленные писатели в узнаваемом по портретам в школьном учебнике облике заняты домашними делами и ждут из магазина Лермонтова. Так в минисюжете разворачивается принятая в обиходе фраза, истоки которой и контексты употребления, как показала филолог Е. Г. Рабинович в книге «Риторика повседневности» [7], связаны не с поэтом, а с московским памятником ему. Киноролик фиксирует эту клишированность восприятия писателей «из школьной программы», ставшую частью жизни любого школьника. Продолжается эта идея в 179-м выпуске (2004), где Пушкин-памятник самому себе появляется в исполнении М. Галкина в эпизоде, который так и называется – «Я памятник себе...» Мы видим, как поэт ходит, сочиняя стихи, а потом с предвкушением говорит, что намучаются дети в школах учить наизусть его творения. А рядом вздыхает Арина Родионовна, жалея школьников будущего и бормоча, что Гоголь-то хороший: написал второй том «Мертвых душ» и сжег – детей пожалел. Так реализуется подспудное убеждение учащихся, что классики специально насочиняли столько, чтобы досадить последующим

поколениям. В 249-м выпуске (2015) эта идея реализуется «из сегодня»: за свое невыученное стихотворение Пушкин начинает преследовать ученика, возникая перед ним в неожиданных местах (в лифте, шкафу и т.п.) и становясь воплощением бессознательных страхов. Наконец, самый близкий детскому восприятию Пушкин появляется в сюжете выпуска 274 (2016) «Пушкин.net», где А. Олешко в образе великого поэта исполняет в классе рэп по мотивам «Узника»:

Сижу за айпадом в сети мировой,
ВКонтакте проверил аккаунт я свой.
Один мой товарищ под ником Фантом
Бросает мне ссылки, окно за окном, еее...

Он выложит фотки с тусовок в окно
И знает, что мне интересно оно,
Зовёт меня в группы и кликом своим
Он вымолвить хочет: «Давай погуглим!

Нам сервить в онлайнe пора, брат, пора,
Туда, где пиратской халявы гора,
Туда, где увидишь любые края,
Туда, где гуляем, лишь мир узная...

лишь мир узная, лишь мир узная, лишь МИР узная!!!»

И этот не совсем грамотный к финалу текст вызывает восхищение пятиклассников и единение с поэтом, наконец-то заговорившем с ними на их языке (в отличие от школьников лицо исполнителя рэпа не выражает положительных эмоций, взрослый зритель считает внутренне напряжение и некоторое удивление поэта от собственных строчек).

Короткие ролики «Ералаша» сопрягаются с вышеупомянутым фильмом «Спасти Пушкина» в самой интерпретации поэта, оказывающемся попавшим в будущее: школьное окружение, спокойное восприятие другой материально-технической действительности, быстрая адаптация к новым условиям по всем параметрам, включая речь. Поэт будто бы сошел со школьного портрета, с постамента памятника себе, откуда почти два века смотрел на меняющийся мир и новые поколения, и реализует «пушкинский миф», сложившийся между 100-летием со дня гибели и 200-летием со дня рождения [2], отсылая к анекдотическим ситуациям о себе и мемам.

На этом фоне гораздо глубже смотрится временные интерпретации образов писателей в жанре альтернативной истории. Фильм «Дуэль.

Пушкинь – Лермонтовъ» (2014) показывает, что было бы, если представить, что персонажи школьного учебника по литературе не ушли в мир иной в соответствии с данными энциклопедий, а продолжили жить и творить несколько дольше принятых в истории культуры фактов. Мы видим Пушкина, Лермонтова, Грибоедова и некоторых других литераторов в 1857 году, пребывающих в добром здравии и финансовом благополучии, переживающих старение, творческий кризис и тяготящихся каждодневной рутинной. Существование после славы, желание вернуть былое вдохновение и прежнее мастерство, доживание жизни в понимании ее бессмысленности и попытках ухватиться за любую литературную деятельность, чтобы не быть забытым, – это если не трагедия, то вселенская грусть и осознание верности первоначального варианта истории.

Сюжет с перемещением писателя в будущее, которое не есть наше настоящее, а именно будущее для всех, видим в постапокалиптическом анимационным клипе новой группы В. Бугусова «Идиот» (2020), где в разрушенном заснеженном Петербурге создают клона-киборга Достоевского и других писателей, загружая в их сознание тексты русской литературы, чтобы поднять уровень культуры. Ужаснувшись от увиденного общества, каждый член которого соединен, подобно персонажам фильма «Матрица», с неким висящим над городом спящим гомункулусом, Достоевский-киборг загружает свои тексты в его сознание – и глаза существа открываются. Так в действиях постапокалиптического Федора Михайловича прочитывается надежда на возрождение человечества, так писатели оказываются на экране супер-героями, способными вывести общество из глобального социокультурного кризиса. Точнее, супергероями становятся не сами личности, а их технологические «интерпретации», что позволяет им действовать, отходя от принятых канонов их восприятия последующими поколениями, формирующих вокруг каждого литературного гения «миф» и наделяя их образы культурными константами.

Подводя итоги, отметим, что писатели-классики интерпретируются на экране как вольные или невольные попаданцы в другую временную реальность, принимая ее как должное, не удивляясь техническим изменениям, будто наблюдали за развитием человечества со своих портретов или памятников. В отличие от обычных попаданцев, для которых такие путешествия во времени – возможность изменить ход истории или измениться самим, экранное перемещение писателей «из школьной программы» сопряжено с принятой семиотикой их представления, причем массовой, всем известной, и в то же время – с

желанием приблизить их к сегодняшней реальности, осовременить, заставить жить и взаимодействовать с последующими поколениями, а порой и сделать их супергероями, спасающими мир. Именно поэтому писатели-попаданцы не стремятся что-либо изменить, а становятся неким оселком, показывающим не то, что они, литературные гении, представляют собой, а то, что мы представляем под ними, а также – что мы можем предложить известной нам гениальной личности, знакомой с детства: селфи с ней, телевизионное ток-шоу, новый поэтический жанр. Писатели в России, как известно, больше чем писатели, быть может, поэтому и временных киноигр с их образами больше в отечественном кино, а фильмы – это не просто актуальные жанры попаданчества и альтернативной истории, но всегда, даже в детских роликах, философское осмысление исторической памяти, выявление и обобщение культурных смыслов, связанных с мифологизацией реальных личностей прошлого и их бытованием в массовом сознании.

Список источников

1. Архангельский А. Не погиб поэт. Фильм «Спасти Пушкина» как диагноз // Огонёк. 2017. № 17–18. С. 36.
2. Загидулина М. В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2001. 243 с.
3. Конева А. В. Воображение времени в современном кинематографе // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 2 (7). С. 42–47.
4. Матанцева М. А., Ерохина Т. И. «Попаданчество» в зарубежном кинематографе XXI века // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 4. С. 207–211.
5. Назаров М. А. Образ Достоевского в кино // Кино. Речь. Культура: материалы XV Всероссийской студенческой конференции (Санкт-Петербург, 19, 20 ноября 2020 г.). Санкт-Петербург : Изд-во СПбГИКиТ, 2021. С. 103–108.
6. Прокофьева В. Ю. Образ Пушкина в кино // Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Матлы XXIV межд. научной конф. 6-7 июня 2019, ЛГУ им. А. С. Пушкина Санкт-Петербург: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. С. 47–52.
7. Рабинович Е. Г. Риторика повседневности: Филологические очерки. Санкт-Петербург: Изд-во И. Лимбаха, 2000. 237 с.

References

1. Arhangel'skiy, A. (2017). Ne pogib poet. Fil'm «Spasti Pushkina» kak diagnoz [The poet did not die. The film "Save Pushkin" as a diagnosis]. *Ogonyok*, 17-18, p. 36. (In Russ.).
2. Zagidullina, M. V. (2001). *Pushkinskiy mif v kontse XIX veka* [Pushkin's myth at the end of the 20th century]. Chelyabinsk: ChelGU Publ., p. 243. (In Russ.).
3. Koneva, A. V. (2012). Voobrazheniye vremeni v sovremennom kinematografe [Imagination of time in modern cinema]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 2 (7), 42–47. (In Russ.).
4. Matantseva, M. A. & Yerohina, T. I. (2019). «Popadanchestvo» v zarubezhnom kinematografe XXI veka ["Accidental travel" in the foreign cinema of the XXI century]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 4, 207–211. (In Russ.).
5. Nazarov, M. A. (2021). Obraz Dostoyevskogo v kino [The image of Dostoevsky in the cinema]. *Kino. Rech'. Kul'tura: materialy XV Vserossiyskoy studencheskoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 19, 20 noyabrya 2020 g.)* [Cinema. Speech. Culture: Materials of the XV All-Russian Student Conference (St. Petersburg, November 19, 20, 2020)]. St. Petersburg: SPbGKiT, 103–108. (In Russ.).
6. Prokof'yeva, V. Yu. (2019). Obraz Pushkina v kino [The image of Pushkin in cinema]. *Hudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst. Mat-ly XXIV mezhd. nauchnoy konf. 6-7 iyunya 2019, LGU im. A.S. Pushkina* [Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text. Materials XXIV int. scientific conf. June 6-7, 2019, Leningrad State University A.S. Pushkin]. St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina Publ., 47–52. (In Russ.).
7. Rabinovich, Ye. G. (2000). *Ritorika povsednevnosti: Filologicheskiye ocherki* [Rhetoric of everyday life: Philological essays]. St. Petersburg: Izd-vo I. Limbaha, 237 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В. Ю. Прокофьева – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры искусствознания.

Information about the author

Viktoria Yu. Prokofeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Art Studies.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022; одобрена после рецензирования 05.03.2022; принята к публикации 05.03.2022.

The article was submitted 25.01.2022; approved after reviewing 05.03.2022; accepted for publication 05.03.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

*Горизонты цивилизации. 2022. Том 13. Вып. 2. С. 59–67.
ISSN 2413-0125 (print).
Gorizonty civilizacii. 2022; Vol. 13, Issue 2:59–67.
ISSN 2413-0125 (print).*

Научная статья
УДК 821.161.6.09(082)
doi: 10.47475/2413-0125-2022-10206

ПРЕДЕЛЫ ВРЕМЕНИ: «НОВЫЕ» КАТЕГОРИИ В ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Александр Юрьевич Сорочан

Тверской государственный университет, Тверь, Россия,
bvelvet@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные модели осмысления времени и «безвременья», связанные с современной естественнонаучной и гуманитарной картиной мира.

Ключевые слова: время, репрезентация, теория относительности, К. Уилсон, Л. Больцманн, А. Эйнштейн.

Для цитирования: Сорочан А. Ю. Пределы времени: «новые» категории в естественнонаучной и гуманитарной картине мира // Горизонты цивилизации. 2022. Том 13. Вып. 2. С. 59–67. doi: 10.47475/2413-0125-2022-10206.

Original article

LIMITS OF TIME: “NEW” CATEGORIES IN THE NATURAL SCIENCE AND HUMANITARIAN PICTURE OF THE WORLD

Aleksandr Yu. Sorochan

Tver State University, Tver , Russia, bvelvet@yandex.ru

Abstract. The article considers various models of understanding of time, “stagnation” and timelessness associated with modern natural-scientific and humanitarian picture of the world.

Key words: time, representation, the theory of relativity, C. Wilson, L. Boltzmann, A. Einstein.

For citation: Sorochan A. Yu. Limits of time: “new” categories in the natural science and humanitarian picture of the world. *Gorizonty civilizacii*. 2022; Vol. 13, Issue 2: 59–67. (In Russ.). doi: 10.47475/2413-0125-2022-10206.

Данная статья является обобщением некоторых наблюдений, сделанных в рамках проекта «Время как сюжет», который реализуется учеными из Тверского государственного университета, Института русской литературы РАН и Российского государственного гуманитарного университета. На конференциях и в сборниках одноименной серии речь идет о сюжетных репрезентациях времени – социального, индивидуального, единого и разделенного. Исследование сюжетного потенциала временных категорий неминуемо приводит нас к проблеме относительности времени и вневременного существования.

Основная проблема, которой посвящены эти заметки, — перспективы исследования художественных стратегий одной из составляющих категории времени в литературе, сюжетного потенциала «безвременья». Это позволит нам не только изучить состав и структуру времени в его мельчайших составных элементах, но и определить возможности репрезентации «ускользающего времени». В сборниках серии «Время как сюжет» (Прошлое как сюжет (2012); Настоящее как сюжет (2013); Будущее как сюжет (2014); Вечность как сюжет (2015); Мгновение как сюжет (2016); Безвременье как сюжет (2017); Юность как сюжет (2018); Зрелость как сюжет (2019); Старость как сюжет (2020)) уже рассматривались «вторичные проявления» (фиксации представлений об истории), формы «спасения достоверности», модели конструирования будущего и сегментации времени. Проблема репрезентации времени и сюжетного потенциала временных категорий остается наиболее важной для организаторов нашего проекта. Категория «безвременье» оказывается в данном случае связана с представлениями о «мгновении» и «вечности», «прошлом» и «будущем».

Если мы обратимся к первой из названных категорий, к мельчайшей сюжетной единице временной последовательности, то не забудем о том, что мгновение в терминологии, предложенной Б. А. Дубиним, «принадлежит к числу «диагональных» понятий, пересекающих различные дисциплинарные поля», почему «необходимой и даже неизбежной становится интеллектуальная история этого понятия» [5. С. 325].

Мы эту историю реконструируем в терминах светской культурной традиции (даже когда говорим о религиозных текстах). И обсуждая

метаморфозы мгновения, мы чаще всего сталкиваемся с двумя темпоральными моделями – континуальной и дискретной. В одной системе, кажется, мгновению нет места: есть непрерывность, и поиск в этой непрерывности мгновений представляется бессмысленным делом. Однако вдумаясь: дискретность нашего понятийного мышления приводит к фиксации мгновений. Но сакральный опыт, несомненно, континуальный, требует описания неуловимого мгновения. «Континуальность (непрерывность) - древнее понятие, получавшее и получающее очень разнообразные осмысления. Вслед за Аристотелем его долгое время применяли натурфилософы, имея в виду полноту и изобилие мира, где между классами существ, от косной неживой материи до верховного божественного духа, нет разрывов и пустот - вместо них плавные переходы, заполняемые промежуточными созданиями: так называемая “Великая цепь бытия”» [1. С. 15]. Несводима к логике дискретных элементов и телесность; история тела состоит из мельчайших временных отрезков, и для дискурса телесности проблема мгновения остается одной из ключевых. Мы можем утверждать, что мгновение сопротивляется «историческому» истолкованию и принадлежит к системе совершенно особой темпоральности.

Антитеза континуального и дискретного восприятия времени выстраивается на нескольких уровнях и в нескольких моделях; речь может идти о модели восприятия (индивидуальной точки зрения), об антитезе времени природы и времени цивилизации, о сакральном и профанном времени [6].

Но если мы от разговора о мгновениях перейдем к осмыслению безвременья, то выход за пределы линейных и циклических моделей позволяет рассмотреть значимые аспекты «новых» временных категорий: альтернативная реальность, время стазиса, нелинейное время, относительное время и т.д. В философских работах Стивена Хокинга, Колина Уилсона, Джона Гранта эти представления развернуты; им уделяют все больше внимания исследователи жанровой литературы (в первую очередь, фантастики и хоррора [2. С. 5-23]). «Безвременье» в классической литературе воспринимается как застывшее время, в литературе модернистской — как время инвертированное, в литературе постмодернизма — как время иллюзорное. К сожалению, в России пока нет работ, которые структурировали бы соотношений литературных и научных представлений о времени (таких, как «Книга времени» Джона Гранта [16]). Возможно, сборники серии «Время как сюжет» отчасти заполняют этот пробел. Я первоначально планировал дать общий очерк концепции К. Уилсона и Д. Гранта и ее дальнейшего развития, но это

можно сделать и в особой статье. А далее мне хотелось бы наметить перспективные, как кажется, направления исследований «временного беспорядка», которые отчасти отражены в работах участников проекта «Время как сюжет».

1. Классическая концепция абсолютизирует представление о времени, поэтому время «относительное» оценивается, как правило, негативно. В концепции Ньютона время — абсолютная величина; поэтому вполне логично измерять и изучать эту величину... В классической системе представлений мы можем обсуждать циклические и линейные модели времени, тем самым априорно признавая существование «временной протяженности»:

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С годами вытерпеть умел... [12. С. 159]

Линейная концепция времени в науке впервые сформулирована Галилеем [7. С. 230-240] — но и линейная, и циклическая модели восходят еще к мифологии [8. С. 252-253]. Анализу мифологического времени в литературе Нового времени посвящены, в частности, многочисленные статьи С. М. Пинаева об американской литературе, О. И. Федотова о поэзии И.А. Бродского и др. [2. С. 142-151].

2. Безвременье в ньютоновской системе: абсолютная шкала оценок в литературе и науке. Естественно, безвременье в такой системе оценивается негативно, так как нарушает сложившуюся систему измерений. Все попытки игнорировать течение времени — обречены в этой системе на неудачу. «Безвременье» и «вневременье» уравнины — и их описание всегда маркировано. В вошедших в сборник «Безвременье как сюжет» [2] статьях о русской критике конца XIX века, об изображениях «конца времени» в русской классике и беллетристике как раз отражены особенности воплощения в литературе позитивистского взгляда на проблему.

3. Если мы обратимся к современному состоянию изучения пространственно-временных отношений, то можем отметить, что преобразования Лоренца отражают существенное изменение картины мира, причем не только естественно-научной, но и гуманитарной.

Если два разнесённых в пространстве события (например, вспышки света) происходят одновременно в движущейся системе отсчёта, то они будут неодновременны относительно «неподвижной» системы. Это означает, что, с точки зрения неподвижного наблюдателя, «левое» событие совершается раньше правого. Относительность

одновременности приводит к невозможности синхронизации часов в различных инерциальных системах отсчёта во всём пространстве. То, что в одной системе координат является началом, в другой — становится итогом. В литературе аналогичный процесс совершается в романе идей, когда предлагается сразу несколько интерпретаций одного события — как прогрессивного или реакционного, положим. Как течет время для Базарова? «Вовремя» он умирает — или слишком рано? «Вовремя» ли родился, к примеру, «русский иностранец» В.С. Печерин? И когда «наступает время» для русского романа в прозе? В общем, развитие идей Лоренца приводит нас к

4. Теории относительности. Эйнштейн сформулировал общую теорию относительности в 1915 году, но к этому времени теории, к примеру, Риманна уже получили широкое распространение [9]. Мы можем представить пространство-время в линейной форме, но это будет не прямая, а кривая... И мы можем писать и говорить о времени, которое зависит от системы отсчета, которое изменчиво — и в какой-то системе координат его нет. Достаточно вспомнить временные структуры поэзии символистов, чтобы увидеть, как многозначность символа изменяет восприятие времени. К этой проблеме неоднократно обращались исследователи творчества Ф. Сологуба и А.А. Блока [2. С. 152-161], а также других авторов революционной эпохи.

5. Особый случай в общей теории относительности — теория черных дыр; напомним, что чёрная дыра — область, ограниченная так называемым горизонтом событий, которую не может покинуть ни материя, ни информация. Предполагается, что такие области могут образовываться, в частности, в результате коллапса массивных звёзд. Поскольку материя может проникать в чёрную дыру (например, из межзвёздной среды), но не может её покидать, масса чёрной дыры со временем может только возрастать. С. Хокинг блистательно развил эту теорию и показал, как происходит поглощение и уничтожение (в нашей системе оценок) пространства-времени [15. С. 126 - 140]. Но при этом чёрная дыра может стать воротами в иное измерение — или соединить разные части нашего пространства-времени. Какое отношение фантастическая концепция имеет к литературе? Самое непосредственное — возникают не прямые временные связи и системы. «Улисс» Джойса — своеобразный литературный аналог теории черных дыр, т.к. время «Одиссеи» и время Леопольда Блума сопряжены, обещивая принципиально новую систему измерений.

6. Опасность такой системы может продемонстрировать «Стрела времени». Людвиг Больцманн показал статистический характер второго

начала термодинамики, связав энтропию замкнутой системы с числом возможных микросостояний, реализующих данное макросостояние [11]. Энтропия в замкнутой системе постоянно возрастает – когда размещаешь сахар в чашке с кофе, вернуть систему в первоначальное состояние уже невозможно. Когда Рудольф Клаузиус ввел понятие энтропии (1865), в гуманитарных науках формировалось аналогичное представление о разрушении времени, измерение которого никак нельзя свести к упрощенной форме. И литература дает примеры необратимых временных процессов и катастрофических мироощущений – от предчувствия революционных потрясений до попыток «остановить время» в текстах провинциальных поэтов.

7. Выход из времени возможен — но не является ли он тупиком? Колин Уилсон неоднократно приводил в пример книгу «Приключение двух англичанок в Версале». Текст этот находится на грани документального и художественного повествования; он посвящен странному происшествию с двумя английскими учительницами, которые в 1901 году ненадолго перенеслись в Версаль времен Марии-Антуанетты и увидели прошлое во множестве, казалось, невероятно точных подробностей. Научного объяснения этот феноменальный опыт не получил — по крайней мере, наука начала XX века не смогла предложить никаких истолкований. Многие попытки утверждения «бездвременья», рассматриваемые, например, в статьях А. М. Грачевой об А. М. Ремизове или Ю. В. Доманского о Егоре Летове [2. С. 279-306], тоже могут показаться маргинальными и необъяснимыми — пока мы не оценим научную перспективу и альтернативные возможности исследования.

8. Здесь следует упомянуть о теориях Д. У. Данна (изложенных в книге «Эксперимент со временем», 1927) и его последователей. «Экспериментальный» подход позволяет продемонстрировать, что будущее способно влиять на прошлое, как и прошлое влияет на будущее. Ни линейная, ни циклическая модель не исчерпывают временного потенциала сюжетов. Этот вариант оказался достаточно продуктивным – особенно в драматургии 1910—1930-х гг.: Вайолет Хант, Элджернон Блэквуд, лорд Дансени [4], очень популярный в России Д. Б. Пристли и др.

9. В современной психологии популярна теория о том, что восприятие времени зависит от работы двух полушарий мозга. Колин Уилсон связывал это со «способностью X», которой была посвящена его книга «Оккультное» [14]. Но в более поздней книге «Тайны» Уилсон развивает теорию «бездвременных зон» [17], где нейтрализуются

традиционные представления. В заключительной части трилогии «За пределами оккультного» [13] дан анализ симультанного времени, когда разные переживания сближаются и отдаленные друг от друга временные промежутки становятся единым целым.

10. Система соответствий безвременье/время и хаос/порядок нарушается не только в жанровой литературе (фэнтези, хоррор). После «нового романа» мы можем говорить о литературе безвременья, не используя оценочных коннотаций. Действие самого известного романа В.О. Пелевина происходит «в абсолютной пустоте» [10. С. 3], но безвременье обеспечивает как раз порядок, образцом которого в романе выступает песня БГ «8200 верст Пустоты», а время — и становящийся его символом господин в солдатском френче, предлагающий обустроить Россию — гораздо ближе к хаосу. Любопытно проследить, как эти процессы фиксируются в постколониальной литературе и постсоветском кинематографе [2. С. 307-316].

11. «Отчуждение времени» и концепция нелинейности. Впрочем, здесь мы приближаемся к проблеме техногенной цивилизации и «машинной словесности»... Нелинейные модели описания временных категорий провоцируют новые сюжетные структуры. А квантовая теория вышла за пределы «твердой научной фантастики», и ее аналоги мы видим в сюжетных построениях вполне мэйнстримовой литературы.

Несомненна условность всех приведенных выше аналогий. Тем не менее категориальный аппарат литературоведения представляется недостаточным для уяснения специфики художественных репрезентаций времени. И об этом, и о многом другом нам еще предстоит говорить, писать, думать — при наличии времени или без него.

Список источников

1. Батай Ж. Проклятая часть. Москва : Ладомир, 2006. 742 с.
2. Безвременье как сюжет / под ред. С. А. Васильева, А. Ю. Сорочан. Тверь, 2017. 352 с.
3. Все страхи мира: Нюгг в литературе и искусстве / сост. С. Д. Денисенко. СПб.–Тверь, 2014. 340 с.
4. Дансени. Если // Лорд Дансени. Книга Чудес / пер. А. Ю. Сорочана. Б/м., 2013. С. 401–478.
5. Зенкин С. Н. Небожественное сакральное // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. С. 318–332.
6. Зенкин С. Н. Небожественное сакральное. Москва : РГГУ, 2012. 537 с.
7. Кузнецов Б. Г. Галилей. Москва : Наука, 1964. 326 с.

8. Мелетинский Е. М. Время мифическое // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1994. С. 252–253.
9. Монастырский М. И. Бернхард Риман. Топология. Физика. Москва : Янус-К, 1999. 188 с.
10. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота. Москва : Вагриус, 1997. 400 с.
11. Пузина Ю. Ю. Больцманиада. URL: <http://cryophysics.ru/boltzmann/> (дата обращения: 05.10.2021).
12. Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. Москва : ГИХЛ, 1959. Т. 4. 600 с.
13. Уилсон К. За пределами непознанного. Харьков : Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2002. 480 с.
14. Уилсон К. Оккультное. Москва : Эксмо, 2006. 800 с.
15. Хокинг С. Черные дыры и молодые вселенные. Санкт-Петербург : Амфора, 2014. 168 с.
16. The Book of Time / ed. by John Grant. Vermont: Westbridge Books, 1980. 320 с.
17. Wilson C. Mysteries. London: Grafton Books, 1986. 702 с.

References

1. Bataj, G. (2006). *Proklataja chast'* [The cursed part]. Moscow, 742 p. (In Russ.).
2. *Bezvremenje kak syuzhet* (2017) [Timelessness as a plot]. Tver, 352 p. (In Russ.).
3. *Vse strakhi mira: Horror v literature i iskusstve* (2014). [All the fears of the world: horror in literature and art]. Sankt-Peterburg – Tver, 340 p. (In Russ.).
4. Danseny. (2013). Esli [If]. *Lord Dunsany. Kniga chudes* [Book of Wonder], 401–478. (In Russ.).
5. Zenkin, S. N. (2009). Nebozhestvennoe sakral'noe [Undivine sacred]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 97, 318–332. (In Russ.).
6. Zenkin, S. N. (2012). *Nebozhestvennoe sakral'noe* [Undivine sacred]. Moscow, 537 p. (In Russ.).
7. Kuznetsov, B. G. (1964). *Galiley* [Galilei]. Moscow, 326 p. (In Russ.).
8. Meletinskij, E. M. (1994). Vremya mificheskoe [Time of myth]. *Mify narodov mira* [Myths of peoples of world], Vol. 1, 252–253. (In Russ.).
9. Monastyrskij, M. I. (1999). *Bernhard Riman. Topologia. Physica* [Bernhard Riman. Topology. Physics]. Moscow, 188 p. (In Russ.).
10. Pelevin, V. O. (1997). *Chapaev i Pustota* [Chapaev and Pustota]. Moscow, 400 p. (In Russ.).
11. Puzina, Y. Y. *Bol'zmaniada*, available at: <http://cryophysics.ru/boltzmann/>, accessed 05.10.2021. (In Russ.).
12. Pushkin, A. S. (1959). *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. Vol 4, Moscow, 600 p. (In Russ.).
13. Wilson, C. (2002). *Za predelami nepoznannogo* [Beyond Occult]. Kharkov, 480 p. (In Russ.).
14. Wilson, C. (2006). *Okkultnoe* [Occult]. Moscow, 800 p. (In Russ.).

15. Hawking, S. (2014). *Chernye дыry I molodye vselennye* [Black Holes and Baby Universes]. Sankt Peterburg, 168 p. (In Russ.).
16. *The Book of Time* (1980). Ed. by John Grant. Vermont, 320 p.
17. Wilson, C. (1986). *Mysteries*. London, 702 p.

Информация об авторе

А. Ю. Сорочан – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и теории литературы.

Information about the author

Aleksandr Yu. Sorochan – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Theory of Literature.

Статья поступила в редакцию 15.04.2022; одобрена после рецензирования 25.06.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 15.04.2022; approved after reviewing 25.06.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Горизонты цивилизации. 2022. Том 13. Вып. 2. С. 68–89.
ISSN 2413-0125 (print).
Gorizonty civilizacii. 2022; Vol. 13, Issue 2:68–89.
ISSN 2413-0125 (print).

Научная статья
УДК 115
doi: 10.47475/2413-0125-2022-10207

НЕГАЦИЯ ВЕЧНОСТИ ИЛИ ВОРОТА ВРЕМЕНИ

Михаил Борисович Стригин

ООО «Митриал», Челябинск, Россия, strigin1969@gmail.com

Аннотация. В работе предложено соединить концепт покоящегося, кругового, осциллирующего, оставляющего бытие в глобальном смысле без изменений, времени Парменида и концепт линейного, обладающего прошлым, настоящим и будущим, времени Гераклита, в их суперпозицию, которую в первом приближении можно образно представить в виде спирали. Но если спираль есть простая сумма двух движений – вращательного и поступательного, то суперпозиция предполагает более сложную их комбинацию, зависящую от фазы осциллирующего времени. Подобное рассмотрение позволяет прояснить такие понятия и парадоксы, как эмерджентность, являющаяся экспликацией нового качества, длительность Бергсона, концепт времени как негации вечности у Гегеля и, наконец, один из самых экзотических парадоксов современности – предложенную Эвереттом многомировую интерпретацию квантовой механики.

Ключевые слова: время, диалектика, квантовая механика, координата, скорость, эволюция, Эверетт, время возвращения Пуанкаре, фазовое пространство.

Для цитирования: Стригин М. Б. Негация вечности или ворота времени // Горизонты цивилизации. 2022. Том 13. Вып. 2. С. 68–89. doi: 10.47475/2413-0125-2022-10207.

Mikhail B. Strigin

Mitrial LLC, Chelyabinsk, Russia, strigin1969@gmail.com

Abstract. The paper proposes to combine the concept of resting, circular, oscillating time of Parmenides, which leaves being in the global sense unchanged, and the concept of linear time of Heraclitus, which has a past, present and future, into their superposition, which in the first approximation can be figuratively represented as a spiral figure. But if the spiral is a simple sum of two movements – rotational and translational, then the superposition assumes a more complex combination of them, depending on the phase of oscillating time. Such an examination makes it possible to clarify such concepts and paradoxes as emergence, which is an explication of a new quality, Bergson's duration, Hegel's concept of time as negation of eternity, and, finally, one of the most exotic paradoxes of modernity – Everett's multi-world interpretation of quantum mechanics. To clarify this consideration, the principle of least action and the theory called the Poincaré return time will be involved.

Key words: time, dialectics, quantum mechanics, coordinate, velocity, evolution, Everett, Poincaré return time, phase space.

For citation: Strigin M. B. Negation of Eternity or Gate of Time. *Gorizonty civilizacii*. 2022; Vol. 13, Issue 2: 68–89. (In Russ.). doi: 10.47475/2413-0125-2022-10207.

Предисловие

Начиная практически любую статью и написав несколько предложений, вдруг обнаруживаешь, что для их прояснения необходимо предварить их ещё несколькими предложениями, а эти – другими и так до тех пор, пока мысль не замкнётся. Так проявляется диалектика мысли и так же эксплицируется её темпоральность. С одной стороны, мы пришли к тому, с чего начинали, с другой стороны, то, к чему мы пришли, всё же несколько отличается от начала. Так появляется гегелевское *снятие*: «оттого, что нечто снимает себя, оно не превращается в ничто» [6. С. 110], которое подобно стружке, снимаемой стамеской, и которое может не обрываться на многих оборотах заготовки, стоящей в токарном станке (при этом заготовка не меняется в собственном объёме). Понятие *снятия* в современной интерпретации превращается в *эмерджентность*. Чтобы такое было возможно, в становлении сущности должно участвовать ничто, на что обращали внимание и Гегель, и Платон. «Итак, раз существующее участвует в небытии и несуществующее – в бытии, то и единому, поскольку оно не существует, необходимо участвовать в бытии, чтобы не существовать» [13. С. 80]. Удивительно, как «снятие стружки» с самого термина *снятие* привело к появлению более длинного слова – *эмерджентность*. И несложно заметить, что стамеской в данном образе

выступает само время. Если её режущий край затупился, то заготовка неизменно проскальзывает, оставаясь неизменной в своём вращении, и наоборот, если резец сильнее войдёт в заготовку, превысив некоторый максимум, то заготовка разорвётся. Так происходят катастрофы.

Древние уже знали всё

О понятии времени человек должен был начать задумываться, как только он научился рефлексировать, поскольку рефлексия – это обнаружение корреляций и повторов или, как бы выразились математики, симметрий. Мир – это не просто некий поток перцепций, но он упорядочен некоторым образом. А самая главная корреляция – это связь вещей во времени, их последовательность.

Возможность течения времени с разной скоростью, меняющейся от нуля, то, что называется неизменностью и постоянством, до больших значений, когда всё рушится, заметили ещё в древности. Подобный феномен можно назвать центральным парадоксом времени. Антиномия постоянства и изменчивости прекрасно продемонстрирована в диалоге «Парменид» на примере понятия *единого*. «Следовательно, единое не движется ни одним видом движения» [13. С. 34] и «выходит, таким образом, что оно (единое) становится и моложе и старше себя» [13. С. 61]. Парадоксальность подобного описания заключается в том, что, с одной стороны, *единое* постоянно меняется внутри себя, что собственно было подмечено Гераклитом в его ставшей классической фразе: «в одну реку нельзя войти дважды». С другой стороны, несмотря на изменчивость, *единое* остаётся неизменным, причём не только в трёхмерном пространстве, но, как это видно из цитат, и во времени тоже. Если воспользоваться терминологией современной физики, то *единое* остаётся неизменным в четырёхмерном пространстве-времени. Такое пространство можно представить, как трёхмерные слои, образующиеся в каждое новое мгновение вдоль оси времени и соблюдающие чёткую очерёдность. В подобном представлении невозможно, чтобы причина произошла раньше следствия, что обосновывается постулатом Эйнштейна о невозможности превысить скорость света, и в рамках концепции Минковского бытие возможно только внутри так называемого светового конуса, ограничивающего возможные скорости скоростью света.

В современной интерпретации *единое* античных философов соответствует фазовому пространству возможных состояний некоторой сущности, иными словами, системы. Фазовое пространство, появившееся вместе с механикой Лагранжа и Гамильтона, описывает все возможные трансформации сущности и представляет собой $n \times 2$ -

мерное пространство, где n – количество координат, необходимых для определения местоположения сущности. Но в определении этой механики для описания сущности недостаточно набора координат её месторасположения, ещё необходим набор скоростей. Существенно для нашего представления, что в подобном описании произвольная сущность возвращается к своему первоначальному состоянию. Если быть точнее, то она возвращается в некоторую окрестность своей стартовой точки. Теория, описывающая такое возвращение, связана с теорией хаоса и теорией динамических систем, активно развивающихся в настоящее время, и называется *временем возвращения Пуанкаре*. Доказательство подобного утверждения достаточно просто: поскольку фазовое пространство ограничено, а сущность имеет некоторый объём, то перемещаясь внутри собственных трансформаций, она должна вернуться к истоку. «Несколько парадоксальным выводом из теорем Пуанкаре и Лиувилля является следующее: если открыть перегородку, разделяющую камеру с газом и камеру с вакуумом, то через некоторое время молекулы газа почти наверняка снова соберутся в первой камере. Разгадка парадокса в том, что некоторое время больше времени существования Солнечной системы» [2. С. 67]. Удивительно то, что, с одной стороны сущность должна вернуться к почти начальному состоянию, но с другой стороны, согласно этой же теореме, это возвращение будет не совсем в точности воспроизводить начальное, как это показано на рис. 1.

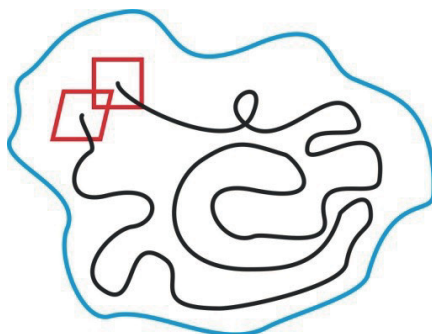

Рис. 1

И в связи с этим неполным подобием появляется понятие об эмерджентности и невозможности эталонов, на которых зиждется вся современная физика. «Но можно выбрать один предмет, ЭТАЛОН, и назвать его ИДЕНТИЧНЫМ СЕБЕ САМОМУ в разные моменты

времени. А идентичность себе всех остальных объектов определять, сравнивая с эталоном по оговоренным признакам» [10. С. 67]. Человек пытается преодолеть такую невозможность, меняя на протяжении истории эталоны. Например, эталон веса уже менялся неоднократно – эталоном одного килограмма были и вес одного кубического дециметра воды при нулевой температуре и вес одного литра воды при четырёх градусах Цельсия и цилиндр из чистой платины, равный весу одного литра воды (поскольку водой как эталоном неудобно пользоваться) и наконец, был создан цилиндр из очень плотного платиноиридиевого сплава.

Всё вышесказанное предполагает фазовое пространство, связанное с обычным трёхмерным евклидовым пространством. Но если расширить фазовое пространство на всё пространство Минковского, то мы можем получить концепт, где сущность возвращается к собственным корням не только в пространстве координат и скоростей, но и во времени. Если вообразить, что слои могут перемешиваться, не нарушая очерёдности, то такая возможность появится. «Ключом к разгадке служили повторяющиеся операции растягивания и свёртывания фазового пространства – те самые, что имитируют действия кондитера, который раскатывает тесто для пирожных, складывает его, затем, вновь раскатав, опять складывает, формируя таким образом хрупкую многослойную структуру» [7. С. 193]. Попытка изображения подобного представления дана на рис. 2.

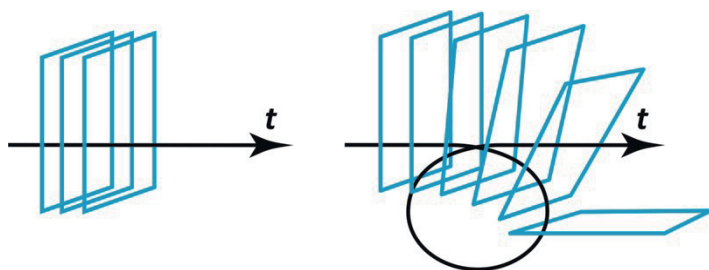

Рис. 2

Из диаграммы видно, что в некоторый момент всё-таки происходит нарушение причинно-следственных связей, когда цикл соединяется с предыдущим линейным участком, и, возможно, именно в такие моменты уплотнения фазового пространства происходит *событие*. Действительно ли события несут скорее несчастья, чем благо? Нет, это не так, ибо речь идёт о двойной структуре каждого события»

[8. С. 198]. Двойственность, образуемая при уплотнении, переключается с двойственностью Делёза, поскольку событие – это всегда попытка сфазировать, сделать когерентными два процесса, например, бытие индивида и бытие социального во время войны.

История в лицах

Для лучшего понимания дальнейшего попробуем развернуть эволюцию представлений о времени и выстроить некоторую логику. Нелогичность, парадоксальность понятия времени выразил святой Августин: «что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю» [1. С. 167]. И объяснение этого, в первую очередь, в том, что мы наблюдаем только проекции времени на момент *теперь*. Практически невозможно объять всё время в целокупности, так же как очень сложно представить объекты четырёхмерного пространства, которые изображаются в нашем мире в виде проекции на трёхмерие. Именно так проясняется недоумение от ограниченности Бога, замеченное Августином: «если же у Бога возникает новое деятельное желание создать существо, которое никогда раньше Им создано не было, то что это за вечность, в которой рождается желание, раньше не бывшее» [1. С. 165]. Виктор Франкл в книге «Человек в поисках смысла» [16] называл такой парадокс *димензиальной недостаточностью* – проекция из пространства с большей размерностью в меньшую всегда что-то теряет – Бог содержит в себе не только всё пространство, но и время тоже. То, что человек наблюдает как разворачивание пространства во времени или, в предыдущих терминах, как расслоение пространства вдоль координаты времени, Бог наблюдает одновременно. «То, что человек схватывает как прошлое и будущее, Бог проживает в своём вечном настоящем. Бог – это Хронос: божественное настоящее – полный цикл, тогда как прошлое и будущее – измерение отдельного фрагмента цикла, вырванного из единого целого» [8. С. 197]. Таким образом размерность Бога равна минимум четырём.

Как уже упоминалось, огромный вклад в представление о времени сделали античные философы. Мир воспринимался греками не в категориях изменения и развития, а как пребывание в покое или вращение в великом кругу. Тогда *единое* можно соотносить с Хроносом – временем сплошного настоящего, распространяющегося бесконечно в прошлое и будущее, замкнутого само на себя (подобно нашей вселенной, которая как считается, бесконечна, но ограничена). «В Хроносе настоящее некоторым образом телесно. Настоящее – это время смесей и сочетаний, это сами процессы смешивания» [8. С. 213].

Такой круг был разорван христианством и появилась прямая: прошлое, настоящее и будущее, отмеряемое от рождения Христа. Такое время стойки называли Эоном: «если Хронос ограничен и бесконечен, то Эон безграничен как будущее и прошлое, но конечен как мгновение» [8. С. 217]. Пользуясь терминологией из физики можно представить себе эти два времени как объём и поверхность – если ограниченный объём попробовать как тесто раскатать в тонкий лист, то последний получится безграничной поверхностью. «Существенное различие проходит теперь не просто между Хроносом и Эоном, а между Эоном поверхностей и совокупностью Хроноса и умопомешательства глубины» [8. С. 213]. Попытка изобразить мысль Делёза представлена на рис. 3, где красным обручем изображено сознание человека, сминающего Хронос, до момента *теперь*, и, таким образом, обнажая, его поверхность.

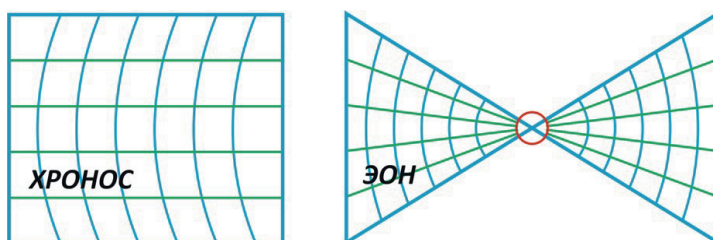

Рис. 3

Из рисунка видно, что при переходе к Эону ткань Хроноса сминается, образуя наложения друг на друга различных временных линий. Но так же, как в случае с жидкостью, которая, проходя через малое отверстие, меняет ламинарное движение на турбулентное, иначе говоря, эволюционирует, так и человек, сменив представления о времени, приобретает понимание концепта *эволюции* – человек в этой жизни должен так преобразоваться, чтобы стать достойным небесной жизни. Кроме того, подобная «турбулентность» демонстрирует сложность отношения понятий *вдруг* и *теперь*, обозначенную ещё Платоном. «Это “вдруг” видимо означает нечто такое, из чего происходит изменение в ту и другую сторону. В самом деле, изменение не происходит ни из покоя, пока это – покой, ни из движения, пока продолжается движение: но это странное по своей природе “вдруг” лежит между движением и покоем, находясь совершенно вне времени, а в него и из него изменяется движущееся, переходя к покою, и покоящееся, переходя в движение» [13. С. 69]. Для пояснения можно использовать образ запруды, из которой торчит труба для перетекания воды: с одной стороны запруды можно

наблюдать болото, с другой стороны обнаруживается турбулентная струя течения реки или ручья.

Можно представить иначе – образ ткани, которую пропускают через кольцо. Она может долго проходить насквозь без видимых проблем, но в некоторый момент из-за сминания её складок образуется ком, который застревает в кольце, образуя затор. В этот момент *теперь* трансформируется во *вдруг*. «Линия Эона пробегается вышеуказанным «Вдруг», которое непрестанно перемещается вдоль этой линии и всегда испытывает нехватку собственного места» [8. С. 219]. Нехватка места здесь образуется по причине того, что быстрая и неаккуратная «укладка времени» приводит к увеличению его объёма.

Следующим периодом, когда активно обсуждалась природа времени, были эпохи Возрождения и Нового времени. Ньютон считал, что время и пространство сверхфизичны, абсолютны и неизменны, что вновь нас относит к понятию *единого*. Напротив, Лейбниц полагал, что время – это спекулятивная сущность, что её в действительности нет и она может появляться только в момент взаимодействия, тогда, когда происходят какие-либо отношения и изменения. «Позиция Лейбница разделялась Э. Махом, считавшим категории абсолютного пространства и времени бессмысленными, Лейбниц и Мах полагали, что в отсутствии тел не существует ни пространство, ни время» [5. С. 154]. Лейбниц и, впоследствии, Мах ввели понятие *отношений*, выстраивая реляционную парадигму, для которой, по их мнению, понятие времени излишне – эти отношения происходят мгновенно. Одновременно теряется и понятие расстояния. Но тут создаётся ощущение неполноты: какой момент считать началом взаимодействия и, соответственно, появлением времени? Собственно из мгновенности отношений сразу следует, что эти отношения происходят непрерывно, но тогда пространство и время присутствуют также непрерывно.

Ещё более сложный концепт времени был создан Иммануилом Кантом. Он, в некотором смысле, произвёл инверсию абсолютного времени Ньютона, поместив его внутрь субъекта, и сделал его априорно содержащимся внутри сознания. Он соединил идею абсолютности Ньютона и идею субъективности Лейбница, говоря, что время – есть форма внутреннего чувства. «Бесконечность времени означает не что иное, как то, что всякая определённая величина времени возможна только путём ограничений одного, лежащего в основе времени» [9. С. 72]. Но, с одной стороны, если поверять все текущие процессы течением реки, может создаться иллюзия того, что река бесконечна. Кант подразумевает, что субъект поверяет все внешние феномены тем,

что мы можем назвать внутренним временем. От такой точки зрения до идеи, что время у каждой сущности индивидуальное, и что она согласовывает его с внешним временем, один шаг.

Гуссерль развил подход индивидуального времени, определив такие понятия, как *интенция* (текущее восприятие объекта), ретенция – (идея первичной памяти или «послевкусие перцепции»), которая растягивает точку *теперь* в некоторый объём, удерживая ближайший контекст, сопровождающий восприятие объекта, и *протенция*, ожидание ближайшего будущего. Важно, что время становится не совсем линейным, поскольку прошлое и будущее начинают влиять на момент *теперь*. Но и подход Канта, и подход Гуссерля, несмотря на внесённую сложность локального времени, в глобальном плане остаются на платформе ньютоновского концепта о гомогенном времени и отсутствии эволюции.

В общем прямолинейное течение мышления в девятнадцатом веке внёс сумятицу Ницше со своей идеей *вечного возвращения равного*. Она вновь относит нас к рисункам 1 и 2, что заметил Хайдеггер в своих лекциях о метафизике, где он пишет, что Ницше в связи со своим концептом ставит два вопроса. Во-первых, о цикличности времени: «что представляется нам двумя расходящимися прямыми дорогами, в действительности является лишь видимым отрезком гигантского круга» [17. С. 100]. Т. е. прямая вовсе не прямая, а гигантский круг, кривизна которого настолько мала, что мы не замечаем этого. Подобным образом древние не замечали кривизны земли и предполагали, что Земля плоская.

Смена парадигм мышления или эпистем, как говорил Фуко, изображена на рис. 4, где маленьким красным кругом показана идея античной цикличности, которая была разорвана христианством и превращена в голубую прямую, демонстрирующую соединение прошлого, настоящего и будущего в концепте времени Эона, и которую, в свою очередь, Ницше замкнул вновь в большом круге, что изображено чёрным. Чёрный цвет символизирует всю сложность и трагичность подобной мысли, которую пытался передать вслед за Ницше Хайдеггер, предполагая, что её не сможет понять *последний человек*, являющийся тоже концептом Ницше.

Вторая часть идеи *вечного возвращения равного* затрагивает ограниченность фазового пространства или, иными словами, ограниченность *единого*, внутри которого трансформируется сущность, что показано на рис.1: «что только может существовать, уже должно было некогда существовать, поскольку за бесконечное время длительность существования конечного мира по необходимости должна

была исчерпываться» [17. С. 102]. На рис. 1 видно, что цикличность нужно рассматривать шире, чем просто окружность. Цикличность – это возможность топологически сложной, замкнутой кривой в своей бесконечной эволюции. Само слово *равного* из мысли Ницше о *вечном возвращении равного* вновь относит нас к идеям Лиувилля и Пуанкаре о сохранении фазового объёма. Интересно, что и Ницше, и Пуанкаре жили в одно время и могли видеть работы друг друга. Представление о гигантском круге коррелирует с современным космологическим взглядом на возможную цикличность Больших взрывов.

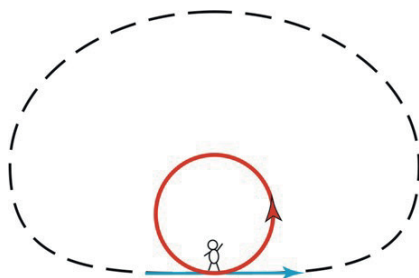

Рис. 4

Идея *вечного возвращения равного* при помощи рис. 5 демонстрирует ещё одну важную мысль Ницше, что мгновение содержит в себе и прошлое, и будущее, что вновь относит нас к концепту времени Хроноса. Тогда мгновение становится *становящимся*, иными словами, оно бытийствует. На рис. 5 показана центральная идея проективной геометрии (которая заняла очень важное место в современной математике), где каждая точка отождествляется с прямой (точка А с проходящей через неё голубой прямой). На рис. 5 *круг времени* из точки М (мгновение) при помощи голубых прямых проецируется на *прямую времени* и произвольной точке круга А ставится в соответствие точка прямой А'. И как несложно заметить, единственная точка М проецируется сразу в три точки: в точку *теперь* М' и точки $+\infty$ и $-\infty$, поэтому $M=(+\infty)+(-\infty)+M'$, что подтверждает мысль Ницше.

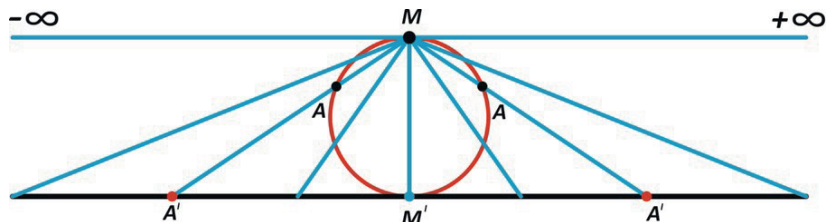

Рис. 5

Следующий существенный шаг в понимании времени сделал Бергсон, который раскрыл понятие *длительности*. Он говорил, что время – это не просто отрезок между событиями А и В, а что-то, что может содержать сингулярность в собственной длительности, которую он называл *творческим порывом*, который может быть незаметным в длительности, но существенно проявиться позже в новом содержании. «Переход представляет собой нечто большее, чем ряд состояний, т. е. возможных разрезов» [4. С. 117]. В противном случае будущее было бы предопределено, и художник, подступаясь к холсту, был бы вынужден нарисовать совершенно конкретную картину. Но будущее, вторгаясь в настоящее, как это предположено на рис. 2, и уплотняя его, преобразует момент *теперь*. Как показали работы по фрактальности времени возвращения Пуанкаре, внутри длительности содержатся мгновения, существенно влияющие на будущее: «недостатком данного подхода (традиционного) является то, что при этом не учитываются множества нулевой меры» [3. С. 18] и «неучтённое множество нулевой меры может оказаться очень значительным в смысле топологической энтропии или размерности» [3. С. 18]. Мгновение (или сумма мгновений) внутри длительности – это точка или множество нулевой меры, поскольку размер точки равен нулю (сумма нулей равна нулю), при этом мгновение влияет ключевым образом на размерность системы. Дальше мы разовьём этот концепт, рис. 6.

Ещё одна важная мысль Бергсона заключается в соотношении интуиции и интеллекта. Мы знаем, что в пространстве Минковского произвольный вектор имеет четыре координаты: одну временную и три пространственные. Тогда, следуя Бергсону, мы можем разложить функцию мышления тоже по четырём координатам: три пространственных координаты интеллекта и одну временную координату интуиции. «Наш интеллект ясно представляет себе только неподвижное» [4. С. 117]. Постигание сущности связано с интеллектом, тогда как понимание бытия с интуицией (Бергсон по сути отождествлял интуицию и инстинкт). Именно интуиция вкладывает в момент *теперь* будущее и прошлое, замыкая большой круг, в соответствии с формулой $M=(+\infty)+(-\infty)+M'$.

Кинематографический метод, о котором пишет Бергсон, и которым пользуется наука, разворачивающий момент за моментом всю длительность от точки А до точки В, возможен тогда, когда функция мышления раскладывается в произведение ортогональных осей пространства и времени $f(t,r)=f(t)\times f(r)$, поскольку тогда мы можем исследовать время и пространство независимо. Если же

такое невозможно, то в очередность моментов движения сущности в пространстве постоянно вторгается координата времени, внося творческую составляющую, что мы увидим дальше.

Какова размерность времени?

Идея многомерного времени уже высказывалась. Например, авиаконструктор Роберто Бартини, бывший некоторое время руководителем С. П. Королёва, предложил концепт объёмного времени. Он считал, что реальность не описывается четырёхмерным пространством Минковского, а имеет размерность, равную шести: три пространственных координаты, и три – времени. Свидетельств в пользу трёхмерности времени Бартини приводит несколько, например, обнаруженная в физике симметрия между пространством и временем, выражающаяся в известной эргодической теореме, о подобии поведения множества частиц в один момент и одной частицы во множестве моментов. Бартини писал, что «Шестимерную протяжённость можно рассматривать как топологическое произведение двух нечётномерных протяжённостей одинаковой размерности и противоположной ориентации, вложенных друг в друга» [11].

Сложность принятия такой конструкции заключается ещё и в том, что физики не пришли к единому мнению даже о размерности пространства. Здесь и работа математика Теодора Калуцы, с его пятимерием, где пятая координата свёрнута и имеет планковский размер, поэтому мы не замечаем её. Здесь и теория струн, где размерность пространства-времени равна десяти. Роджер Пенроуз критиковал высокую размерность: «я не могу всерьёз воспринимать её как заслуживающую внимания физическую модель» [12. С. 52]. Его критика была связана с понятием *функциональной свободы* – даже если дополнительная размерность имеет микроскопический размер, она порождает дополнительную свободу для появления и исчезновения полей, являющихся основой для описания современной физики.

Можно выдвинуть гипотезу, что размерность нашего пространства-времени когда-то была значительно больше, но в процессе эволюции она приобрела свой минимум: 4 (как у Минковского) или 6 (как у Бартини). «Максимальное значение объема протяженности образования имеет место при $n = \pm 6$, следовательно, наиболее вероятное и наименее невероятное, экстремальное, распределение элементарных образов объекта А соответствует 6-мерной конфигурации» [11]. Для нашего дальнейшего построения не является принципиальным равна ли размерность времени двум или трём, поскольку замкнутые кривые можно построить и в том, и другом случае.

В разделе *история в лицах* мы не упомянули Гегеля по простой причине, что построение как минимум двумерности времени мы начнём, отталкиваясь от его диалектики. На наш взгляд, Гегель во многом определил онтологию движения, которая, в свою очередь, определяет онтологию времени, поскольку время связано с понятиями изменчивости и постоянства. Гегель подробно пишет в «Науке логики» о становлении сущности, посредством внутренней диалектики: сущность отвергает саму себя, и через постепенное снятие продельывает полный диалектический круг, становясь снова собой. «Явление – это существующее, опосредованное своим отрицанием, которое составляет его устойчивость» [6. С. 532]. Он вводит понятия *меры, неразличимости* и т.д. Действительно, движущийся объект, с одной стороны, неразличим, он тождественен самому себе и занимает всё тот же фазовый объём, с другой стороны, различима разность его положений или мера расстояния. Мы не будем здесь подробно разбирать диалектику становления, поскольку это занимает многостраничный труд у самого Гегеля. Добавим только несколько комментариев.

Как мы знаем, диалектический цикл всегда замкнут (точнее говоря, почти замкнут в соответствии с временем возвращения Пуанкаре), напротив, прямолинейное движение нам таковым не кажется. Представим себе один из диалектических циклов: зерно-стебель-цветок-зерно. Он замкнут, т.е. в некотором смысле, он круговой (не совсем, поскольку в новом зерне имеются генетические изменения). Но представим любую из стадий, например, стадию роста стебля. Это прямолинейное движение вверх, задаваемое импульсом, сообщаемым растению солнцем. И нам может показаться, что такое движение будет длиться бесконечно. Но диссипация останавливает его. Точно также диссипация останавливает прямолинейное движение любого объекта. В конечном итоге любая сущность оказывается в пределах стартовой точки – машина оказывается вечером в гараже, а капля воды, посредством цикла: дождь-ручей-река-море-облако-дождь, возвращается к началу в согласии с временем возвращения Пуанкаре.

Для понимания времени важны вопросы: что есть местоположение, что есть движение и что есть скорость, поскольку мы определяем время как $t=s/v$, где s – путь, а v – скорость. Но в современной интерпретации лагранжева формализма и формализма квантовой механики координаты и импульсы являются независимыми сущностями, диалектика которых, по-видимому, и определяет движение объекта. По причине их независимости координата и импульс не коммутируют. Некоммутируемость означает, что движение туда и обратно по прямой

невозможно, что всегда возникает цикл, который содержит в себе ненулевой сдвиг (эмерджентность). Подобная независимость приводит к *принципу неопределённости*, который в частном случае квантовой механики называется *принципом неопределённости Гейзенберга*. Таким образом, движение есть диалектика двух противоположностей: координат (постоянства) и скоростей (движения), и любая сущность находится поочерёдно то в покое, когда мы можем померить её месторасположение, то в движении, когда мы можем измерить скорость. Именно *димензиальной недостаточностью*, т.е. редукцией шестимерного пространства координат-скоростей до трёхмерного пространства координат объясняется известная апория Зенона с покоящейся стрелой. «С появлением представления о скорости, которое не выводится целиком из представления о координате, а имеет собственную онтологию, остановка стрелы стала невозможна» [15. С. 65].

Но подобную онтологию можно представить и иначе, как нам кажется более развёрнуто, на рис. 6., где время как минимум двумерно, а момент покоя заменяется временной петлёй в согласии с рис. 2. Иными словами, то, что мы воспринимаем покоем – является диалектической петлёй во втором временном измерении, недоступном перцепции. Здесь красным изображён путь как мы его воспринимаем, а чёрным – реальный путь в пятимерном пространстве-времени.

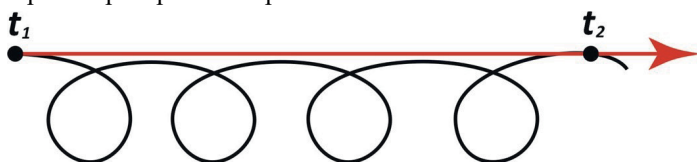

Рис. 6

Для лучшего прояснения сказанного воспользуемся образом работы квантового компьютера на рис. 7, для демонстрации мышления как движения *сущности мысли* субъекта. У такого движения также есть отрезки пути, которые могут восприниматься как линейные, но в итоге мысль всегда диалектически выстраивается в спираль, что показал Людвиг Витгенштейн – логика выстраивается на отрицаниях.

На первой диаграмме рис. 7. изображена работа обычного компьютера, основанная на традиционной аристотелевской логике *исключённого третьего*. Программист задаёт последовательность логических действий, что выражается в алгоритме решения задачи. В процессе её решения появляется график зависимости амплитуды (например, роста количества вируса) от времени.

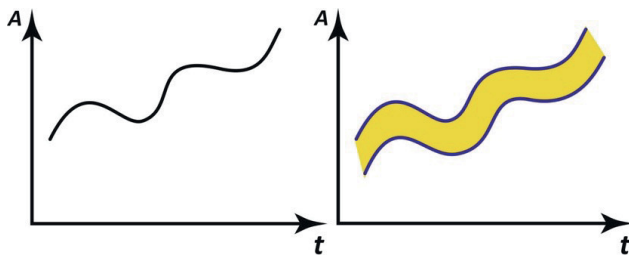

Рис. 7

В отличие от обычного компьютера, индивид, как и квантовый компьютер, не детерминирован, он находится в суперпозиции нескольких возможных алгоритмов (путей), и поэтому его график решения изображён на второй диаграмме (рис. 7) в виде некоторой полосы. Иначе говоря, на решении сказывается принцип неопределённости (например, между вирусом и температурой среды), в результате чего решение начинает расплываться. Теоретически можно сказать, что ширина этой полосы бесконечна (решения задачи имеются и за её пределами), но, как это принято в физике, её можно ограничить наиболее вероятным решением задачи, определив вероятность равной, например, не меньше 0,5. И, соответственно, можно сказать, что данная полоса – это движение максимально вероятного решения задачи (мы можем на полпути в садик забыть ребёнка на скамейке, но с большой долей вероятности мы доведём его до садика тем или иным образом). Такая движущаяся «клякса», превратившись из одномерной в двумерную структуру, может решать в континуальном развертывании более сложные задачи, чем традиционный алгоритм, основанный на логике Аристотеля. Иными словами, такой алгоритм, формирующий решение, может обогнуть состояние классического алгоритма с отсутствующим решением за счёт суперпозиции (волновой, диалектической природы). Таким образом, само окружающее пространство помогает решить поставленную задачу.

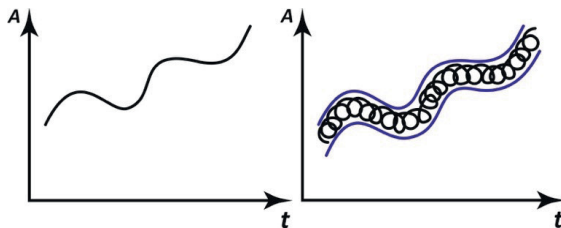

Рис. 8

Если соединить рисунки 6 и 7, то можно обнаружить диаграмму времени как негации вечности, показанную на рис. 8. На первой диаграмме время изображено как параметр, принятый в традиционной физике и математике (ньютоново, абсолютное время), где мы видим некоторую кривую (функцию) зависимости чего-либо от времени, структурно отображающую аристотелевскую логику, где последующая точка кривой чётко следует из предыдущей точки, согласно некоторому алгоритму (например, камень падает согласно алгоритму, определённому тяготением, и, соответственно, теорией, его описывающей). В отличие от этого, диалектическое движение будет представлять из себя некоторую двумерную спираль, расплывшуюся «кляксу», движущуюся вдоль кривой, подобной первой. Например, бросая камень, при заданных начальных условиях, в случае классического алгоритма, мы получим прохождение через единственную точку на определённой высоте, и при промахе задача остаётся нерешённой, в случае гегелевского алгоритма, камень «заметает» собой некоторую пространственно-временную ширину, поражая цель.

В подтверждение спиральной онтологии движения можно сослаться на работу Сергея Сипарова [14]. Она посвящена тому, что все поля (гравитационное, электромагнитное и т. д.) можно представить как пространственные эффекты, по аналогии с представлением Эйнштейна о гравитации как искривлении пространства. Он обнаружил, что если предположить, что метрический тензор, введённый Эйнштейном и определяющий свойства пространства, зависит не только от координат (от места, где его вычисляют), но и от скорости объекта, то оказывается, что объект движется не по прямой, а по спирали, если быть точнее, то по спирали, навитой на искривленный цилиндр. Подобное спиралевидное движение он рассматривал в микромире, сопоставляя его с описанием движения в квантовой механике и показал их идентичность. Но в макрофизике мы не замечаем, чтобы тела двигались по спирали.

Разрешением парадокса является то, что сущность движется по спирали во времени. *Время* перестаёт быть некой прямой, формирующей причинно-следственные связи. Вместо этого *время* становится фактором, эксплицирующим реальность из множества пространственных возможностей, укладывающихся в размер «кляксы». Подобное представление напоминает шов портного: когда иглка делает шаг вперёд, полшага назад. Но эти полшага назад, иными словами, петля имеют не пространственный, как мы привыкли, а временной вид, он делается назад в прошлое. Скорее всего, и шаг вперёд делается с запасом – петля «заметает» сколько-то из будущего.

«Сегодня большинство исследователей уверено в принципиальной многоликости времени. Верны многие модели, каждая в своей области, где она работает лучше других. Даже поворот во времени разрешили элементарным частицам в малых масштабах, с последующим возвратом на путь истинный, то есть в будущее, как все...» [10]. Такая картина соответствует единству гуссерлевских интенции, ретенции и протенции в синтезе точки *теперь*.

Структуру типа петли лучше описывать комплексным числом, рис. 9. Напомним, что комплексное число принадлежит не прямой, а плоскости и определяется двумя параметрами: либо двумя числами, которые соответствуют проекциям комплексного числа на оси x и y – a и b , либо амплитудой и фазой $Re^{-i\varphi}$. Существенно, на что обратил в своей работе Сипаров [14], что каждой сущности в его представлении соответствует некоторая фаза φ , что также согласуется с нами.

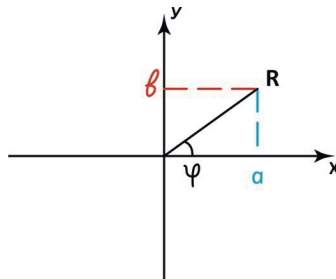

Рис. 9

В традиционной квантовой механике волновая функция частицы описывает зависимость от времени как $Re^{-\frac{E}{\hbar}t}$, где фаза $\varphi = \frac{E}{\hbar}t$ одномерна и линейно зависит от времени и энергии. На рис. 9 хорошо виден основной парадокс квантовой механики: коллапс волновой функции. Если представить ось x , как прибор, который измеряет некий параметр частицы, то проекция волновой функции на эту ось a будет разной в разные моменты времени, но всегда меньшей R , что в квантовой механике проявляется вероятностью, а в нашей интерпретации – *дизензиальной недостаточностью*.

В нашем представлении сущность, двигаясь по замкнутой кривой внутри временного многообразия, выбирает подходящее пространственное решение и эксплицирует его в реальность. Она осциллирует, взаимодействуя с вечностью, то возвращается в прошлое, будто припоминая что-то, то вновь устремляется в будущее. И

благодаря этому припоминанию время соединяет прошлое и будущее не только локально, но и образуя дальние связи. Можно сказать, что благодаря такому взгляду на время эксплицируется память материи и её потенциальность. На рис. 10 изображены возможные *пространственные решения* в виде ежа и *время* в виде окружности с единственным разрывом, эксплицирующим реальность, который можно назвать моментом теперь. Эту диаграмму можно назвать *воротами времени*.

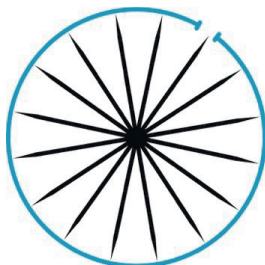

Рис. 10

Тогда не обязательно, что в следующий момент временной разрыв должен быть строго напротив предыдущего, что изображено на рис. 11, где голубыми окружностями изображена последовательность временных слоёв. Строгая траектория пространственных решений приобретает расплывчатый вид. И таким образом, проясняются принцип неопределённости Гейзенберга и представление Бергсона о творческой эволюции – если эти разрывы будут дальше друг от друга, то это будет восприниматься как иррациональное творчество.

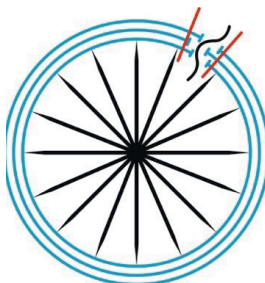

Рис. 11

Кроме того, такая диаграмма проясняет парадокс Эверетта, который предложил многомировую интерпретацию квантовой механики. Если в обычной трактовке описывается вероятность некоторого

состояния, реализующаяся в каком-то одном виде, то в эвереттовской эти состояния реализуются одновременно, т.е. происходит расслоение реального мира на континуум миров. В одной вселенной вы – удачливый игрок, во второй – незначительный клерк. Если у Эверетта параллельно существует континуум вселенных, то в нашем описании *время* отсеивает их, оставляя, с одной стороны, единственную, с другой стороны, у всех есть возможность поучаствовать в этой единственности, и, соответственно, остаётся вселенная, реализующая все эти многомерные возможности. Такое представление о времени коррелирует с гегелевским представлением, где время рассматривается в качестве *негации вечности*, которая очевидно содержит весь континуум вселенных. *Время как отрицательный момент вечности выбирает одну единственную вселенную.*

В подтверждение существования петель времени, хотелось бы добавить несколько слов о теории динамических систем, которая активно развивается последние шестьдесят лет, изучая хаос, пытаясь его упорядочить. Она началась с обнаружения Лоренцем невозможности длительного прогноза в погоде, поскольку малые отклонения в начале приводят к экспоненциальному росту изменений во времени, что приобрело название *эффект бабочки*. Одним из ярчайших достижений этой теории было изучение итерационного уравнения $x_{j+1} = rx_j(1 - x_j)$, которое демонстрирует множество физических процессов, например, ежегодный прирост количества кроликов на ферме, здесь x_j и x_{j+1} – количество кроликов в предыдущий и текущий год. Подобные уравнения, как и вся теория динамических систем, строятся на предположении, что можно не изучать промежутки времени между циклическими моментами, иссекая их. Но эта же идея содержится и в нашем концепте времени, где кажущаяся прямая времени расслаивается на множество петель, которые мы не замечаем.

В заключение скажем ещё об одном физическом эффекте, с которым связывают понятие времени, об энтропии. Например, Стивен Хокинг указывал на стрелу времени, которая определяется увеличением энтропии и достижением её максимума, поскольку состояний хаоса гораздо больше, чем состояний порядка и, соответственно, они более вероятны, и «чтобы объяснить, почему разбитые чашки никогда не возвращаются целыми обратно на стол, обычно ссылаются на то, что это противоречило бы второму закону термодинамики» [18. С. 180]. На наш взгляд, одномерное время – можно назвать статистическим временем, т.е. усреднённым по множеству элементов (атомов газа в сосуде, членов партии, звёзд в галактике и т. д.). Но Пригожин обратил внимание на закон сохранения фазового объёма и на то, что параллельно с распадом всегда происходят процессы самоорганизации. Разница

лишь в том, что распад происходит непрерывно, а самоорганизация (через бифуркацию) – сингулярно или точно в согласии с нашим концептом, в момент замыкания петли времени. *Но такое время нужно назвать, в противовес статистической стреле времени, временем индивидуальным.*

Список источников

1. Августин А. Исповедь. Москва : Республика, 1992. 335 с.
2. Арнольд В. И. Математические методы классической механики. Москва : Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1989. 472 с.
3. Афраймович В., Угальде Э., Уриас Х. Фрактальные размерности для времён возвращения Пуанкаре. Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», Ижевский институт компьютерных исследований, 2011. 292 с.
4. Бергсон А. Творческая эволюция. Москва : Академический проект, 2015. 320 с.
5. Владимиров Ю. С. Реляционные основания физики и метафизики // Метафизика. Век XXI. Альманах. выпуск 2: сборник статей / под ред. Ю. С. Владимирова. БИНОМ. Лаборатория знаний, Москва, 2007. С. 150–204.
6. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Москва : Издательство АСТ, 2019. 912 с.
7. Глик Д. Хаос. Создание новой науки. Москва : Издательство АСТ: CORPUS, 2022. 432 с.
8. Делёз Ж. Логика смысла. Москва : Академический проект, 2015. 472 с.
9. Кант И. Критика чистого разума. Москва : Эксмо, 2015. 736 с.
10. Коганов А. В. Время как объект науки // Мир измерений. № 2-3. 2002. С. 18–22.
11. Никитин А. П. Объёмное время Бартини // Проблемы исследования вселенной. № 39 (2). 2020. С. 174–195.
12. Пенроуз Р. Мода, вера, фантазия и новая физика Вселенной. Санкт-Петербург : Питер, 2020. 512 с.
13. Платон. Парменид. 2017. 27 июля. URL: <https://www.plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/Academia/004-01.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).
14. Сипаров С. В. Геометрические аспекты квантовой механики. 2017. 27 июля. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vufZcOfQ4aE> (дата обращения: 10.02.2022).
15. Стригин М. Б. Логика логики Гегеля или начала квантовой механики // Вестник РХГА. 2020. № 4. С. 64–82.

16. Франкл В. Человек в поисках смысла. Москва : Прогресс, 1990. 368 с.
17. Хайдеггер М. Лекции о метафизике. Москва : Языки славянских культур, 2010. 160 с.
18. Хокинг С. Краткая история времени: От большого взрыва до чёрных дыр. Санкт-Петербург : ООО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015. 223 с.

References

1. Augustin, A. (1992). *Ispoved* [Confession]. Republic, Moscow, 335 p. (In Russ.).
2. Arnold, V. I. (1989). *Matematicheskiye metody klassicheskoy mekhaniki* [Mathematical methods of classical mechanics]. Nauka, Gl. ed. phys.-mat. lit., Moscow, 472 p. (In Russ.).
3. Afraimovich, V., Ugalde, E. & Urias, H. (2011). *Fraktalnyye razmernosti dlya vremen vozvrashcheniya Puankare* [Fractal dimensions for Poincare return times]. SIC “Regular and Chaotic dynamics”, Izhevsk Institute of Computer Research, Izhevsk, 292 p. (In Russ.).
4. Bergson, A. (2015). *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative evolution]. Academic Project, Moscow, 320 p. (In Russ.).
5. Vladimirov, Yu. S. (2007). Relyatsionnyye osnovaniya fiziki i metafizika [Relational foundations of physics and metaphysics]. *Metafizika. Vek XXI. Al'manah. vypusk 2: sbornik statej* [Metaphysics. Century XXI. Almanac. Issue 2: collection of articles], edited by Yu. S. Vladimirova. BINOMIAL. Laboratory of Knowledge, Moscow, 150–204. (In Russ.).
6. Hegel, G. V. F. (2019). *Nauka logiki* [Science of Logic]. AST Publishing House, Moscow, 912 p. (In Russ.).
7. Glick, D. Chaos (2022). *Khaos. Sozdaniye novoy nauki* [Creation of a new science]. AST Publishing House: CORPUS, Moscow, 432 p. (In Russ.).
8. Deleuze, J. (2015). *Logika smysla* [Logic of meaning]. Academic Project, Moscow, 472 p. (In Russ.).
9. Kant, I. (2015). *Kritika chistogo razuma* [Criticism of pure reason]. Eksmo, Moscow, 736 p. (In Russ.).
10. Koganov, A. V. (2002). Vremya kak obyekt nauki [Time as the object of science], *Mir izmerenij* [The world of measurement], 2-3, 18–22. (In Russ.).
11. Nikitin, A. P. (2020). Obyemnoye vremya Bartini [Volumetric time Bartini]. *Problemy issledovaniya vselennoj* [Problems of research of the universe], 39 (2), 174–195. (In Russ.).
12. Penrose, R. (2020). *Moda. vera. fantaziya i novaya fizika Vselennoy* [The Fashion, faith, imagination and the new physics of the Universe]. St. Petersburg, 512 p. (In Russ.).
13. Plato (2017). *Parmenid* [Parmenides], available at: <https://www.plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/Academia/004-01.pdf>, accessed 02.02.2022. (In Russ.).
14. Siparov, S. V. (2017). *Geometricheskiye aspekty kvantovoy mekhaniki* [Geometric aspects of quantum mechanics], available at: <https://www.youtube.com/watch?v=vufZcOfQ4aE>, accessed 10.02.2022. (In Russ.).

15. Strigin, M. B. (2020). Logika logiki Gegelya ili nachala kvantovoy mekhaniki [Logic of Hegel's logic or the beginnings of quantum mechanics]. *Vestnik RHGA* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 4, 64–82. (In Russ.).
16. Frankl, V. (1990). *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in search of meaning]. Moscow: Progress, 368 p. (In Russ.).
17. Heidegger, M. (2010). *Lektsii o metafizike* [Lectures on metaphysics]. Moscow: Languages of Slavic cultures Publ., 160 p. (In Russ.).
18. Hawking, S. (2015). *Kratkaya istoriya vremeni: Ot bolshogo vzryva do chernykh dyr* [A brief history of time: From the big bang to black holes]. St. Petersburg: LLC "Trade and Publishing House "Amphora", 223 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М. Б. Стригин – кандидат физико-математических наук, директор ООО «Митриал».

Information about the author

Mikhail B. Strigin – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Director of Mitrial LLC.

Статья поступила в редакцию 23.03.2022; одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted 23.03.2022; approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 05.05.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Горизонты цивилизации. 2022. Том 13. Вып. 2. С. 90–102.
ISSN 2413-0125 (print).
Gorizonty civilizacii. 2022; Vol. 13, Issue 2:90–102.
ISSN 2413-0125 (print).

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.47475/2413-0125-2022-10208

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ ВЕЧНОСТИ / «ЗОЛОТОГО ВЕКА» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОЗЕ КАК СРЕДСТВО ОСМЫСЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО РАСПАДА

Василий Викторович Федоров¹, Марина Александровна Корнеева²

¹ Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия, vvf-82@mail.ru

² МАОУ СОШ № 104, Челябинск, Россия, mkorneevas1@mail.ru

Аннотация. В ситуации смены парадигмы наблюдается переживание утраты абсолюта, который символизировал гармонию, вневременной порядок. В современной российской прозе таким контекстом распада выступает постсоветская действительность, заполненная обломками вечных идеалов – государства, человека, трансцендентного. Их воплощением становятся пространственные образы времени, – остатки вечности, – зримо представляющие утраченный идеал, указывающие на изначальную целостность мира советской цивилизации, буквально объективирующий образ эпохи. Еще М. М. Бахтин указывал на воплощение времени в словесном произведении через пространство. Здесь образы пространства-времени становятся символами определенного «золотого века». Однако функциональная значимость таких образов заключается и в попытке найти новую повествовательную модель.

Ключевые слова: вечность-абсолют, образы пространства-времени, современная российская проза, культурный распад.

Для цитирования: Федоров В. В., Корнеева М. А. Пространственные образы вечности / «золотого века» в современной российской прозе как средство осмысления культурного распада // Горизонты цивилизации. 2022. Том 13. Вып. 2. С. 90–102. doi: 10.47475/2413-0125-2022-10208.

Original article

**SPATIAL IMAGES OF ETERNITY / “GOLDEN AGE”
IN MODERN RUSSIAN PROSE AS A MEANS
OF UNDERSTANDING CULTURAL DECAY**

Vasily V. Fedorov¹, Marina A. Korneeva²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, vvf-82@mail.ru

² MAOU secondary school № 104, Chelyabinsk, Russia,
mkorneevas1@mail.ru

Abstract. In the situation of paradigm shift, there is an experience of the loss of the absolute, which symbolized harmony, timeless order. In modern Russian prose, such a context of disintegration is the post-Soviet reality, filled with fragments of eternal ideals - the state, man, the transcendent. Their embodiment is the spatial images of time – the remnants of eternity – visibly representing the lost ideal, pointing to the original integrity of the world of Soviet civilization, literally objectifying the image of the epoch. More M. M. Bakhtin pointed to the embodiment of time in a verbal work through space. Here the images of space-time become symbols of a certain “golden age”. However, the functional significance of such images also lies in the attempt to find a new narrative model.

Key words: eternity-the absolute, images of space-time, modern Russian prose, cultural decay.

For citation: Fedorov V. V., Korneeva M. A. Spatial images of eternity / “golden age” in modern russian prose as a means of understanding cultural decay. *Gorizonty civilizacii*. 2022; Vol. 13, Issue 2: 90–102. (In Russ.). doi: 10.47475/2413-0125-2022-10208.

В ситуации любого парадигмального слома (культурного распада) наблюдается переживание утраты некоего абсолюта (образа незыблемой вечности), который символизировал гармонию, вневременной порядок. Так, под кризисом в сфере искусства вслед за В. И. Тютюпой мы понимаем нарушение и выработанность старой художественной системы, «онемение» поэтики, нарушение равновесия [10]. Кризис здесь не означает конец, но подразумевает иное развитие, странное сочетание и нагромождение разнородных художественных явлений, воплощающих ситуацию перехода к новой парадигме.

Изменяется природа самого художественного творчества, а также эстетического объекта. В данном контексте литературный текст получает статус средства коммуникации, массового тиражирования смыслов. Текст выступает в качестве «ковчега» и распространителя культурной информации, пространство «прошедшей» культуры здесь обретает семантику вечности, изначальной целостности, оно апеллирует к утраченному абсолюту. Словесная пластика вечности-абсолюта проявляется в образах архитектуры и мифологизированного

пространства. Поэтому одной из ключевых тенденций современной российской прозы является рецепция границ и пределов распадающейся культуры. В целом это характерно для любой «кризисной» литературы: осмысление и переживание «следов», осколков прежнего эстетического и этического целого, утверждавших законность и вечность существовавшего порядка.

В европейской традиции существует целая традиция представления «золотого века», имеющего топонимическую образность, локализацию. Так, например, в работе Лукаса Кранаха Старшего «Золотой век» эпоха гармонии человеческого общества имеет пространственное воплощение – эдемский сад. Само оно наполнено следами, индексальными знаками, сведенными стереотипами, которые указывают на известные смысловые структуры, определяющие эпоху изначального блаженства, гармонии.

С другой стороны, М. М. Бахтин указывал на воплощение времени в словесном произведении через пространство [2]. Таким образом, мы можем говорить об образах пространства-времени вечности / «золотого века», которые становятся средством осмысления и переживания культурного распада.

В современной российской прозе таким контекстом распада выступает постсоветская действительность, заполненная обломками, или следами некогда вечных идеалов – государства, человека, трансцендентного. Их текстовым воплощением становятся пространственные образы вечности-абсолюта, зримо представляющие утраченный идеал, указывающие на изначальную целостность мира советской цивилизации. Ключевыми из них являются: публичное пространство (библиотека, дом народного собрания, парк), коммуникационное и техническое пространство (метро, башня-антенна, промышленное предприятие, промышленная зона, место обучения и воспитания), пространство власти и государственности (Кремль, дворец) [8. С. 239]. Эти локации манифестировали в официальном советском искусстве и властном дискурсе идеи нового вечного порядка (коммуна – равноправие, переделка человека, социума и природы; мифология промышленности – перестройка церквей в заводы, дворцов в школы и библиотеки, санатории). В советской реальности форма символов и риторика изменилась, но осталась семантика прежней трансцендентности и христианской мифологии – воплощение нового, райского, мира, который вечен (например, фонтаны ВДНХ).

Однако сюжетная значимость таких образов заключается в стремлении найти новую нарративную модель для текстов, существующих в эпоху хаоса («новая нарративная целостность»). В повествовательной

структуре такого типа возникает особая композиция. В центре сюжета находится «готовый» пространственно-временной символ, а событийный ход строится на развертывании символических значений, обыгрывании первичной символичности, как это происходит, по определению Р. Барта, с «похищением» естественного языка мифом [1].

В докладе рассмотрены романы А. Иличевского «Матисс», О. Славниковой «2017», Л. Юзefовича «Журавли и карлики», Д. Глуховского «Метро-2033», Т. Толстой «Кысь», в которых наблюдается осмысление культурного распада через апелляцию к символическим осколкам утраченного «советского космоса».

Так, в произведениях новейшей отечественной литературы появляется локация общественный парк / сад, которая демонстрирует разрушение культуры, обветшание, уничтожение и размывание ее границ. Однако это не только метафора «пространства культуры», но и рецепция «традиционных» повествовательных техник и возможностей нарративного высказывания, проверка механизмов рассказывания.

Роман А. Иличевского (2007) «Матисс» показателен в этом отношении. Произведение ориентировано не на аналитическое, а на эмоционально-рефлексивное осмысление постсоветской реальности. Главные герои произведения, воплотившие на уровне образной структуре идею распад, бомжи Вадя и Надя и бывший ученый-физик Королев. Они живут в эпоху утраты целого советского универсума, в контексте хаоса 90-х. Королев – герой-эскапист. Он скитается, сознательно оставляет внешне благополучную московскую жизнь и отправляется странствовать по миру, наполненному останками и следами большой цивилизации. Королев воплощает жизненный путь целого поколения, пережившего все потрясения конца 1980-х – 90-х годов: «Именно поэтому в 18–20 лет, рассуждал Королев, они оказались на вершущке цунами, опрокидывавшего известно что: они развивались параллельно с временем турбуленций, они были первым лепетом этого Времени...» [5], а также: «Он впивался и гнался за Москвой – она была его левиафаном» [6].

Главный герой романа пытается строить жизнь по лекалам старой цивилизации, но его путь превращается в переживание пустых форм старой парадигмы: вокруг разруха, он наблюдает остовы старой цивилизации. Возникают образы храма, ковчега. Состояние вселенского одиночества, чувство хаоса как раз создается включением в точку зрения героя пространственно-временных образов, указывающих на потерянную вечность, эпоху порядка: заброшенный усадебный парк, в котором располагается общежитие, полуразрушенные

оранжереи, физические лаборатории, в которых все постепенно приходит в запустение и упадок, лабораторный ускоритель и т. д. В романе представлен каталог пространственных образов парка, которые начинают выполнять функции объектных образов, дискретно составляющих представление о прошедшей эпохе.

Образ заброшенного парка и есть воплощение переживаемого кризиса, граница распадающейся культуры. Эта граница фиксируется именно через четкость паркового ландшафта, который играет роль каркаса или остова целостного и гармоничного мира прошлого. Перед нами, по сути, происходит интериоризация паркового пространства, которое становится внесубъектным способом психологического анализа героя: «Королеву нравился усадебный парк, он бескорыстно изучал его, подобно энтомологу, погружающемуся в узорный ландшафт мотылькового крылышка <...> Подолгу сидел над ним, штрихуя фасады, расставляя пометки <...> просто старался нащупать, выстроить внутри некую структуру сознания, которая сама бы продуцировала забвение» [5]. Возникает эффект преодоления распада-разрухи через собирание осколков и следов старого мира, пространственно-временных образов абсолюта. Через нанизывание и кумуляцию как композиционные приемы включаются и другие зрительные символы старой цивилизации. Сама стратегия речевого поведения актора-нарратора демонстрирует язык и мышление эпохи, пережившей распад. Отмечено, что А. Иличевский создает повествовательную структуру через нагромождение, усложнение: «Вообще самое симпатичное в перегруженной словами и перенасыщенной, как густой соляной раствор, прозе Иличевского, как раз-таки отсутствие задней мысли <...> Замечательная фраза – синтаксис невнятен, но смысл, видимо, таков: прежде мир предстал перед своим благодарным наблюдателем в неких прекрасных интеллектуальных построениях, а отныне открылась возможность построений словесных <...> В многословных периодах Иличевского мысль никуда не устремляется, она лишь запутывается и повисает в однообразных придаточных: автор пытается договорить все, что знает, он не отбирает, а перечисляет, и он не в состоянии остановить фонтан» [3]. В этом коллаже видна попытка сознания героя и нарратора обрести целостность не аналитически, а через экстенсивное расширение объектов-образов распавшейся культуры.

Метро в советской культуре выступает не только реальным объектом, но и мифологическим образом победы труда над аморфной массой (идеологема советского дискурса, будущего вечного порядка – упорядочивание земли, пространства). Культурологический аспект

осмысления этого пространственно-временного символа – отделка и грандиозный масштаб станций и вестибюлей – символическое пространство победы нового образа жизни, порядка, новой религии. Метро ситуации распада – уникальный источник построения метафорических цепочек, след грандиозной цивилизации. На уровне содержания часто используются сценарии и мифы, культурные стереотипы, связанные с метро (тайное метро, секреты другого мира, чрево цивилизации), да и сама нарративная техника основана на конструкции-схеме, которая организует текст, воплощает авторскую интенцию. Метро выступает ковчегом старой культуры, вечности, в которой герой видит порядок, возникает эффект медитации на основе наблюдения за предметами, отсылающими ко времени порядка и нормы. В таком контексте появляются все ключевые пространственные образы старой культуры, бывшего вечного порядка, но скрытые под землей, ушедшие под землю, время буквально уходит из мира героев романа.

Уникальный образ – макет, модель старого мира: «Так вот, однажды он наткнулся в таком резервуаре на макет Кремля и оторопел. Это была размером примерно сорок на пятьдесят метров модель, прообраз сжавшегося города, выполненный в точности из тех самых материалов, что и настоящий Кремль» [6].

Отсылка к распаду создается благодаря использованию библейской образности вавилонского столпотворения.

Еще один аспект – использование мифа об альтернативном втором метро, построенном для руководства страны. Здесь мы можем наблюдать использование ассоциативного ряда, построенного на принципе сравнения артефактов культуры с археологическими древностями, ископаемыми, ушедшими под землю. Из наблюдения героем за артефактами возникает воспоминание о старом мире, древнем, далеком от его нынешнего блуждания

Сюжетная обработка пространственно-временного символа метро используется в романе Д. Глуховского «Метро 2033» (2005). Роман представляет собой сетевой продукт: автор написал экспозицию и завязку, выложил в Сеть, а затем отредактировал коллективный труд. По жанру – это постъядер, сочетающий признаки фантастики и антиутопии.

Главный герой – Артем (24 года), живет на станции ВДНХ, путешествует по московскому метрополитену. Трансформация нарративного приема странствия дает автору возможность обзора «хаоса», а также сюжетного развертывания мифологии метро, превращение отдельных стереотипов в повествовательные конструкции. В романе ощутимо влияние голливудского дискурса – касты: хранители,

военные, купцы и т. п., враги – черные, библиотекари, биомасса в Кремле, описание быта, законов, культуры цивилизации на осколках (выращивание чая и свиней для обеспечения продовольствия).

Д. Глуховский работает сразу с несколькими пространственно-временными символами – метро, библиотека, кремль. Актуализирует их идеологическую составляющую советского контекста. За авантюрно-приключенческой фабулой узнается российская действительность 90-х–00-х годов, российское общество, переживающее отказ от заданного единства, разложение космоса. Автор воссоздает калейдоскоп идеологической и культурной жизни 90-х годов. Перед читателем проходят националисты-фашисты, купцы-бизнесмены (Ганзея Кольцевой), сектанты. Возникает образ Вавилона – станция Павелецкая. Актуализация тех же мифов: Метро-2, игра с табуированными темами. Один из героев объясняет: «... вообще-то Метро-2 – это убежище богов советского пантеона на время Рагнарека, если силы зла одержат вверх <...> Легенды гласят, что под городом, мертвое тело которого лежит там, наверху, было построено еще одно метро, для избранных. То, что ты видишь вокруг себя – метро для стада. То, о котором говорят легенды, – для пастухов и их псов» [4].

Роман «Метро-2033» – постмодернистская игра с символами и остатками прежних властных дискурсов, включение в массовую культуру поколения, живущего после советского строя, мифов и символов, которые стали уже для них «отражением отражения».

В романе «Метро-2033» представлена актуализация советской культурной мифологии – «самая читающая страна», библиотека – храм, просвещение – освобождение, культура. Литература воспринималась как средство воспитания гражданина в заданных координатах, встроенного в вечный порядок. Так, в книге Д. Глуховского возникает линия охоты за книгами. Автор выстраивает образ Великой Библиотеки – Ленинки и станции метро, получившей название Полис. Устройство это локации напоминает античные развалины, сохранившие следы древней культуры.

В словах брамина (хранителя) Данилы вновь звучит постмодернистская вторичная символизация остатков старой эпохи-культуры в отношении локуса библиотеки: «Да ведь никакого значения не имеют... все эти книги. И Великую Библиотеку не для них строили. И не их там хранят <...> Всю Великую библиотеку строили для одной-единственной Книги. И лишь одна она там и спрятана. Остальные нужны только, чтобы ее скрыть. Ее-то на самом деле и ищут. Ее и стерегут <...> Древний фолиант. На антрацитно-черных страницах золотыми буквами там записана вся История. До конца» [4].

С иронией в романе деконструируется властный миф (глава «Власть»), проход героев под Кремлем – самое страшное и опасное место метро, в котором обитает разумная биомасса, способная зачаровывать и поработать. Так, герои размышляют о песне, выступающей постоянным символом диктата власти над сознанием аудитории: «Этой песне лет сто уже, если не сто пятьдесят, – покачал головой Мельник. – Ее сначала для одной войны сочинили, потом под другую приспособили...» [4].

Текст построен на игре и с другими пространственно-временными символами ушедшей культуры: ВДНХ, Останкинская башня и т. п. Игра с пространственно-временными осколками (они целые, но нет возможности прочесть их в системе как единый текст героями произведения).

Библиотека – один из центральных пространственно-временных символов в новейшей прозе. Она репрезентирует мир, моделирует его. Библиотека становится одним из главных образов-символов утраченной вечности/«золотого века» старой культуры в романе Т. Толстой «Кысь». По жанру это произведение – дистопия, в которой осмысливается кризис современной культуры, наступившей после «литературоцентричной» цивилизации: примитивизация современной интеллигенции. Главный герой переписчик Бенедикт, интеллигент – представитель нового поколения. Основа его характера и характеров других персонажей построена на приеме «забывания мотивировки» (В. Я. Пропп), то есть непонимания содержания артефактов культуры и причинно-следственных связей их взаимодействия в парадигме и синтагматике культуры. Автор переносит отношение средневековых варваров к материальным проявлениям древней (классической) культуры на современный кризис: осмысление культуры через метонимический образ «Мозея» [9. С. 37].

Но именно пространство библиотеки становится матрицей для расшифровки кризиса такой культуры. Т. Толстая использует различные постмодернистские техники (каталог, набор знаков – использует структуру алфавита) для демонстрации экстенсивного понимания культуры. Известный эпизод из романа воспроизводит само представление о «классической» цивилизации живущими героями на обломках старого мира, в состоянии распада, где соседствуют тексты, заглавие которых начинается с буквы «П» [9. С. 29]. Здесь вновь возникает мотив тайной библиотеки – знания хранятся, но используются только ограниченным кругом лиц.

Возникает ирония над реконструкцией уходящей цивилизации, консерватизмом культуры и вечности: один из персонажей, относящихся

с «старым», рисует таблички с названиями мест, значимых для ушедшей культурной традиции [9. С. 28].

Пространственно-временные образы в романе существуют в рамках постмодернистской поэтики – следы книжной культуры, ее идеология в осколочном виде продолжает бытовать в новой системе, забывается мотивировка, они становятся формой, объектом и средством иронии. Вечность и целостность, выраженные в трансформированных идеологемах (Пушкин, Культура, Фелософия и т. п.), воспринимаются относительно, как возможные «означающие», утратившие свою семантику.

Другая разновидность пространственно-временных символов – публичное пространство. Такое пространство создает эффект партиципации, то есть включенности, сопричастности к некоей системе, порядку. В советской версии – дом культуры, клуб и т. п. Идея – единства людей, вариант вечности и бессмертия, единого тела (М. М. Бахтин).

В романе Л. Юзefовича «Журавли и карлики» (2009) русская жизнь изображена как вечный хаос, вечная смута. Три эпохи: Россия после смуты – XVII век, Россия 90-х годов, Монголия – 2004. Рассказ ведет Шубин, автор романов об авантюристах и самозванцах. Название – псевдолегенда, вечная война. Жохов, Анкундинов, Баатар – три воплощения архетипа трикстера, вечные скиатльцы и талантливые авантюристы, таким образом, это плутовской роман в романе. Герой-самозванец противопоставит хаосу своей жизненной позицией (ирония и пафос, по мнению Льва Данилкин). Роман воспроизводит вечную модель русской жизни – смутные времена.

Главный герой Жохов, ученый, который изучает Монголию, порядок Восточной империи (вспоминает и видит во сне дворцы). Эта ориентированность на «порядок» как вечную идею подхватывается пространственным образом дома культуры, который моделирует детство главного героя в рамках стабильной системы и нормы, модель советского универсума: «Макет был выполнен с исключительной подробностью. Это казалось восхитительно-бессмысленным, как рисовое зернышко, на котором маньяк-умелец выгравировал устав ВЛКСМ. В окнах имелись переплеты, в балконных оградках – столбики. Лепной орнамент на фризе, сплетенный из книг, театральных масок, балетных туфель и музыкальных инструментов, просматривался в каждой своей детали, вплоть до колков арфы и завязок на пуантах. Читались даже вывески на первом этаже: “Кино”, “Кафе «Аэлита»”. Там, где стоял этот дворец в натуральную величину, по вечерам они когда-то вспыхивали бедным советским неонам с увечными от постоянно перегорающих трубок буквами. Та бедность теперь казалась естественной, как отсутствие

собственных денег у ребенка» [11]. Показательно, что на фронте стоят статуи со «спокойным» лицом, как боги в своей гармоничности.

Здесь автор помещает в центр повествования пространственно-временную модель вечного порядка / «золотого» века, метафорически объясняя вечно повторяющийся конфликт хаоса и космоса. Космос же парадоксальным образом всегда существует как модель, утопия, в реальности лишь получает упрощенное воплощение.

Образ урбанистического пространства в советской культуре имел важный компонент – коммуникационное и техническое сооружение (башня-антенна, промышленное предприятие, промышленная зона), как у Пролеткульта (Завод – ковчег Ноя). И если в современной культуре образ промышленного предприятия приобрел негативное отношение – семантика нищеты, болезни, загрязненности, то техническое сооружение сохраняет множественность восприятия. Один из сценариев его считывания – грандиозность замысла, остов эпохи, который символически воплощает устремленность, ценностную иерархию. Так, в романе О. Славниковой «2017» (2006) таким остовом выступает недостроенная и заброшенная телевизионная башня в Свердловске (Екатеринбурге). Автор актуализирует уже известный сценарий – промышленные районы города как последствия кризиса старой идеологии (город-утопия в советской культуре), бессмысленность такого пространства, в котором скапливаются социальные болезни: «Вокруг машиностроительных гигантов ветшали спальные районы с жилыми башнями, словно собранными кое-как из плит и битого стекла, оставшихся от других, разрушенных домов...» [7. С. 35]. Здесь господствует мотив устаревания, обветшания пространства, вырождение смысла: ветхость краеведческого музея, ветхость всего, что связано с предшествующей эпохой. Технические сооружения больше не чудо, а уродство, не прорыв, а деталь сурового каменного пейзажа, которая не воспринимается в своем функциональном назначении. Возникает сопрягающая метафора с поганкой, полым телом, а затем представлено контекстуальное расширение, показывающее, что вся советская архитектура с установкой на пролетарский идеал потеряла символический потенциал коллективного мира, порядка и победы над материей [7. С. 40]. Этот образ отражает реальную практику восприятия Екатеринбург – нет целого города, одна перестройка, как перестройка идеологии – город революции, традиций революционных, и как город бизнес, экономической столицы Урала.

Таким образом, мы описали варианты пространственно-временных образов-символов, которые становятся воплощением вечности / «золотого

века» и средством осмысления культурного распада. На этой основе можно выделить устойчивый набор повествовательных приемов и средств в современной российской прозе, реализующих идею утраты вечности:

1. Использование типичных культурных пространственно-архитектурных символов: Вавилон, Китеж-град, библейская образность (левиафан, ковчег), геометрические пространства: спираль, лабиринт, галерея, тоннель, башня.

2. Актуализация повествовательного мотива «возведение нового строения на обломках, фундаменте старого»: Федор-Кузьмичевск, метро-цивилизация. Эkleктика нового пространства, наслоения.

3. Ветхость и запустение, гиперболизация пространственно-архитектурных элементов – формы воплощения вечности, древности.

4. Актуализация сценариев восприятия и культурных стереотипов, связанных с пространством, местом (мифы, фольклор современный, локальные тексты).

5. Применение постмодернистских практик – деконструкция пространственных образов, ирония, умножение объекта.

6. Мотив ископаемого, археологического объекта.

Можно говорить о новой нарративной целостности: распад отразился на способах организации художественного нарратива (вообще на природе высказывания). Отказ от социально-психологического детерминизма. Целостность выстраивается не аналитически, а через нагромождение или присоединение отдельных элементов, на основе ассоциации (сопрягающей метафоры), метонимического переноса. В указанных произведениях использовались как раз такие структуры: движение в пространстве, включение уменьшенной копии пространства или архитектурного сооружения, алфавит. Такая целостность требует структуры – каркаса, к которому и прикрепляются следы, осколки рухнувшего абсолюта. Использован параллелизм пространства. Вечность здесь становится утраченным идеалом, иллюзией, утопией.

Список источников

1. Барт Р. Мифологии / пер с фр., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 312 с.

2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва : Худож. лит., 1975. С. 234–409.

3. Булкина И. Проза «нулевых» // Знамя : [сайт]. 2010. № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2010/9/proza-nulevyh.html> (дата обращения: 10.03.2022).

4. Глуховский Д. Метро 2033 // budzinkan.ucoz.ru : [сайт]. URL: https://budzinkan.ucoz.ru/book/metro2033-34/Gluhovskiy_Metro_2033.pdf (дата обращения: 10.03.2022).
5. Иличевский А. Матисс : роман // Новый мир : [сайт]. 2007. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2007/2/matiss.html (дата обращения: 10.03.2022).
6. Иличевский А. Матисс : роман // Новый мир : [сайт]. 2007. № 3. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2007/3/matiss-2.html (дата обращения: 10.03.2022).
7. Славникова О. 2017. Москва : Вагриус, 2006. 544 с.
8. Сорочан А. Ю., Степанова Э. С. Конференция «Вечность как сюжет» в твери // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015. № 2. С. 237–240.
9. Толстая Т. Кысь: Роман. Москва : Подкова; Иностранка, 2000. 384 с.
10. Тюпа В. И. Литература и ментальность. Москва : «Вест-Консалтинг», 2009. 276 с.
11. Юзефович Л. Журавли и карлики // Дружба народов : [сайт]. 2008. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2008/7/zhuravli-i-karliki.html> (дата обращения: 10.03.2022).

References

1. Bart, R. (1996). *Mifologii* [Mythology], monograph, Moscow, 312 p. (In Russ.).
2. Bakhtin, M. M. (1975). *Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics. Researches of different years], Moscow, 234–409. (In Russ.).
3. Bulkina, I. (2010). Proza «nulevyh» [Prose of the “zero”]. *Znamya*, available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/2010/9/proza-nulevyh.html>, accessed 10.03.2022. (In Russ.).
4. Gluhovskij, D. (2005). Metro 2033 [Metro 2033]. *budzinkan.ucoz.ru*, available at: https://budzinkan.ucoz.ru/book/metro2033-34/Gluhovskiy_Metro_2033.pdf, accessed 10.03.2022. (In Russ.).
5. Ilichevskij, A. (2007). Matiss : roman [Matisse]. *Novyj mir* [New World], available at: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2007/2/matiss.html, accessed 10.03.2022. (In Russ.).
6. Ilichevskij, A. (2007). Matiss : roman [Matisse]. *Novyj mir* [New World], available at: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2007/3/matiss-2.html, accessed 10.03.2022. (In Russ.).
7. Slavnikova, O. (2006). 2017. Moscow, 544 p. (In Russ.).
8. Sorochan, A. YU. & Stepanova, E. S. (2015). Konferenciya «Vechnost' kak syuzhet» v Tveri [Conference “Eternity as a plot” in Tver]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2, 237–240. (In Russ.).

9. Tolstaya, T. (2000). *Kys': Roman* [Kys], Moscow, 384 p. (In Russ.).
10. Тура, V. I. (2009). *Literatura i mental'nost'* [Literature and mentality], Moscow, 276 p. (In Russ.).
11. YUzefovich, L. (2008). ZHuravli i karliki [Cranes and dwarfs]. *Druzhba narodov*, available at: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2008/7/zhuravli-i-karliki.html>, accessed: 10.03.2022. (In Russ.).

Информация об авторах

В. В. Федоров – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций факультета журналистики.

М. А. Корнеева – учитель литературы высшей категории.

Information about the authors

Vasily V. Fedorov – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Journalism and Mass Communications of the Faculty of Journalism.

Marina A. Korneeva – literature teacher of the highest category.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 05.05.2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

МЫСЛИ. ОПЫТ. МНЕНИЯ

*Горизонты цивилизации. 2022. Том 13. Вып. 2. С. 103–111.
ISSN 2413-0125 (print).*

*Gorizonty civilizacii. 2022; Vol. 13, Issue 2:103–111.
ISSN 2413-0125 (print).*

Эссе

doi: 10.47475/2413-0125-2022-10209

ДОБРОСОСЕДСТВО ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА, КАК КАТЕГОРИЯ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ ВРЕМЕННО-ПРОСТРАНСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЦИУМА

Юрий Владимирович Савельев

независимый исследователь, fest_@mail.ru

Аннотация. Статья содержит краткое изложение подходов к рассмотрению проблемы добрососедства и влияния на состояние социума, его пространственное и временное развитие. Постановка данной проблемы актуальна, так как практически не рассматривалась фундаментальной наукой, разве что на бытовом уровне. Решение этой проблемы должно, на взгляд автора, иметь методологическое обоснование, системно и предметно рассматривать все аспекты этого вопроса. Внедрение или реализация методов добрососедства приведет к устойчивому жизнеутверждающему положению в обществе, исключая криминальные девиации.

Ключевые слова: соседство, добрососедство, миры, царства, человек, общество, постановка вопроса.

Для цитирования: Савельев Ю. В. Добрососедство вчера, сегодня, завтра, как категория, характеризующая временно-пространственное состояние социума // Горизонты цивилизации. 2022. Том 13. Вып. 2. С. 103–111. doi: 10.47475/2413-0125-2022-10209.

Essay

**NEIGHBORHOOD YESTERDAY, TODAY, TOMORROW,
AS A CATEGORY THAT CHARACTERIZES
TIME AND SPATIAL STATE OF SOCIETY**

Yuri V. Savelyev

independent researcher, fest_@mail.ru

Abstract. The article contains a summary of approaches to the consideration of the problem of good neighborliness and the impact on the state of society, its spatial and temporal development. The formulation of this problem is relevant, since it was practically not considered by fundamental science, except at the everyday level. The solution to this problem should, in the opinion of the author, have a methodological justification, systematically and substantively consider all aspects of this issue. The introduction or implementation of good neighborly methods will lead to a stable life-affirming position in a society that excludes criminal deviations.

Key words: neighborhood, good neighborliness, worlds, kingdoms, man, society, posing the question.

For citation: Savelyev Yu. V. Neighborhood yesterday, today, tomorrow, as a category that characterizes time and spatial state of society. *Gorizonty civilizacii*. 2022; Vol. 13, Issue 2: 103–111. (In Russ.). doi: 10.47475/2413-0125-2022-10209.

Тема соседства очень обширная. И даже суженая до добрососедства не становится от этого проще, потому что вмещает несколько уровней приложения и осмысления.

«СОСЕДСТВО». Что это такое? Вроде бы все просто: СОСУЩЕСТВОВАНИЕ – существование поблизости друг от друга (во всех царствах Земли, кроме более плотного, чем минерал и менее тонкого, чем физическая плоть миров: минералов, растений, животных и человека).

Взаимодействие дружеское или неприязненное, зависящее от многих факторов, явственно проявлено и оставляет множество несистемных следов в научной и художественной литературе, натурном проявлении (скажем скульптурное, литературное, архитектурное, художественное произведения). У человека соседство зависит в полной мере еще и от языка, культуры, воспитания, продолжительности соседства, степени общительности, исторического или семейного наследия в области соседства, etc...

В этой небольшой работе хотелось бы взять отправной точкой в рассуждении о соседстве человека, как наиболее обзримую в окружающей среде единицу исследования.

Соседство экологическое

Миры минералов и растений человек использует утилитарно, хотя от этих миров несомненно получает ответ на воздействие:

От мира минералов трудно воспринять какую-либо информацию об изменениях. Это очень загадочный мир. Я, правда, наткнулся однажды на один, считающийся фантастическим, рассказ о двух геологах, которые в своих поисках в глубокой тайге вышли на интересную скалу, останец, напоминавший своей конфигурацией две фигуры мужскую и женскую, стоящие рядом. Фигуры настолько были проработаны в деталях, что на мгновение им даже почудилось, что они сделаны каким-то неизвестным скульптором. Однако их величина делала эту версию невероятной. Ничего особенного, кроме внешнего вида, с точки зрения геологии не было, но женщина – геолог решила на всякий случай взять образец и отколола от большого пальца ноги женской фигуры кусочек камня.

На этом можно было бы закончить этот небольшой экскурс в геологию, однако история имеет свое удивительное продолжение. Лет через 15 или чуть более та же пара геологов волею судеб снова оказалась в том же месте. Образец, взятый женщиной, имел необычную для этого вида породы структуру и химический состав и лежал в хранилище много лет, не привлекая к себе никакого внимания, пока не заметили случайно, что он покрылся необычным налетом.

Геологи по старым крокам нашли то место, взглянули на знакомые останцы и обмерли. Скала изменила свой облик. Фигура женщины наклонилась, и ее рука была протянута к пальцу, откуда был взят образец. Если бы это был живой человек, можно было бы понять, что ей больно. Мужская фигура держала в поднятой руке огромный камень. Он собирался защитить женщину. И защитил бы, если бы не находился в другом временном измерении. Поразительная история, рассказанная писателем – геологом напоминает сказку. Однако «сказка – ложь, да в ней намек...».

Много интересного о взаимоотношениях мира минералов и человека можно почерпнуть из сказов П. П. Бажова, уральского писателя, в невеселых сказах которого много загадочного, замешанного на самобытной уральской жизни того времени. А сравнительно недавнее открытие микроскопических каналов в граните, наполненных жидкой субстанцией и микроорганизмами открывает новые горизонты познания соседства миров.

Надо сказать, что мир минералов дает достаточно большой массив данных и через общение с ювелирными изделиями, и поделочными работами, и гаданиями на камнях, привязывая определенный камень к натальной карте человека. Литературы об этом масса...

Мир растений гораздо подвижнее и ближе к человеку и даже представлен в пищевой цепочке. Человек уже получает информацию, характеризующую взаимоотношения между ними более наглядно.

У нас дома было два лимона. Оба располагались в деревянных, специально сделанных для них довольно громоздких ящиках. Один постоянно плодоносил, а второй много лет был бесплоден и бесполезен. Однажды жена, в очередной раз наткнувшись на этот ящик, решила бесполезный лимон убрать. Сказала ему (лимону) о своих намерениях, расстелила бумагу на полу, принесла нож, совок и уже собралась приступить к этому процессу, но внезапно раздался звонок в дверь. На пороге стоял приятель наших детей и попросил переговорить с ним.

Они присели на диванчик и проговорили этак незаметно часа полтора-два. После этого приятель ушел, время для процесса ликвидации было потеряно, так как были другие дела и жена отложила экзекуцию на другой день.

Утром следующего (!!!) дня на лимоне было огромное количество бутонов. Я насчитал около 50. Какой же ужас предсмертный испытало это растение! Яркий пример взаимодействия растительного мира и человека. Лимон нашел способ сообщить о своей беде на своем языке. И достаточно, на мой взгляд, убедительно. Это был урок для нас и повод для более внимательного и тонкого восприятия окружающего.

Имеется множество свидетельств о взаимодействии человека и растений, начиная от того, что каждый родится под сенью своего растения – охранителя и заканчивая энергетическими обменахми положительного и не только соседства. Имеется множества свидетельств взаимодействия растений и между собой, и с окружающей средой, и с космическими энергиями. В отличие от мира минералов соседство более наглядно, наиболее известны в этом отношении работы ботаников и селекционеров, как например наши советские ученые- селекционеры: И. В. Мичурин, Н. И. Вавилов, С. И. Исаев и т.д. Огромный материал для исследования оставили такие писатели, как В. В. Бианки, М. М. Пришвин...

Особенно интересно соседство мира растений и животного мира, совсем недавно открытый учеными при исследовании грибов. Впрочем некоторые ученые считают грибы отдельным отстоящим от растений миром.

О мире животных можно говорить много, можно не говорить совсем. Этот мир очень тесно переплетается с миром человека, начиная от общения с домашним котом и заканчивая работой китобойной флотилией, что конечно не делает чести человеку. И запрет на убийство китов и вообще животных только приветствуется автором. Соседство с миром животных становится все более добрым и недобрые девиации в этих отношениях становятся неприемлемыми и осуждаются обществом.

К сожалению, до сих пор имеется такое явление, как охота. Это явление принимает уродливые формы, когда становится не необходимостью, а спортом.

Человеческое царство кажется более сложным, чем все остальные, но это, конечно, не так, в чем мы постоянно убеждаемся. Просто о вышеупомянутых царствах, или мирах мы практически ничего не знаем, впрочем, как и о человеческом.

Сам человеческий мир состоит из множества кластеров разноуровневых и разнонаправленных. Это многообразие можно увидеть едва заглянув в интернет: там все от безнадежной черноты квадрата Малевича, до сияющей вершины горы Кайлас.

Еще один аспект соседства, который, мне кажется, нужно отобразить и осмыслить состоит в том, что любой предмет живой и даже неживой природы являет собой еще и соседство микро, макро и гипермиров. И это соседство, во-первых, имеет свое пространственное размещение и взаимодействие с другими подобными элементами, а с другой стороны соседствует, в своем взаимодействии соединяет микро и макро миры и энергетически связан с гипермирами, например Космосом. И значение такого взаимодействия становится все более явным. Как говорят христиане: «Приблизилось Царствие Небесное»

Соседство временнóе

Думаю, необходимо обратить внимание и на соседства во времени. Ведь те, кто жили до нас и будут жить после, строго говоря, тоже являются нашими соседями. Соседями во времени. Так разрушение статуй Будды боевиками ИГИЛ в Азии, является с этой точки зрения, недружеским соседским актом по отношению к тем, кто эти памятники создавал, не говоря уже о самих памятниках, их культовом значении и материале, из которого они изготовлены. Впрочем, дробление камня может быть и его размножением. Осколки ведь не теряют свойств минерала. Этот сам по себе очень сложный вопрос далеко не единственный и только открывает поле полемики огромного размера. Это усложнение основано еще и на том, что при осмыслении данного процесса нельзя исключать и пространственный фактор и энергетическую составляющую взаимоотношений.

Сужение тематики до явления чисто пространственно–временного, с одной стороны, сугубо добрососедского с другой, несомненно облегчает обсуждение и дает ему ту заданность, которая является наиболее актуальной.

Размеры статьи не позволяют раскрыть вопрос в полной мере с учетом всех факторов, поэтому мы, абстрагируясь от всего остального, останемся лишь на царстве человека и ограничимся рядом суждений и примеров, которые лежат на поверхности, легко обозримы и доказуемы.

Соседство социальное

Исходя из вышеуказанных критериев, представляется правомерным сузить этот вопрос еще более: до соседства в пространстве весьма ограниченном.

Как пример применимых методов:

Соседство будет состоять из нескольких стран, имеющих общую судьбу, будучи исторически недавно составляющими регионами одного государства, имеющими одни национальные корни и недалеко разошедшийся язык.

Любое сходство с конкретными регионами и какими-либо национальными особенностями является случайным и не является предметом рассмотрения или попыткой какой бы то ни было дискриминации.

ВЧЕРА: Обе страны были составляющими одного государства. Учитывая то, что в идеологии этого общего государства существенную часть составляла такая категория, как интернационализм, добрососедство, как проблема, даже не обсуждалась. Население, имея общее правительство, мигрировало по всему пространству этого государства, трудоустраивалось, состояло на общем учете и льготировалось или ограничивалось в правах на общих основаниях.

Любое государство имеет свои проблемы и достижения, беды и победы, цели и пути их достижения.

И в этом государстве все граждане имели абсолютно одинаковые права и обязанности, что делало их добрыми соседями как в общем номере гостиницы, так и на одной лестничной клетке или даже в коммунальной квартире. Противоречия, возникающие в процессе соседских коллизий, разрешались либо на уроне здравого смысла (чаще всего), либо с помощью общественности (редко) и гораздо реже с привлечением государственных институтов.

Именно государственное устройство давало возможность быть добрыми соседями всем своим гражданам. Была общая система воспитания и образования, которая опиралась на общие нравственные начала, общественную мораль и давала одинаково сформированную систему знаний. Общая система смыслов, языка межнационального общения и терминологии, исторического опыта, воздействия СМИ и культурологических воздействий (театр, кино, спортивные и фольклорные мероприятия), общегосударственная собственность на средства производства давали возможность взаимопонимания для всех без исключения людей, проживающих в этой стране. А добрососедство в первую очередь зиждется на взаимопонимании.

Надо отметить, что и система управления не допускала каких-либо исключений или отклонений. Все имели право сделать карьеру и пользоваться социальными лифтами вплоть до вершины управляющей пирамиды.

Однако это единство прав и обязанностей было однажды разрушено. Это разрушение носило взрывной характер и произошло после большой

войны, в которой все народы страны, все люди от мала до велика участвовали в освобождении своей земли от захватчиков.

Восстановление разрушенного хозяйства после победы несказанно объединяло все народы страны, наличие в социуме большого количества людей прошедших бои делало отношения достаточно открытыми и патристичными.

Народ победил, однако война и последующее восстановление народного хозяйства разделило общество на различные кластеры, которые в это время начали складываться:

- региональные интересы;
- национальные интересы;
- промышленные кластеры, поделенные на профессиональные министерства и ведомства;
- сельскохозяйственные регионы, каждый со своим климатом и севооборотом, разделенные по видам продукции;
- религиозные сообщества;
- etc...

Разделению происходило очень медленно, но неуклонно, предопределенное размерами страны, делением на национальные республики, многоуровневостью экономики, дефицитом ряда продуктов, внешним долгом и нехваткой квалифицированных кадров.

Все это в совокупности не способствовало добрососедству, так как появившиеся различия оставались в тени, пока общее руководство страны находилось в руках И. В. Сталина, носителя державной идеи и общей цели развития. Однако с приходом к власти Хрущева Н.С. все резко изменилось. Предательство в 1956 году на XX съезде идеалов, которыми жил советский народ, ошельмование Сталина, которого народ любил и которому он верил подорвали главное достоинство советской власти – доверие народа к своей правящей верхушке.

Волюнтаристские способы управления народным хозяйством только усугубили эти процессы. Национальные интересы стали подниматься региональными правителями выше общегосударственных, общенародных, и этот национальный эгоизм, как плесень, стал заражать весь социум вплоть до каждой семьи, до каждого гражданина. Изменилось общественное сознание.

Конечно, это произошло не одномоментно, не сразу, – нарастало, как снежный ком, и к 90-м годам прошлого столетия страна была готова к распаду по национальным республикам. Этому весьма способствовало и снижение качества управления страной. Деградация его после ухода Л. И. Брежнева стала наглядной, зримой, и каждый следующий

правитель был хуже прежнего. Общая идея госстроительства была похерена еще Хрущевым. Это повело страну к развалу, усугубленному еще и тем, что время правления последнего из тюрем и лагерей были выпущены массовым порядком те, кто служил во время войны врагу. Следующие поколения этих коллаборантов, воспитанных с детства на ненависти к коренным народам России целенаправленно были направлены во власть...

Для дальнейшего рассмотрения вопросов соседства и добрососедства необходимо уточнить, какое соседство мы будем иметь в виду: соседство людей одного возраста, либо разного; одного благосостояния, либо различного; одного социального слоя, либо разнесенных по принципам социальной лестницы, классовой принадлежности, характерам и увлечениям.

Особое место в этих категориях занимает межнациональное соседство. Здесь тоже может быть несколько подходов к теме: время возникновения соседства, его причины, добровольность и национальные особенности, которые в период соседства могут повергнуться взаимной конвергенции, либо стать антагонистическими, о чем и говорилось ранее.

Эта тема особая и на общих Круглых столах, как правило, не обсуждаемая, поэтому мы ее тоже пока отложим в сторону.

Остановимся на бытовом аспекте соседства, которое всем знакомо и наиболее значимо и для благосостояния семьи, и для воспитания детей, а порой и для выживания в сложных условиях.

Это могут быть природные катаклизмы (от прорвавшейся трубы, взрыва газа и до урагана, которые стали не редки) или социальные конфликты (от надписей на стенах в подъезде, до наркоманов и бандитизма), войны.

Вопрос о том, как поведут себя соседи в спокойной обстановке и в критической ситуации зависит от отношений, которые вы с ними наладили в процессе общения.

Именно эта кропотливая повседневная работа в процессе общения и обеспечит выживание в экстремальной обстановке, которая сегодня не является такой уж надуманной, учитывая сегодняшнее положение вещей в стране и мире.

Чем же руководствоваться в общении с соседями, чтобы всегда жить в согласии и добрососедстве?

В СССР эта проблема решалась достаточно просто: интернационализм предполагал добрососедство, независимо от национальности, культуры, а меры правоохранительных органов предполагались в крайних случаях и подкреплялись различными способами общественного воздействия.

Существовали правила социалистического общежития, которые независимо от того, как к этому относиться, базировались на нравственных основах, данных в христианской или мусульманской апологетике (для России и нашего региона).

В принципе все формулируется очень просто: «не делай другим того, что не хотел бы получить сам».

Все вышесказанное, на мой взгляд, дает как понимание сложности проблемы добрососедства, так и насущную необходимость ее решения. Изучение прошлых традиций, корней и прогноз будущих векторов такая тема как никогда актуальна, как и частный вид соседства.

Мой взгляд не является ни «истиной в последней инстанции» не претендует на всеобъемлющее описание данных процессов и состояний, так как для этого нужно гораздо больше (как несколько неожиданно оказалось) пространства и времени.

Одно является неоспоримым: добрососедские отношения являются индикатором состояния социума, уровня его управления, характеризуют степень его духовного развития и вектор, по направлению которого общество движется во времени.

Надеюсь «велосипед», который как проект родился у меня в голове не хуже других. А как он будет ездить, зависит от его системной проработки в дальнейшем. Думаю, большой материал для этого даст и спецоперация, которая затронет весь мир физически, ментально и эмоционально.

Жаль, не хватило пространства и времени для более подробного исследования.

Информация об авторе

Ю. В. Савельева – независимый исследователь.

Information about the author

Yury V. Savelyev – independent researcher.

Статья поступила в редакцию 21.01.2022; одобрена после рецензирования 13.03.2022; принята к публикации 13.03.2022.

The article was submitted 21.01.2022; approved after reviewing 13.03.2022; accepted for publication 13.03.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Горизонты цивилизации» (ISSN 2413-0125) – мультидисциплинарное периодическое издание, выходящее два раза в год (май, ноябрь). Оба выпуска годового тома посвящаются конкретной тематике.

Основная цель журнала – создание условий для диалога представителей разных наук и практик, в основе которого – обсуждение тем цивилизации, цивилизованности и цивилизованности, рассматриваемых в самом широком смысле, но не теряющих терминологической конкретности. Редакционная коллегия определяет суть исканий, организуемых журналом, как интеллектуальную рефлексию о путях развития человечества, его прошлом, настоящем, будущем, усматриваемых в каждом элементе и феномене земной материальности и духовности. Несмотря на широту тематики за 12 лет существования журналу удалось представить на своих страницах самые разные подходы к исследованию цивилизационного развития.

Миссия журнала – преодоление разрыва между гуманитарными и естественными науками, между теорией и практикой, наукой и другими смысловыми конструктами (включая искусство, религию, верования, убеждения).

Этой цели служит ежегодная очная конференция для авторов журнала, на которой есть возможность слышать разные точки зрения и находить пути конструктивного диалога, разрушающего комфорт принадлежности к определенной группе единомышленников. Место проведения конференции – Аркаим, Челябинская область.

Кроме академической части, где публикуются материалы, соответствующие правилам научной публикации, индексируемые постатейно в РИНЦ, в журнале существует несколько постоянных рубрик, где материал может быть представлен в более свободной

форме: «Мысли. Опыт. Мнения», «Рецензии и обзоры», «Персоналии», «Памятные даты» и другие.

История журнала. В 2010 году прошли Первые Аркаимские чтения «Горизонты цивилизации», собравшие ученых разных направлений естественных и гуманитарных наук, практиков, ищущих ответы на вопросы цивилизационного развития. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области изучения цивилизационного поля.

Учредитель – Челябинский государственный университет.

Журнал предполагает привлечение экспертов в различных областях знания для ведения тематических выпусков в качестве приглашенных редакторов.

Объявлена тема 14-го тома журнала (два выпуска, 2023 год): «Переход: транзитивность как феномен культуры и цивилизации».